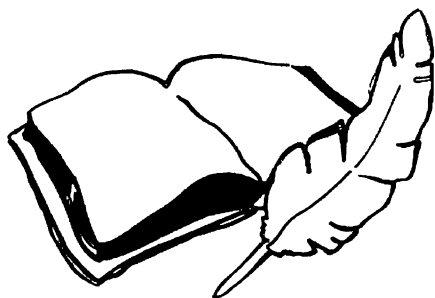

Серия «Русская речь»

И.Б. ЛОБАНОВ

**ГОВОРИМ ПРАВИЛЬНО
ПО-РУССКИ**
Речевой этикет

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2013

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

КТК 801

Л68

Лобанов И.Б.

Л68 Говорим правильно по-русски : речевой этикет / И.Б. Лобанов. — Ростов н/Д : Феникс, 2013. — 191 с. — (Русская речь).

ISBN 978-5-222-20995-0

Русский язык захлестнула волна перемен. Многочисленные заимствования, из-за которых русские перестают понимать родную речь; потоки жаргонных, грубых, разговорных слов, которые употребляются к месту и не к месту; «фокусы» с орфографией, которая еще совсем недавно казалась чем-то незыблемым... Значит ли это, что языковая норма разрушается или кардинальным образом меняется? И что делать? Цель данной книги — научить читателя думать и рассуждать о том, что является «плохим» и ненужным, и как сохранять красивое, правильное, целесообразное, уместное в родном языке.

Настоящее издание включает пять разделов, связанных с разными аспектами функционального использования устной и письменной речи. Прилагается краткий словарь трудностей русского языка.

Для широкого круга читателей, интересующихся современным состоянием и судьбой русского языка.

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-222-20995-0

© Лобанов И. Б., 2012

© ООО «Феникс», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	7
ЗА ЧИСТОТУ ВЕЛИКОГО И МОГУЧЕГО	13
«Долой небрежность в языке!»	13
Звуки против букв. И наоборот	15
Многострадальная ё	17
Глотая звуки	19
Капризное ударение	20
Омографы	22
«Падонки!»	23
Проект или проэкт?	26
Так ли неуместна латиница?	30
Слова и их формы	34
Род существительных	34
Колебания в роде существительных	34
Род сложных существительных	35
Род несклоняемых существительных	35
И снова о кофе	36
Учитесь считать деньги	37
«Каждой твари по паре...»	39
Слово в предложении	39
«На бильярде играть» запрещается?	39
Благодаря	41
Стилистическая окраска предлогов	42
Официальный. Но понятный	43
«Кто кого»?	44
Нанизывание падежей	45

Капризные деепричастия	46
«Не в бровь, а в глаз»: О точности словоупотребления	47
Устойчивые сочетания слов	50
Немного теории.....	50
«Мягкое» или «больное»?.....	52
Сочетая несочетаемое	53
Повышаем, улучшаем, увеличиваем.....	53
А если специально?.....	55
Зачем нам синонимы?	57
Больше точности.....	58
Взаимное усиление.....	59
Ошибки словоупотребления	59
Повествование — это рассказ.....	60
Потенциал.....	60
Поэты ранимы.....	62
Паронимы, или Почти близнецы.....	63
«Ни слова лишнего!»: Плеоназм и тавтология	67
Масло масляное	68
Плеоназм, или Избыточность, которая незаметна.....	69
Ловушка для лишнего.....	72
«ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»: ПРОБЛЕМА ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	74
С чисто русским гостеприимством	74
Презентация	75
Блог.....	76
Паб.....	78
Дефицит.....	79
Шлягер, хит или популярная песня?.....	80
Когда гостеприимство уместно?.....	82
Приключения «иностранцев» в России	84
Иностранное, но с русским акцентом.....	84
Русские законы для иностранцев	85
А нам все равно!	86
Шоп-тур.....	87
Потомки с иностранными корнями.....	88

У нас всем найдется место!	88
Уикенд, или «Верните нам праздник!».....	89
Немного смелых фантазий о судьбе русского языка	90
Можно без «чужеземщины»?!	93
«Иностранные слова непонятны...»	95
Когда незванный гость хуже татарина	97
Контент.....	97
Релиз.....	98
Менеджер.....	99
Размышления по поводу	101
БУДЕМ ВЗАИМНО ВЕЖЛИВЫМИ	104
«Эй, как вас там?»	104
«Вы»-обращения.....	105
«Ты»-обращения.....	108
Безличные обращения	110
Обращения по имени	111
«Заместители» обращений.....	113
И все-таки, как вас там?	113
«Вы» многоликое	114
Когда мы перешли «на вы»	115
Вы и вы	116
Политкорректность	117
Политкорректность по-американски.....	118
А у нас?	119
На Україні	121
А как же самоуважение?	124
Краткие итоги.....	125
Нельзя ли без сальностей?	126
Поле брани.....	126
«Я нечаянно!».....	131
«ВСЯК СВЕРЧОК ЗНАЙ СВОЙ ШЕСТОК»: О СТИЛИСТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ	136
«Ради красного словца...»: О «стебе» и всем, что с ним связано	136
Стилистический ликбез	138

Общеупотребительная, книжная и разговорная лексика.....	139
Диалектная, профессиональная и жаргонная лексика.....	140
Нейтральная и экспрессивная лексика.....	142
Уместно или неуместно?.....	144
ЗАГАДКИ РУССКОГО ЯЗЫКА.	
ПОДЛИННЫЕ И САМОДЕЛЬНЫЕ.....	146
Этимология и псевдоэтимологии.....	146
Научная этимология.....	146
Народная этимология.....	148
Псевдонаучные этимологии.....	150
СОВЕТЫ ДЛЯ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ.....	159
РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ.....	163
СЛОВАРЬ ТРУДНОСТЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	170
ЛИТЕРАТУРА.....	190

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В книге рассматриваются самые разнообразные языковые факты, но в центре ее находится русский литературный язык. **Литературный язык** — это не язык художественной литературы. Это даже не язык «литературы» в широком смысле этого слова — юридической, научной, учебной. Так уж случилось, что внутренняя форма выражения «литературный язык» скорее сбивает с толку, чем направляет. Литературный язык — это язык культурный, окультуренный, то есть нормированный. На нем не только написаны книги («литература») — *при помощи литературного языка пишут и говорят образованные люди.*

Особо следует сказать о **качествах хорошей речи**. Они были выделены еще в древние времена, но их значимость сохраняется до сих пор. Человек, который хочет претендовать на статус хорошо владеющего родным языком, должен стремиться к их реализации.

Уместность — соответствие речи ситуации, обстоятельствам, условиям, в которых она произносится или (когда мы имеем дело с письменной формой) функционирует.

Российский лингвист Л.П. Крысин в статье «Языковая норма и речевая практика» приводит очень характерный пример, почти анекдот из советских времен: «Знаменитый металлург академик И.П. Бардин на вопрос о том, с каким ударением он

произносит слово *километр*, ответил: «Когда как. На заседании Президиума Академии — *килоméтр*, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском заводе, конечно, *кило́метр*, а то подумают, что зазнался Бардин»». Не правда ли, за таким речевым поведением просматривается не только желание быть везде «своим», но и уважение к тем людям, которые окружали академика?

Литературный язык полифункционален, то есть находит применение в самых разных сферах общения и для достижения самых разных целей. Этим он отличается от других разновидностей языка (например, диалектов). Литературный язык может использоваться как в бытовом общении, так и для создания произведений художественной словесности, как для общения с близкими людьми, так и для установления контактов с незнакомцами; он обслуживает деловое, научное общение, используется в средствах массовой информации. Каждая из этих сфер накладывает свой отпечаток на язык. И то, что является уместным и даже необходимым в одном случае, оказывается неприемлемым или нежелательным в другом.

В то же время литературный язык — это всего лишь разновидность русского языка или, если угодно, его часть. В русском языке имеется огромное количество средств, которые различаются с точки зрения своих качеств. Это нетрудно увидеть на примере следующей классификации:

- высокая лексика, употребляемая для того, чтобы говорить о значительном, возвышенном, торжественном: *лик, соратник, старец, жажда* (в смысле «желание»), *влага*;
- книжная лексика, типичная для книжных стилей (*водоем, насаждения, лесной массив*), она представлена также терминологией;
- нейтральная лексика, употребление которой допустимо в любом тексте (*лицо, хороший, большой, старик*);
- разговорная и просторечная лексика, которая характерна для неформального общения (*харя, уродливый*);
- сниженная лексика, которая характеризует нечто презрительно и уничижительно и в силу резкости содер-

жащейся в ней оценки используется очень ограниченно (*юнец, морда, старикашка*).

Граница между литературным и нелитературным языком проходит по четвертому пункту этой классификации. Причем этот пункт находится как бы «на грани»: с одной стороны, лексика, которая принадлежит к данной категории, может встречаться в речи носителя литературного языка, но, с другой стороны, чрезмерное «заигрывание» с ней нежелательно.

Красота — эстетическая сторона речи. Естественно, такое качество, как эстетичность, применительно к речи следует понимать широко. Это не только использование речи в стихах и художественной прозе. Речь должна быть красивой вообще: яркой, гармоничной, меткой, образной, насыщенной...

Чистота — это, если говорить максимально просто, отсутствие в речи всего лишнего. Речь — это средство выражения мыслей и чувств, а также передачи информации. С этой точки зрения все, что не способствует реализации предназначения речи, может рассматриваться как ненужное. Чистая речь этого лишена. Нормальной речи не нужны слова-паразиты, не нужна нецензурная брань, тем более если она используется «через слово».

Точность — это использование слов в закрепленном, общепринятом значении. Речь одного человека понятна другому только потому, что они оба владеют одним и тем же языком. А это означает, что конкретное слово означает для них одно и то же (или почти одно и то же). Если бы дело обстояло иначе, то человеческое общество погрузилось бы в хаос, ведь тогда каждый понимал бы слова другого так, как ему заблагорассудится. Слова же — это мостик между людьми, средство достижения пусть не согласия, но хотя бы компромисса.

Естественно, люди не могут всегда понимать друг друга абсолютно. Это очевидно даже с точки зрения языка. Ведь у двух человек может быть один язык, но при этом каждый из них будет владеть этим общим языком по-своему. Допустим, я хорошо знаю определенное слово, а вы его не знаете. Когда я употреблю в своей речи это слово, вы меня не поймете. В идеале

говорящий — насколько это, конечно, возможно — не должен использовать слова, которые являются для его собеседника непонятными; если же он использует их, то он должен объяснять их значение или быть готовым по первому требованию дать объяснение. Но, с другой стороны, любой собеседник должен стремиться к более глубокому овладению языком, на котором он говорит, ведь мир не станет подстраиваться под человека.

Точность речи нарушается также в тот момент, когда говорящий использует слово не в общепринятом значении. Другими словами, он использует его неправильно. (Этот случай следует отличать от намеренной «неточности», когда человек использует слово необычно в рамках метафоры — «гора сена» вместо «стог сена» — или для того, чтобы создать комический эффект.)

Богатство речи — это максимально широкое использование ресурсов языка. По большому счету, мы могли бы обойтись очень ограниченным словарем. Мы все помним словарь Элочки-Людоедки из незабываемого романа И. Ильфа и Е. Петрова. Как указывают авторы, героиня спокойно обходилась тридцатью словами. Но мы приведем другой пример из рассказа «Самый счастливый день» В. Токаревой:

Машка Гвоздева безусловно попадет в интеллигенцию, потому что от ее мозгов гораздо больше пользы, чем от ее рук. А у меня ни рук, ни мозгов — один словарный запас. Это даже не литературные способности, просто я много знаю слов, потому что я много читаю. Это у меня от папы. Но знать много слов совершенно не обязательно. Мальчишки в нашем классе вполне обходятся шестью словами: точняк, нормалек, спокуха, не кисло, резко, структура момента. А Ленка Коновалова любую беседу поддерживает двумя предложениями: «Ну да, в общем-то...» и «Ну да, в общем-то, конечно...» И этого оказывается вполне достаточно: во-первых, дает возможность говорить собеседнику, а это всегда приятно. Во-вторых, поддерживает его сомнения. «Ну да, в общем-то...», «Ну, в общем, конечно».

Конечно, это пример крайний. Такой «язык» подойдет разве что для установления эмоционального контакта с другими людьми, но не для полноценного общения.

Любой литературный язык (и русский язык в этом плане явно преуспел) предоставляет нам разнообразные средства для выражения самых немислимых тонкостей и оттенков смысла. В нем есть достаточно большое количество синонимов, которые часто определяют как слова с одинаковым значением. В действительности же «слов с одинаковым значением» не существует! Все синонимы различаются тонкими оттенками смысла, а потому член синонимического ряда оказывается более уместным в одном контексте и неуместным в другом.

Возьмем в качестве примера синонимы слова *хороший*. Слова *прекрасный* и *великолепный* имеют отчетливый книжный характер. Прилагательные *отличный* и *классный* в большей степени свойственны разговорной речи (причем второму слову это качество присуще в большей степени). Прилагательное *обалденный* вообще является просторечным. Слово *отменный* отличается от остальных более узкой сочетаемостью: мы можем сказать *хороший (великолепный, прекрасный, отличный, классный) телефон*, но вряд ли скажем *отменный телефон*; с другой стороны, мы вполне можем сказать *отменный вкус, отменный суп*. Есть в этом слове нечто утонченное, не правда ли? *Бесподобный* — это, пожалуй, наиболее эмоциональное слово из всего ряда, потому что его, скорее всего, произнесет человек, который не просто оценивает, но и испытывает при этом сильные положительные чувства. Все синонимы слова *хороший* указывают на чуть более высокую степень качества, чем само это слово, то есть близки по смыслу к словосочетанию *очень хороший*.

Но дело не только в этом. Богатство — это качество, которое делает речь многообразной. Когда писатель рассказывает историю своего персонажа, он стремится охарактеризовать его с разных сторон и для этого использует имена (*Иванов, Иван Иванович, Ванька, Ванюша*), устойчивые характеристики (*молодой человек, юноша, щенок, птенец*) или характери-

стики, обусловленные ситуацией, теми конкретными обстоятельствами, в которых находится персонаж (*горемыка, счастливец, мыслитель, красавец, силач*). Само собой разумеется, автор использует и местоимение *он*. Но представьте себе, что было бы, если бы он использовал только это местоимение наряду с одним-единственным именем! Язык предоставляет нам множество возможностей говорить по-разному об одном и том же, и в этом заключается его богатство.

По большому счету, словарный состав языка — это отражение культурного опыта народа. Если в словаре есть слово, значит, этому слову что-то соответствует, пусть даже только в памяти или богатой фантазии. Внимательное отношение к богатствам языка — это одно из наиболее существенных средств сохранения богатства культуры.

И чем богаче речь человека, тем богаче его внутренний мир. Наличие целого ряда слов, которые мы можем применить к одному и тому же явлению, приводит к тому, что мы перестаем воспринимать мир в двух тонах — черном и белом. Мы начинаем видеть разные стороны одного и того же явления.

Но начнем мы едва ли не с самого важного качества речи — **правильности**.

ЗА ЧИСТОТУ ВЕЛИКОГО И МОГУЧЕГО

«Долой небрежность в языке!»

Правильность — соответствие речи стандартам, нормам, существующим в рамках общности носителей языка. Эти стандарты вырабатывались в процессе использования языка, когда его носители пытались определить, как говорить «правильно» («хорошо») и что в речи людей нельзя считать «хорошим». Затем нормы были закреплены специалистами в словарях, справочниках и пособиях.

Норма в наши дни, пожалуй, не играет той роли, которую она играла прежде, каких-нибудь двадцать-тридцать лет назад. Процессы, которые протекают в нашем языке в последние два десятилетия, можно с полным основанием назвать *демократизацией*. И языковая демократизация, конечно, является отражением и продолжением демократизации в политической, социальной и культурной жизни.

Это не значит, что нормы «отменили». И это не значит, что можно говорить как угодно. В наши дни отклонения от нормы допускаются, но лишь в том случае, если они мотивированы, оправданны. Сейчас гораздо чаще, чем раньше, люди нарушают нормы намеренно, то есть с определенным «умыслом» (например, желая удивить, шокировать, оказать воздействие, вызвать смех). Подобные цели часто достига-

ются путем прямого нарушения нормы (хотя это нарушения «понарошку», то есть в рамках игры).

Несмотря на свою жесткость, а иногда и абсурдность, норма выполняет очень важную функцию. Если выражаться совсем просто, она не позволяет нам распуститься. Она держит нас в форме и постоянно напоминает нам: «Следи за своими словами! Нельзя говорить как придется».

Языковая норма изменчива, и специалисты в области языка всегда хорошо понимали это. Но, как и все в этом мире, языковая норма переживает разные времена. Можно было бы сказать «плохие и хорошие», но это тоже не совсем верно. Скорее, в одни эпохи на первый план выступает сама норма: она — стабилизирующий фактор, потому что четко, однозначно определяет, что «хорошо» и что «плохо». В советский период норма была как раз таким стабилизирующим фактором, и за бесконечными исправлениями устной и письменной речи стояло четкое знание: «Так не говорят».

В другие эпохи, наоборот, на первый план выступает изменчивость нормы. Что мы наблюдаем и сейчас. Язык, который раньше казался незыблемым и даже «вечным», вдруг оказался неустойчивым. В этой неустойчивости что-то есть, она явно сулит что-то новое и интересное, но главная задача в том, чтобы окончательно не утратить равновесия и сохранить самобытность.

Без норм нельзя представить себе русского языка, который является развитым, обработанным, культурным — то есть **литературным** языком. Норма вносит в функционирование языка особое измерение, и отказаться от этого измерения — значит поставить крест на культуре. Не только на культуре речи — на культуре нашего народа.

Языковая норма напоминает:

- к слову нужно относиться внимательно (то есть правильно ставить ударение, правильно образовывать формы);
- слово нужно беречь (то есть не допускать его неверного использования).

«Долой небрежность в языке!» — вот девиз нормы. Разве кому-то не по душе такой девиз?

Звуки против букв. И наоборот

Речь имеет две формы: устную и письменную. Произношение и правописание — это, по большому счету, две самостоятельные системы. И нельзя сказать, что они «дружат». Скорее, наоборот, между ними имеется определенное напряжение, которое нам, носителям языка, создает целый ряд неудобств.

Но поделаться мы с этим ничего не можем.

В дореволюционной орфографии, например, существовали буквы, наличие которых во многих смыслах было избыточным. Взять хотя бы букву Ъ (ять), которая

создавала немало проблем гимназистам, вынужденным зубрить списки слов, чтобы не допускать ошибок в правописании. Меньше неудобств создавала буква ъ; но зачем писать ее в конце каждого слова, обозначая твердость?

Была еще буква і, которая, с современной точки зрения, использовалась там же, где могла бы употребляться буква и, но при определенных, строго оговоренных условиях. Использовалась она и для противопоставления слов *міръ* и *миръ*, так что известный советский лозунг в дореволюционной орфографии

должен был бы выглядеть так: *Міру миръ* (но не наоборот). И все это тоже надо было учить... Неудивительно, что гимназист В. Ульянов оставил нам завет: «Учиться, учиться и еще раз учиться».

Молодая
учительница
проводит свой
первый урок в

сельской школе, знакомится
с учениками, просит каждого
рассказать стихотворение.

Девочка-отличница:

— «Осень наступила, птицы
улятели...»

Учительница прерывает:

— Подожди-подожди, давай
еще раз с начала.

— «Осень наступила, птицы
улятели...»

— Нет-нет, вспомни, как
нужно правильно говорить,
попробуй еще раз.

— «Осень наступила, птицы
улятели...»

— Да почему «улятели»-то?!

— Ну, почаму-почаму:
клявать нечаво, вот и
улятели...

Реформа русской орфографии 1918 года эти сложности в массе устранила. И что же? Недовольных было множество! Русское зарубежье от этих нововведений вообще отказалось, и русскоязычные газеты и журналы, выпускаемые за рубежом, некоторое время выходили в дореформенной орфографии.

Но этого мало. Недовольные реформой имеются и в наши дни. Им, например, не нравится, что в некоторых словах приходится писать приставку *бес-*, которая почему-то напоминает им о чертях. До революции ничего подобного не было, ведь слово *бѣсъ* писалось с ятем, а конечные согласные на конце приставок при письме не оглушались: писали *безсо-вестный, бесполезный*.

Не меньше шума поднялось, когда несколько лет назад лингвисты выступили с инициативой новых реформ. Они не были настолько же революционными, как реформы 1918 года, но устраняли некоторые сложные и спорные вопросы. Например, предлагалось отменить существующие исключения и писать *брошура, парашут* (вместо принятых сейчас написаний *брошюра, парашют*). Но нет, общественность взволновалась, и реформа не состоялась. Что ж, понять это можно: человеку, у которого орфографические навыки сформировались, трудно менять привычки. И мы готовы писать слова по традиции, несмотря на то, что письмо на века отстало от произношения.

Что касается реформы, то она, пожалуй, была бы полезна. По крайней мере, в одном отношении. Она напомнила бы нашим занятым своими делами гражданам, что язык существует, побудила бы их окинуть свежим взглядом то, к наличию чего они привыкли и почти не замечают. А о конкретных изменениях, их целесообразности и объемах можно и нужно спорить. И автор уверен, что вопрос о реформе еще будет поднят. Просто время сейчас для этого неподходящее.

А пока все остается по-прежнему. Вот и приходится нам, носителям русского языка, учитывать, что часто слышится совсем не то, что следует писать, и многое нужно запоми-

нать. И кто знает, что лучше: знать и использовать правила или менять наработанные привычки...

Многострадальная ё

Буква ё в современной русской графике имеет несколько использований: с ее помощью передают сочетание звуков [йо] (*поёт*), а также звук [о] после мягкого согласного (например, *лён*).

«Откуда есть пошла буква ё...»

Использование буквы ё для обозначения звука [о] диктуется традицией: в исконно русских словах она всегда пишется там, где раньше произносился звук [э]. Этот звук в особых условиях перешел в звук [о], и произошло это приблизительно в XIV веке. Раньше не только писали, но и говорили «береза»!

Тем не менее, люди по традиции продолжали писать букву *e* там, где они стали произносить [о].

Естественно, это не относится к заимствованным словам (например, *манёвр*), где звук [о] после мягкого согласного передает — кстати, весьма приблизительно — то, как звучит аналогичное слово во французском языке, откуда оно и было заимствовано.

Штирлиц долго смотрел в одну точку... Потом в другую...

— Двоеточие! — догадался Штирлиц.

Тем не менее, люди по традиции продолжали писать букву *e* там, где они стали произносить [о].

Откуда взялись две точки у буквы ё? Н.М. Карамзин ориентировался на графику немецкого языка, где при помощи двух точек обозначается особое чередование гласных.

Этот процесс не затронул церковнославянский язык, и именно поэтому сейчас в русском языке есть слово *нёбо*, восходящее к древнерусскому языку, и церковнославянское по своему происхождению слово *небо*. И небо, и нёбо — это, условно говоря, «купол». Эти слова являются родственными, а фактически — вариантами одного и того же слова, которые появились в разных языках, древнерусском и церковносла-

вянском. Консервативный церковнославянский язык сохранил архаичное произношение, которое позже перешло и в русский язык.

Примерно такое же соотношение наблюдается в другой паре слов, *крестный* и *крѣстный* (ср. высокое церковное выражение *крестный ход* и бытовое, гораздо более близкое к повседневной жизни выражение *крѣстный отец*).

По большому счету, не используя в наши дни букву *ѣ*, мы пишем так же, как писали наши предки. Учтите, что в древнерусской графике буквы *ѣ* не было, идея ее введения принадлежит Н.М. Карамзину и возникла на рубеже XVIII–XIX веков.

Судьба этого нововведения сложилась непросто. Официально буква *ѣ* была введена в состав русского алфавита только во время реформы орфографии 1918 года, но, по большому счету, так и не закрепилась в качестве полноценного элемента русской графики. Обратите внимание, что в этой книге, например, буква *ѣ* используется исключительно в данном разделе и исключительно для того, чтобы указать на нее саму, — во всех остальных случаях, когда употребление этой буквы необходимо, вместо нее употребляется буква *е*. И такова общераспространенная практика.

Чем грозит потеря буквы *ѣ*

В наши дни букву *ѣ* используют только в букварях и книгах, предназначенных для иностранцев, изучающих русский язык.

И из-за этого при произношении некоторых слов возникают трудности. Мы пишем *белесый*, *маневры*, *афера*, знаем, как выглядят эти слова на письме. Но как они произносятся? Использование буквы *е* в этих словах приводит к тому, что мы произносим их неправильно, то есть говорим *белесый* (вместо правильного *белѣсый*), *маневр* (вместо правильного *манѣвр*), и наоборот — *афѣра* (вместо правильного *афера*), *гренадѣр* (вместо правильного *гренадер*).

Вот список слов, правильное произношение которых желательно запомнить:

акушерка, афера, безнадежный, белёсый, гололедица, гренадер, крёстный отец, крестный ход, ксёндз, манёвр, опека, сие, современный.

Глотая звуки

Для русского литературного произношения характерно полное произношение. А потому всевозможные усеченные варианты *здасьте, пожалста, тока, у тя* — это проявление «дурного вкуса». В лучшем случае они уместны в рамках просторечия. Произносите слова точно, не глотайте звуков — в конечном счете, те, к кому вы обращаетесь, лучше и быстрее вас поймут и примут за образованного, культурного человека.

Не добавляйте в слова лишних звуков, произносите звуки правильно! Так говорить нельзя: [асвальт], [пелемени], [киосок].

Впрочем, есть ряд случаев, когда устная литературная речь не приветствует буквального следования орфографии.

Наверное, дело в том, что в русском языке существуют такие сочетания согласных, которые произнести крайне трудно (хотя и возможно). Возьмем, к примеру, слово *грустный*. Сочетание букв *-стн-* необходимо, обусловлено правилами грамматики: два первых согласных звука являются частью корня *-груст-*, за ними следует суффикс *-н-*, необходимый для образования прилагательного. Но в итоге получается сочетание, которое совсем не способствует удобству работы нашего языка как физического органа.

Как быть в таких случаях? Норма иногда дает нам послабление, и мы можем говорить *безвла[сн]ый*, а не *безвла[стн]ый*, *здра[ст]вуйте*, а не *здра[вств]уйте*, *ле[сн]ый*, *ме[сн]ый* и т. д.

Однако же мы должны тренировать пластику языка в таких словах, как *великовозрастный* или *властный*.

За всеми уточнениями обращайтесь к орфоэпическим словарям или к небольшому словарю, который помещен в конце этой книги.

Капризное ударение

Ударение — это один из наиболее сложных аспектов русского языка. Можно понять затруднения, возникающие при столкновении с русским ударением у французов, чередующих в своей речи ударные и безударные слоги, и испанцев, в языке которых ударение, за редкими исключениями, падает на предпоследний слог. Им, конечно, нелегко понять, почему, например, в существительном *ветер* ударение всегда падает на первый слог, в существительном *вещество* — только на окончание, а в слове *душа* (непредсказуемом, как и то, что оно обозначает) перемещается при склонении слова между основой и окончанием. И, самое главное, все это надо запоминать! Впрочем, проблемы с ударением типичны не только для иностранцев, но и для тех, кто говорит по-русски с рождения.

Существуют профессиональные нормы произношения слов. Моряки говорят *компас*, *рапорт*; юристы — *осужденный*, *возбуждено*; медики — *алкоголь*. Оставим эти вольности на совести специалистов. Это профессиональные нормы, они отличаются от общезыковых. Поэтому всем следует говорить: *компас*, *рапорт*, *осуждённый*, *возбуждено́*, *алкогóль*.

Сложность — но совсем не беда — русского ударения заключается в том, что оно:

- **разноместно**, то есть может падать на разные части слова;
- **подвижно**, то есть может перемещаться с одной части слова на другую при образовании форм (склонение, спряжение).

Все это может ввергнуть в отчаяние, а следовательно, подтолкнуть к тому, что человек, махнув на все рукой, примется ставить ударением там, где придется. Но литературный язык требует от нас следить за этой стороной речи и не позволять себе произвола. И тут ничего не поделаешь, что-то действительно придется запомнить.

Ниже приведены списки слов и некоторые словоформы, которые разделены на группы в зависимости от того, на какой слог в них падает ударение. Прочитайте эти списки, ставя ударение правильно. Это, в общем-то, совсем несложно и чуть-чуть похоже на стихи. Возможно, прочитав этот список, вы обнаружите, что постоянно произносите какое-то слово с неправильным ударением. Возможно даже, что вы запомните, как его все-таки стоит произносить. А если не запомните, то вернитесь к этим спискам еще раз. И еще. И еще. Пока не запомните правильное произношение слов.

В магазин
электроники
вбегает мужчина:
— У вас кабели есть?

Менеджер:

— Вон к девушке
подойдите, она у нас спец
по кабелям!

Девушка, краснея и от
смущения так же ставя
ударение:

— Я кабелями уже давно
не занимаюсь! Меня в
другой отдел перевели!

Ударение на первом слогѐ:

*втридорога, дѐспот, заговѐр, иконопись, кла́ла,
кухонный, наискось, ненави́сть, плѐсневѐть,
похороны (но: похоро́н), свѐкла, си́лос, случáй,
согнутый, срѐдства, стáтуя, тѐрты, Хаос
(мифол., первичное состояние Вселенной),
цѐнтнер, черпáть, э́кскурс*

Ударение на втором слогѐ:

*агѐнт, анáтом, арѐст, безудержный, блокирѐвать,
боязнь, гладильный, давнийшнй, дефис, добыча,
донѐльзя, досу́г, дремѐта, жестѐко, завидно,
заѐм, звѐнит, закупорить, исчѐрпать, кварта́л,
кичитьсѧ, коклюш, крапива, красивѐе, кремѐнь.*

ко́рысть, ло́моть, ма́нэвры, нало́женный, на́мерение, нао́тмашь, недви́жимость, норма́ровать, опе́ка, опто́вый, отку́порить, осведо́мить, прину́дить, при́рост, проце́нт, рефле́ксия, сироты́ (мн.ч.), со́зывает, столя́р, тамо́жня, танцо́вица, уме́рший, факсими́ле, хода́тайство-вать, хозя́ева, це́мент, це́почка, шо́фёр, ца́пель, экс́перт.

Ударение на третьем слоге:

алфа́вит, алкогóль, бала́вать, бю́рократия, ди́алог, диспансе́р, до́говор, духо́вник, ерети́к, жало́зи, за́всегда́й, избало́ванный, испо́вдание, истерия́, катало́г, ка́учук, киломе́тр, кладо́вая, нувори́ш, некро́лог, обле́гчить, ободрить́, подбодрить́, поутру́, предвосхи́тит, при́говор, просты́ня, санти́метр, спирто́вой, тира́ния, углуби́ть, украи́нский.

Ударение на четвертом слоге:

асимме́трия, ветери́нария, меди́камент, ново-ро́ждённый, обетова́нный, пло́мбировать, пре́ми-ровать, путе́провод, санита́рия, сосре́доточение, христиа́нин.

Никто не слушает выступающего, пока он не ошибется (закон стояния в очереди Вайла).

Омографы

Особое внимание следует уделить правильному употреблению **омографов** — слов, которые пишутся одинаково, но различаются ударением: *отзы́в* — *о́тзыв*, *на́голо* — *наго́ло*, *заржа́веть* — *за́ржаве́ть*, *про́клятый* — *прокля́тый*, *характе́рный* — *ха́рактерный*, *заброни́ровать* — *забро́нировать*, *атла́с* — *атлас*, *бро́ня* — *броня́* и др.

Между этими словами всегда есть существенное смысловое различие. И их смысл напрямую зависит от того, как мы ставим ударение. Например, *отзы́в* (так сказать, «вызов наоборот») — это не то же самое, что *о́тзыв* (то есть рецензия, в которой дается оценка чего-либо: статьи, книги, фильма и т. д.).

Существительное *трус* произошло от глагола *трусить*, то есть «трясти, сотрясать». Трус — это буквально «тот, кто трясется (трусится) от страха». Это слово родственно наречию *трусой*, а вот к слову *трусый* данная нелестная характеристика личности отношения не имеет. Название исподнего белья, как это ни странно, происходит от английского *trousers* (*брюки*).

Различия между значениями этих слов приводятся в кратком словаре трудностей русского языка, помещенного в конце книги.

Кстати, омографы очень близки к паронимам — словам, которые похожи с точки зрения произношения и написания, но не являются в строгом смысле тождественными: *критический* — *критичный*, *одеть* — *надеть* и т. д. О паронимах мы поговорим отдельно, в связи с ошибками словоупотребления. Разъяснения различий между некоторыми частотными паронимами также содержатся в кратком словаре трудностей.

«Падонки»!

Как это ни парадоксально, но по-настоящему неграмотно писать может только тот, кто умеет писать грамотно. Одна из отличительных черт языка «падонкафф», который не так давно «взорвал» Интернет, — и не столько языка, сколько правописания — заключается в намеренном, систематическом нарушении орфографических норм. Другими словами, ошибку необходимо допускать каждый раз, когда это возможно. Отсюда *превед* — первая гласная может

писаться как *е* и как *и*, а вторая не может, так как находится под ударением; точно так же мы не вправе написать неправильно букву *в* или две начальных согласных *пр*, но вполне можем передать конечный звук [т] буквой *д*. Отсюда и удивительно изящное *аффтар*. На самом деле это написание достаточно точно передает то, как мы произносим слово *автор*. И изящество приведенной формы заключается в двойной ошибке: мы не просто передаем звук [в] при помощи буквы *ф*, мы еще и удваиваем эту букву! Слово как таковое не разрушается — все «эффекты» возникают на уровне его передачи посредством букв.

Если вы не верите, то можете проверить сами (все слова в тексте, которые по понятным причинам являются непечатными, заменены и выделены квадратными скобками):

Жыл на адной бази отдыха медвед Митрофан. [Зашыбательский] был мижко — вотку пил, веселил нарот на базе отдыха, да и ваще мог баксов да палучки стрельнуть и на пузырь [не жался]. Короче ничего плохого никаму несделал этот медвед, даже жалкого «преведа» никому не сказал и тем самым ни мишал [атдыхающим] на паляне.

И хотя писания «падонкафф» пестрят ошибками, автор практически не замечал случаев, когда слово из-за неправильного написания становится неузнаваемым. А такое возможно только при условии намеренно вольного обращения с орфографией.

Так вот, ни один неграмотный человек не может допустить столько же ошибок, сколько мы находим в текстах «падонкафф». Неграмотный попросту не знает, как следует писать правильно, а потому пишет наугад. И время от времени он «попадает в цель». Совершенно об этом не подозревая. «Промазывать» же мимо цели систематически может только тот, кто знает, как в цель попасть.

Стоит также отметить, что человек, который не в ладах с правописанием и письмом, допускает множество ошибок,

которые в текстах «падонкафф» совсем не представлены. В качестве примера приведем фрагмент сочинения, написанного одним учеником начальной школы (текст изначально создавался с использованием текстового редактора):

Про прадедушку Витю

Мой дедушка родился 1921 когда мой дедушка увидел вайну он сразу нашол ваивать он был овецро ваивал под ростовам он выжыл . как да закончилас война умубыла 50-60лет он настипено зацал дерева зразу после вайны он пажинилсяс прабабушка моей прабабушка радилас 1922 И сталучитильям .И защищал расию

Понятно, что люди, пишущие на так называемом «олбанском», подобных ошибок не допускают. Если угодно, их «перлы» гораздо более предсказуемы. А потому — надо признать — не менее однообразны, чем тексты, написанные в соответствии с правилами русской орфографии. Это веселит и радует лишь поначалу, но проходит время, и читатель начинает зевать. От элементарной скуки.

Язык «падонкафф» — явление вполне допустимое. По крайней мере, при некоторых оговорках. Но для его правильной оценки необходимо учитывать особое — ситуативное — измерение. Другими словами, подобные языковые эксперименты допустимы, если они уместны и проводятся в обстоятельствах, которые располагают к ним. Прежде всего, это общение ради общения — форма коммуникации, очень характерная для современного Интернета. И при условии соблюдения требования уместности ни один здравомыслящий лингвист не скажет такой языковой практике категоричное «нет».

Но опасность языка «падонкафф» нельзя недооценивать. Известный российский лингвист М. Кронгауз делится своим мнением: «Меня поразила позиция одного безусловно грамотного и вполне образованного человека по этому поводу, сформулированная на одном из форумов: дайте мне самовы-

ражаться в Интернете так, как я хочу, а вот моих детей в школе, господа лингвисты, извольте учить правильному языку и правильной орфографии. Этот человек, увы, не понимает одной простой вещи: то, что для него является игрой, для следующего поколения постепенно превращается в норму. Язык осваивается не в школе и не под чутким руководством каких-то там лингвистов. Вполне возможно, что его сын впервые увидит слово *аффтар* именно в Интернете и именно в таком виде. И это окажется его первым и основным языковым опытом, который не перечеркнешь школьной зубрежкой».

В самом деле, для взрослого человека с устоявшимися орфографическими навыками «ломаный» письменный русский не представляет опасности. Для него это неожиданность, которая постепенно перерастает в увлекательный ребус. Но для грамотности ребенка, который еще не научился писать, столкновение с такими текстами может оказаться пагубным. Как минимум, оно заметно усложняет задачу, стоящую перед преподавателями русского языка. Ведь ребенок еще не способен в полной мере разграничить сферы общения, в одной из которых отклонения от нормы уместны, а в другой — нет. Этого мало, ребенок еще не знает о том, что является правильным и неправильным, а потому не может дать адекватную оценку речевой продукции «падонкафф».

Жаль, что страницы Интернета не бумажные и по ним нельзя пройти с красной ручкой...

«Мы живем в эпоху великих орфографических открытий». (Виктор Томбак)

«Проект» или «проэкт»?

Одна из трудностей русского произношения — это произношение звука [э] после мягких и твердых согласных, а также после гласных в заимствованных словах. Отчасти это

отражается в правописании, в использовании букв *э* или *е*. Но стоит помнить, что происходит это крайне непоследовательно. Давайте разберемся почему.

«В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания обучение красноречию следовало бы считать неизбежным». (А.П. Чехов)

Буква *э* в русском языке обозначает только звук [э]. Это характерно как для начальной позиции буквы *э* (*экономить*), так и для ее положения после других звуков (*сэкономить*, *поэт*). Буква *е*, напротив, как бы многозначна, и на письме может выполнять разные функции. Во-первых, она может обозначать сочетание звуков [je]. Во-вторых, она может обозначать звук [э], который произносится после мягкого согласного. Кстати, гласный после мягкого согласного не совсем похож на чистый звук [э], а потому его иногда обозначают как [э^и], то есть звук [э] с призвуком [и]. Но беспокоить вас это не должно. Все русские, не использующие диалектов, произносят этот звук правильно, но этого не осознают. И, наконец, в-третьих, буква *е* может обозначать звук [э] после твердого согласного. Этот вариант типичен для иноязычных слов.

И буква *э* (*экспрессия*, *эквивалентность*, *фуэте*), и звук [э], который произносится после твердого согласного ([стрэсс], [кодэкс]), — это признаки заимствованных слов. Для исконно русских слов гораздо больше характерны противоположные признаки. И появление в иноязычных словах буквы *е*, а также смягчение предшествующего согласного традиционно рассматриваются как свидетельства «обрусения» иноязычного слова.

В то же время произношение и графика далеко не всегда меняются согласованно. Они как бы идут не в ногу. При этом графика обычно опережает орфоэпию. Вследствие этого мы

часто сталкиваемся с ситуацией, когда в слове пишется буква *e*, но она не обозначает мягкости предыдущего согласного. Отсюда *адекватный*, но *ад[э]кватный*, *гротеск*, но *грот[э]ск*, *диспансер*, но *диспанс[э]р*.

Никаких четких рекомендаций для таких случаев, к сожалению, нет. Единственный вариант — сверять свое произношение со словарями. И запоминать. Чем мы сейчас и займемся.

Ниже приводится три группы слов. В первой в соответствии с нормами русского литературного произношения буква *e* не обозначает мягкости. Эти слова надо произносить так, как будто в них пишется буква *э*. Но при этом, конечно, продолжать писать букву *e*. Во второй группе содержатся слова иноязычного происхождения, в которых закрепилось произношение, следующее за написанием: буква *e* в этом случае обозначает не только звук [э], но и мягкость предыдущего согласного. Наконец, в третью группу входят слова, в которых допустимо двойное произношение, однако предпочтительным считается все-таки произношение с твердым согласным.

Обратите внимание на произношение слов с двумя и более буквами «е». Каждая из них может произноситься по-разному.

Произносить *e* как [э], писать *e*:

Адекватный, адепт, альма-матер, альтернатива, андеграунд, антисептик, астероид, ателье, атеизм, атеросклероз [тэ, л'э], аутсайдер, бартер, бестселлер [б'э, сэ, л'э], бижутерия, бизнес, бизнесмен, бифштекс, бутерброд, бюстгальтер, варьете, вестерн, вундеркинд, галифе, гангстер, гантели, гипотетический, гротеск, гульден, деизм, декольте, декор, демиург, демпинг, денационализация, денди, дендрарий, деноминация, денонсация, детектив, детектор, детерминизм,

де-факто, дефляция, дефолт, децентрализация, дешифровать, де-юре, диадема, диатез, диспансер, идентичный, индекс, индексация, инертный, интеграл, интеграция, интенсивный, интервал, интервент [тэ], интервью, интернат, интернационал, интернет, интерпретация [тэ, р'э], интерьер, кабаре, канапе, карате, каре, кафе, кашне, кеб, книксен, кодекс, компьютер, конденсация, контейнер, кортеж, коттедж, критерий, кюре, лазер, лейбл, мадера, майонез, медресе [м'эдрэсэ], менеджер [мэнэ], миксер, модель, модельер, модем, модерн, несессер [нэсэсэр], нонсенс, падре, панель, пантеон, пантера, постель, пастеризация, плеер, плейбой, плиссе, продюсер, проект, проектор, проекция, протеже, протез, протеин, протектор, протекция, регби, реквием [рэ, эм], реле [рэл'э], свитер, секс, сенбернар [сэнб'эр], сепсис, сет, сеттер, синтез, синтетика, сомбреро, стенд, степ, стетоскоп, стресс, тандем, тезаурус, тембр, темп, тенденция, тендер, теннис, теннисист, тент, термос, террариум, тест, тет-а-тет, тире, тостер, трейлер [рэ, л'э], уикенд, фарватер, шатен, шедевр, шимпанзе, шоссе, шоумен, шпатель, штекер, штепсель [тэпс'э], экстрасенс, эмансипе, энергия, эсер, эссе, эстет.

Произносить *e* со смягчением предыдущего согласного:

Абрек, академия, антисемит, апогей, артель, аттестат, бенефис, бенуар, бергамот, берет, брюнет, букмекер, вексель, венецианский, газель, галантерея, гангрена, гегемон, гинья, гипотеза, гипотенуза, гризетка, дебатировать, дебаты, дебил, дебош, дебошир, дебют, дебютант, дебютировать, девиз, дегенерат, дедукция, дезертир, дезинфекция, дезинфицировать, декламация, декларация, декларировать, декорация, декрет, деликатес [д'э, тэ], дельфин, демагог, демисезонный, демократ,

демократия, демон, департамент, депеша, депонировать, депозит, депонент, депутат, дерматин, деспот, деталь, дефект, дефицит, дивиденды, дизель, икебана, инвестор, интеллигент, катехизис, кегли, кегельбан, кейс, кельнер, кепи, компетенция, компонент, консервант, консерватизм, консерватор, конференция, крекер, крекинг, кремация, крематорий, легионер, лидер, манера, марионетка, марсельеза, метеор, метеорит, метод, музей, неолит, неологизм, неофит, нерпа, одеколон, пионер, полисемия, презент, презентабельный, презентация, президент, пресс, пресса, пресс-бюро, пресс-папье, пресс-служба, регент, реглан, редукция, резус, резекция, резерв, резервуар, резюме, рейд, рейсшина, рейтузы, рейхстаг, ректор, рельс, ренегат, рентген, реприза, репс, рефери, рефрен, сектор, семантика, семестр, сервант, сервис, серпантин, текст, тема, тематика, тенор, теория, теорема, термин, терминал, терминатор, термит, термометр, терраса, территория, тренер, тренинг, фанера, фонотека, фрезер, фрезеровщик, френч, фреска, хореограф, шведка, шинель, эпидемия, эпитет, эссенция, эффект.

Произносить *e* со смягчением предьдущего согласного или без него:

Аннексия, аннексировать, деградация, декадент, деквалификация, демарш, джентльмен, лотерея, магнезия, нейрохирург, неоклассицизм, неокOLONиализм, неонацизм, неонацист, неореализм, неоромантизм, неофашизм, нетто, рейтинг, репрессии, сервис, термостат, экземпляр.

Так ли неуместна латиница?

Широкое использование латиницы вызывает вполне обоснованное возмущение: «Разве у нас нет своих букв?!» Но использование надписей на иностранных языках продолжается, даже вопреки законодательным запретам. Что поделаешь!

Слово, написанное «импортными» буквами, выглядит солиднее, привлекательнее, «дороже». И если кто-то в этом виноват, то мы все, вместе взятые. Ведь мы недостаточно возмущаемся, мало говорим об этом, да и сами, возможно, не прочь украсить вывеску над своим магазином нерусскими письменами.

В некоторых случаях использование латиницы неизбежно. Тривиальный случай — это отсутствие русской клавиатуры или русских шрифтов при использовании компьютера (именно это становится причиной того, что многие русские, находящиеся за границей, вынуждены писать латиницей).

Иностранное написание, например, уместно при обозначении названий иностранных компаний: Microsoft, Apple, Nokia, CNN, BBC и т. д. Но сохранение иностранного написания не обязательно, особенно если имеются традиционные, устоявшиеся или даже юридически закрепленные способы передачи иностранных названий на русский язык (ср. *Майкрософт*).

Другой пример — использование слов, написание которых читателю необходимо или желательно знать. Например, имеет смысл передавать латиницей наименование интернациональной реалии — магазинов *duty-free*. Это слово не является в полной мере английским, оно используется в самых разных частях света. И передача его кириллицей (например, *дьюти-фри*), а тем более при помощи перевода (*магазин беспошлинной торговли*) лишает читателя возможности узнать, как оно в действительности пишется. То есть лишает его потенциально полезной информации.

Запрещать подобные написания — все равно что требовать от издателей печатать учебники иностранных языков исключительно с использованием кириллицы. Ведь латиница — это чужое, чуждое, а следовательно, в России не должны появляться книги, которые содержат иностранные буквы.

Но чем вредна латиница?

1. Согласно Закону РФ «О рекламе», в рекламе не допускается использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации.

Смысл этих запретов, конечно, не в заботе о русском языке. Она в данном случае не может выступать на первый план. Главная задача — защитить российского потребителя, который, будучи гражданином Российской Федерации, не обязан знать иностранные языки. Ведь согласно Конституции РФ и другим федеральным законам, государственным языком нашей страны является русский. И в этом случае надписи на иностранных языках могут использоваться недобросовестными продавцами с целью сокрытия существенной информации или намеренной продажи «кота в мешке». Именно на это направлены соответствующие статьи закона.

Латиница, которая не является в России общепонятной и общеизвестной, также может быть использована для введения в заблуждение. По большому счету, «импортные» буквы на товаре или этикетке уже могут внушить простодушному потребителю, что импортным является и сам товар. Если учесть, что мы до сих пор по-настоящему не свободны от убеждения, что «импортное» — это то, что непременно лучше «нашего», механизм и последствия такого воздействия «магических букв» налицо.

2. Мало кто знает, что русский язык чуть было не перешел на латинский алфавит. Как это ни странно, дальше всего этот проект продвинулся в советскую эпоху. До этого, во времена царской России, перевод русского письма на латинскую основу был отражен только в проектах одиночек-любителей: К. Кодинского, Ю. Котковского, Н. Бахтина и даже знаменитого русского критика В. Белинского. Но более или менее серьезно этот проект рассматривался в конце 20-х годов прошлого века.

Кстати, в этот период огромное количество национальных алфавитов народов, населявших Советский Союз, были либо переведены на латинскую графику, либо созданы на основе латиницы. Латинизация охватила практически всю страну, и в какой-то момент дело дошло до обсуждения нового русского алфавита. Комиссия, в которую

входили многие ученые (среди них — А.М. Пешковский, А.М. Сухотин), тщательно изучила вопрос и выработала три варианта нового русского алфавита; единственным членом комиссии, который не подписал заключение, был А.М. Пешковский. Конец этой инициативе положило Политбюро ЦК ВКП(б), которое издало благоразумное постановление о прекращении работы в этом направлении. И в середине 30-х годов прошлого века началось движение в обратную сторону, в результате которого многочисленные письменности народов СССР были переведены на кириллическую основу.

В действительности, кириллица — это один из факторов, который спланирует народы, живущие на территории России. Возможно, он действует не так зримо, как другие, но он очень важен, и об этом свидетельствует тот факт, что нация, образующая государство, всегда предлагает свою графику другим народностям, которые проживают на территории этого государства. Не случайно после распада

СССР во многих бывших советских республиках был достаточно быстро (и не всегда удачно) совершен переход на латиницу (Азербайджан, Узбекистан); белорусские оппозиционные силы также хотят перевести белорусский язык на латиницу. Попытки создать новые алфавиты на

территории постсоветской России предпринимались в Татарстане и Чечне, однако они закончились ничем. В настоящее время обязательность кириллического алфавита для всех письменностей народов России закреплена законодательно, и переход на любую другую графику может быть осуществлен только с согласия «центра», то есть — ни много ни мало — должен быть подкреплён федеральным законом.

Прапорщик
входит в кабинет
майора:

— Товарищ майор,
разрешите докласть?

— Болван ты, прапор! Не
«докласть», а «доложить».

— Так точно, товарищ
майор, «доложить».

— Ну ладно, долаживай.

Слова и их формы

Вопросов, связанных с образованием форм слов, чрезвычайно много. Ведь в русском языке есть существитель-

Приехал в сельскую школу инспектор из района и спрашивает директора:
— Почему у вас дети говорят: «пришедши, ушедши»?
— А кто их знает, может они так привыкли!

ные, прилагательные и глаголы, числительные и местоимения, наречия, союзы, частицы, предлоги... Уже одну эту классификацию частей речи многие люди запоминают с трудом — что говорить о том «творческом беспорядке», который царит внутри каждой

из указанных категорий? Мы остановимся лишь на нескольких сложных вопросах, потому что все это многообразие заслуживает отдельного — и весьма объемного — труда.

Род существительных

Категория рода вроде бы должна быть у всех существительных независимо от того, обозначают ли они одушевленные или неодушевленные объекты. Но это не так. В русском языке есть существительные, которые имеют только форму множественного числа (*очки, брюки, штаны, ножницы* и т. д.), и у таких слов рода фактически нет. В русском языке противопоставление по родам имеется только в единственном числе, а во множественном все существительные ведут себя одинаково.

Кроме того, имеются так называемые существительные общего рода (*сирота, тихоня, подлиза*), которые, несмотря на типичные для них «женские» окончания, в равной степени могут применяться как к мужчинам, так и к женщинам. Пол лица в этом случае мы можем выразить согласуемыми словами: *Он такой подлиза! А она такая тихоня...*

Колебания в роде существительных

В некоторых случаях род существительных однозначно определить трудно: одни говорят так, другие иначе... Мы

вполне можем сказать и *рельс*, и *рельса*; *жираф* мирно уживается в нашем языке с *жирафой*, и различие между самцами и самками здесь совершенно ни при чем.

Однозначных рекомендаций применительно к таким случаям дать нельзя. Необходимо запомнить, что в соответствии с нормами русского литературного языка:

- существительные *лангуст/лангуста*, *вольер/вольера* могут употребляться и как существительные мужского рода, и как существительные женского рода;
- существительные *мозоль*, *туфля*, *метаморфоза* — это существительные женского рода;
- существительные *зал*, *рельс*, *жираф*, *фильм*, *санаторий* — это существительные мужского рода.

Род сложных существительных

Род сложных существительных, состоящих из двух слов, определяется в зависимости от того, изменяется ли при склонении только одна часть (*луна-парк*, *луна-парка*, *луна-парком*, *в луна-парке*) или изменяются обе (*диван-кровать*, *дивана-кровати*, *на диване-кровати*).

Правило гласит:

- если первая часть слова остается неизменяемой, то род его определяется по второй части: *луна-парк* (мужской род), *царь-пушка* (женский род);
- если изменяются обе части, то род определяется по первой части: *диван-кровать* (мужской род), *школа-интернат* (женский род), *платье-костюм* (средний род).

Род несклоняемых существительных

Большинство несклоняемых существительных, обозначающих животных, относятся к мужскому роду. Немногочисленные исключения связаны с ситуациями, когда без указания на род возникает комический эффект. Например, если мы скажем *Шимпанзе кормил детеныша грудью*, возникнет закономерный вопрос: «А чьей именно?»

Род некоторых несклоняемых существительных, обозначающих животных и насекомых, определяется по родовому

слову: *колибри*, например, — существительное женского рода (так как это *птица*), слово *цете* тоже (потому что это *муха*). Это правило применимо к существительным, обозначающим географические объекты и органы печати: *туманный Тарту (город)*, «*Вашингтон пост*» (*газета*) *сообщила*.

Несклоняемые иноязычные существительные, обозначающие неодушевленные предметы, а также субстантивированные части речи относятся к среднему роду (*теплое кашне, наше завтра*). Исключение — существительное мужского рода *кофе*.

Мы очень часто используем неправильные формы слов. Надо говорить *поезжай* (а не *поехай*), *лягте* (а не *ляжьте*), *их* (а не *ихние*).

И снова о кофе

В строгом смысле, слово *кофе* — это существительное мужского рода. Именно поэтому мы должны говорить «кофе горячий» и «кофе остыл».

Однако употребление слова *кофе* как существительного среднего рода в разговорной речи считается допустимым.

И это не новое явление. В некоторых нормативных словарях, выпущенных еще в 70–80-е годы прошлого века¹, уже имелась разрешительная помета, в соответствии с которой фразы «кофе горячее» и «кофе остыло» считались допустимыми. Естественно, подобные рекомендации содержатся и в некоторых современных словарях.

Стоит
очередь в буфет:
два интеллигента,
за ними
иностранец.
— Одно кофе!
— И мне одно кофе!
Иностранец:
— Адын кофэ!..
Продавец (с облегчением):
— Ну хоть один грамотный!
— ...И адын булка!

Впрочем, это совсем не означает, что средний род в данном случае — это показатель хорошей речи. Языковая норма далеко не всегда жестка и однозначна; суть ее предписаний часто невозможно опреде-

¹ Скворцов Л. И. Правильно ли мы говорим по-русски? — М., 1980.

лить через разграничение «можно — нельзя». Употребление слова *кофе* как существительного среднего рода допустимо, а это значит, что, в принципе, вы можете использовать соответствующие формы. Но допустимо это лишь в разговорной речи, то есть в бытовом и повседневном общении. Если вы хотите, чтобы вас считали действительно грамотным человеком, вы по-прежнему должны говорить «кофе горячий», «кофе остыл».

У родовой принадлежности слова *кофе* имеется веская историческая предпосылка. В XIX веке слова *кофе* не существовало. Это не значит, что русские не знали такого напитка — как раз наоборот, они его знали и очень любили. Но называли они его иначе — *кофей*. И склоняли как существительное мужского рода: *кофейа, кофейю, кофейем* и т. д. Впоследствии слово *кофе* изменило свою форму и перешло в разряд несклоняемых существительных, а форма *кофей* стала считаться устаревшей.

«Сложный» случай с существительным *кофе* общеизвестен, давно стал «притчей во языцех», и лучшего примера нам, наверное, не найти. Но мы его рискуем потерять. И уже почти потеряли. Как жаль тебя, *мой кофе!* Мне будет тебя не хватать...

Учитесь считать деньги

Как это ни странно, в эпоху активного стремления развивать рыночную экономику наши сограждане не умеют считать. Цифры любят если не все, то многие, причем обязательно цифры внушительные. Но эта любовь бессловесна. Или, хуже того, косноязычна. Как будто при одной мысли о внушительной цифре русский теряет дар речи и в лучшем случае мычит и мямлит, напрочь забывая о деловом подходе...

В зависимости от того, «ложат» плитку или «кладут», цены прыгают от 10 до 50 долларов за метр.

Например, редко кто сумеет произнести правильно и без запинки такую фразу: *Я сделал вклад в размере 5 327 869 рублей и получу сумасшедшие годовые в размере 17,549 процента от вклада.* Может, все наши беды отсюда? Вот научимся правильно называть внушительные цифры, наша любовь к ним станет взаимной — и деньги польются рекой, мы разбогатеет, а в бюджете наступит вечный профицит...

В русском языке есть два способа образования сравнительной степени. Мы можем сказать *важнее* или *более важно*. А говорить *более важнее* нельзя.

Давайте запомним, что в сложных количественных (не порядковых!) числительных склоняется **каждое** слово. Относитесь к каждому компоненту сложного числительного с уважением. Не важно, каков его разряд, обозначает ли оно желанные миллионы или непримечательные единицы. Гораздо важнее, что копейка рубль бережет.

Падежи	40	50–80	90, 100	200–400	500–900
Им.	Сорок	пятьдесят	сто	двести	пятьсот
Род.	сорока	пятидесяти	ста	двухсот	пятисот
Дат.	сорока	пятидесяти	ста	двумстам	пятистам
Вин.	сорок	пятьдесят	сто	двести	пятьсот
Твор.	сорока	пятьюдесятью	ста	двумястами	пятьюстами
Предл.	о сорока	о пятидесяти	о ста	о двухстах	о пятистах

Почему ошибки в употреблении числительных так частотны? Возможно, причина этого кроется в том, что мы нередко, создавая тот или иной текст, записываем числа цифрами. Да, это экономно. Но если бы мы должны были — читай: обязаны — передавать числа словами, то склонение существительных мы наверняка знали бы наизубок. Так что проблемы создает не только использование латиницы. За удобство лаконичных арабских цифр тоже приходится платить.

«Каждой твари по паре...»

Использование числительного *оба/обе* зависит от рода существительных, при которых оно употреблено. Если это существительное мужского или среднего рода, то используется форма *оба*; если существительное женского рода — форма *обе*.

Падеж	Мужской и средний род	Женский род
Им. п.	оба студента, стола, письма	обе студентки, книги
Род. п.	обоих студентов, столов, писем	обеих студенток, книг
Дат. п.	обоим студентам, столам, письмам	обеим студенткам, книгам
Вин. п.	обоих студентов, оба стола, письма	обеих студенток, обе книги
Твор. п.	обоими студентами, столами, письмами	обеими студентками, книгами
Пр. п.	об обоих студентах, столах, письмах	об обеих студентках, книгах

С существительными, которые не имеют формы единственного числа, эти числительные не употребляются. Так что сказать *у обоих ворот* по-русски нельзя. Лучше выбрать другой вариант: *у тех и других ворот*.

Слово в предложении

Нужно не только правильно образовывать формы слова — эти формы нужно еще и правильно соединять. Так что давайте посмотрим, с какого рода трудностями мы можем столкнуться при попытке это сделать.

«На бильярде играть» запрещается?

Выбор правильного предлога не всегда объясняется традицией и непостижимыми «законами языка». Он очень часто имеет достаточно очевидную мотивировку, а следовательно, является целесообразным. Конечно, для того чтобы понять это, нужно думать; и, возможно, без указания словаря или специальной книги вам не обойтись, так как некоторые тонкости и существенные моменты могут остаться неочевидными. Тем не менее в языке многое разумно, и данный ниже пример хорошо иллюстрирует это.

Слово *бильярд* имеет два основных значения: 1) «игра на специальном столе, при которой ударами кия шары загоняются в лузы», и 2) «стол, обтянутый сукном, с бортами и лузами, предназначенный для такой игры».

Когда мы имеем в виду саму игру, единственно правильным является вариант *играть в бильярд*. Эта модель характерна для любых названий игр: *играть в шахматы, в футбол, в карты, в дочки-матери* и т. д. Модель *играть на чем-то* типична в сочетании с названиями музыкальных инструментов (*играть на скрипке, фортепиано, балалайке*), а также встречается в сочетании *играть на нервах*.

К тому же выражение *играть на бильярде* давно выбыло из обихода. Его можно встретить в произведениях классиков (например, у А. С. Пушкина или А. П. Чехова), но в настоящее время этот вариант считается нежелательным.

Археологам наконец удалось полностью расшифровать надпись на скрижали Завета. Оказалось, что заповедь была всего одна: «Не» с глаголами пишется раздельно. Например: не убий, не укради, не прелюбодействуй...

Кстати, написание *биллиард* является устаревшим и не соответствует нормам современного русского литературного языка.

Но это не означает, что словосочетание *играть на бильярде* является абсолютно неверным. Оно допустимо, однако имеет совершенно иной смысл, не имеющий непосредственного отношения к бильярду как игре. Предлог *на* естествен в сочетании со словом *бильярд*, когда речь идет о специальном столе. И в этом случае сочетание *на бильярде* может выступать в роли обстоятельства, обозначающего место игры, но не саму игру, а по смыслу равнозначно менее «компактному» варианту *играть на бильярдном столе*. Совершенно допу-

стимым будет, например, предложение *Они играли в карты на бильярде*.

Благодаря

Прежде всего, необходимо разобраться, с какой частью речи мы имеем дело. В современном русском языке слово *благодаря* может быть предлогом (*благодаря его помощи*) или деепричастием от глагола *благодарить*. Предлог *благодаря* является производным, а образовался он от деепричастия, и этим отчасти объясняются ошибки в употреблении предлога.

Напомним, что предлог служит для обозначения связи между словами (*поступил благодаря своему упорству*), а деепричастие обозначает сопутствующее, побочное действие (*уходил, благодаря хозяев за гостеприимство*). Деепричастие всегда обозначает действие или состояние, предлог этим качеством не обладает. Деепричастие — это «почти глагол». А точнее, полноценная его форма, отличающаяся особенностями употребления.

Теперь перейдем к трудностям. Во-первых, предлог *благодаря* требует при себе дательного падежа (*благодаря кому-чему*). Родительный падеж при этом предлоге (*благодаря кого-чего*) является грубейшей ошибкой.

А вот с деепричастием мы можем — и даже должны — использовать форму родительного падежа. Это качество деепричастие закономерно перенимает у глагола (*благодарить кого за что — благодаря кого за что*). Как правило, в роли дополнения в родительном падеже выступает наименование одушевленного лица: в подавляющем большинстве случаев мы благодарим людей. Исключения из этого правила немногочисленны (например, *благодарить/благодаря небо/небеса, судьбу, жизнь*).

Во-вторых, существует мнение, что предлог *благодаря* нежелательно употреблять с указанием на причину, которая является отрицательной, негативной. Объяснить это ограничение нетрудно: предлог *благодаря* сохраняет свою внутреннюю форму, а *благодарить* можно только за что-

то хорошее. В силу этого появление выражения *благодаря счастливому стечению обстоятельств* закономерно. А вот вместо выражения *благодаря аварии* лучше употребить другую конструкцию, например, *из-за (по причине) аварии*. Дело в том, что авария не может быть положительно оцениваемой причиной. Это что-то страшное, неприятное, «плохое», а «плохое» не может приносить положительных результатов.

Впрочем, не все специалисты согласны с этим. Существует противоположное мнение, в соответствии с которым внутренняя форма предлога *благодаря* уже стерлась. Другими словами, связь между предлогом и глаголом, от которого он образован, в общении не так очевидна (или даже совсем не очевидна). А потому нет никакой необходимости использовать предлог *благодаря* только с положительно оцениваемыми причинами. Данное соображение высказано в очень авторитетном источнике — в академической «Русской грамматике», увидевшей свет еще в 1980 году.

Стилистическая окраска предлогов

Различные синтаксические средства и конструкции не равноценны. Одни из них являются нейтральными, другие, наоборот, стилистически окрашенными. Например, такие предлоги, как *в, на, о, для* являются нейтральными и уместными в любых условиях. Наверное, так происходит в силу их простоты и первообразности («первообразными» лингвисты называют слова, которые не мотивированы другими словами, то есть не образованы от других слов).

Но в русском языке имеется предлог *про*, который в сочетании с глаголами речи делает высказывание разговорным. Так что лучше *говорить о чем-то*, чем *говорить про что-то*.

В просторечии часто встречается ненормативное употребление одного из синонимичных предлогов. Перечислим основные просторечные конструкции, неприемлемые в литературной речи:

- *на адрес* вместо *по адресу*: *на старый адрес*;
- *за* вместо *о* (при глаголах речи и мысли: *говорить, спрашивать, думать* и т. п.): *за соседа не знаем*;
- *за* в сочетании с предлогом *перед* вместо сочетания предлогов *за* и *до* при обозначении срока, предшествующего чему-либо: *за пять дней перед показом фильма* (правильно: *за пять дней до показа фильма*);
- *за* вместо *о, по* (при глаголах чувств *горевать, скучать, тревожиться* и т. п.): *скучала за вами*;
- *за* вместо *из-за* при указании на причину. Такое употребление считается, корректным только в устойчивых сочетаниях: *за неимением места; закрыть за ненадобностью*;
- *с-под* вместо *из-под* при указании на место: *родом с-под Каховки*;
- *о* вместо *обо* в сочетаниях с местоимениями *мне, что, всем*. Ср. нормативное: *обо мне, обо что-то, обо всем*;
- *по* вместо *за* при указании на цель, объект: *по воду, по клюкву*;
- *с* вместо *из* при указании на принадлежность к какой-нибудь среде, группе: *я с дома отдыха*;
- *с* вместо *из* при указании на материал: *с таких сосен что хочешь строй*.

Официальный. Но понятный

Существует противоположная крайность — слова и конструкции «слишком высокие», «слишком книжные», «слишком канцелярские». Они настолько специфичны, что их употребления стоит избегать даже там, где они, казалось бы, уместны — в научных трудах, официальных документах. Использовать их нужно очень осторожно.

В качестве примера можно привести жаргонные по своей сути модели синтаксического управления, характерные для официально-деловой сферы общения: *проголосовать Иванова (проголосовать за Иванова, одобрить, принять кандидатуру Иванова при помощи голосования), сделать доклад*

на правительстве (сделать доклад на заседании правительства). Для таких конструкций характерна разговорность, она проявляется в ужимании фразы и объясняется естественным стремлением к экономии речевых усилий. «В кулуарах» такие конструкции вполне допустимы. Но не в официальных текстах. И в публицистике их тоже стоило бы использовать осторожно.

Приведем еще один пример: *Сформирована объединенная оперативно-следственная группа в составе сотрудников МВД, ФСБ, ГУОП и прокуратуры* (пример С.И. Сметаниной).

В этом примере обращает на себя чисто канцелярская — и к тому же неправильная — конструкция *группа в составе сотрудников*. *Группа сотрудников* — это правильно. Но *группа в составе сотрудников*... Извините, мозг сопротивляется, не желая переваривать такого монстра!

Оптимальный способ правки — замена сложного предложения *в составе* на предлог *из* и вынесение предложения с зависимыми от него существительными в начало фразы. Сложно? Посмотрите на правильный результат и сравните его с исходным текстом: *Из сотрудников МВД, ФСБ, ГУОП и прокуратуры сформирована объединенная оперативно-следственная группа*. Теперь должно быть понятно.

«Кто кого?»

Следует обращать внимание на **управление при однородных членах предложения** в случаях, когда от них зависит одно слово. Например, в словосочетании *покупать и продавать книги* слово *книги* одновременно зависит от обоих глаголов. И если каждый из однородных членов предложения требует при себе одной и той же формы, проблем не возникает. В таком случае естественно поставить зависимое слово в конце.

Трудности возникают, если однородные члены предложения требуют при себе разных форм зависимых слов. Это становится причиной возникновения грубых речевых ошибок.

Рассмотрим в качестве примера фразу *Женщина должна заботиться и воспитывать своих детей*. Не правда ли, эта

фраза воспринимается как не очень удачная? Дело в том, что дополнение *своих детей* относится к глаголам *заботиться* и *воспитывать*, которые требуют при себе различных падежных форм.

Автор приведенной выше фразы разрешает эту несогласованность, помещая дополнение после второго глагола. В результате этого получается фраза, которая по-русски звучит неправильно. Ведь читатель может подумать, что женщина должна заботиться вообще, то есть обо всех, и при этом воспитывать детей. Не будет ли лучше использовать другой вариант — поставить дополнение после первого глагола, а после второго — употребить местоимение в соответствующей форме? *Женщина должна заботиться о своих детях и воспитывать их*, — так, конечно же, правильно.

Нанизывание падежей

С управлением связан еще один недостаток выражения мысли — **нанизывание падежей**, то есть цепочка из нескольких одинаковых падежных форм: *дом племянника жены кучера брата доктора*. Наиболее часто встречается нанизывание форм родительного падежа (как в предыдущем примере), однако повторяться могут и другие формы: *Мы беседовали с инженером с большим стажем; Директор ознакомился с принятыми рабочими решениями; Обсуждался вопрос об отчете о работе председателя месткома*. Такого рода конструкции отягощают речь, делают ее непонятной, требующей усилий при восприятии. По этой причине соседства одинаковых падежных форм в речи следует избегать.

«Умение правильно говорить — еще не заслуга, а неумение — это уже позор, потому что правильная речь не столько достоинство хорошего оратора, сколько свойство каждого гражданина». (Цицерон)

Существует несколько способов правки подобных конструкций:

а) замена падежных форм причастными оборотами и придаточными предложениями: *Дом, принадлежащий племяннику жены того кучера, который служит у брата доктора; Чтобы ускорить рост продаж...*;

б) устранение лишних слов: *Для решения задачи ускорения роста уровня продаж...*;

в) замена одного из слов синонимом, требующим постановки зависимого слова в иной форме: *На заседании говорили о соглашении о взаимной помощи — На заседании обсуждали соглашение о взаимной помощи.*

Капризные деепричастия

Деепричастие — это форма глагола, которая обозначает признак действия (а точнее, дополняет действие, обозначаемое сказуемым). По этой причине субъект действия, обозначаемого деепричастием, всегда совпадает с субъектом предложения, выражаемым подлежащим: *Войдя, он снял шляпу* (он вошел и снял шляпу).

Различение субъекта предложения и субъекта деепричастия — достаточно распространенная ошибка в употреблении деепричастий, ср. известный шуточный пример Чехова: *Проезжая мимо станции, у меня слетела шляпа*. В этом примере субъект деепричастия — говорящий, а субъект предложения — слово *шляпа*.

Использование деепричастных оборотов допустимо в некоторых безличных предложениях: *Гуляя под дождем, можно заболеть*. Но только в том случае, когда логический субъект (носитель состояния) не выражен и не подразумевается.

«Грамматика повелевает даже царями».
(Мольер)

Однако, если субъект в безличном предложении выражен, возникает ошибка: *Закончив работу, мне захотелось спать*.

Существует два способа правки таких конструкций:

а) заменить деепричастный оборот придаточным предложением: *После того как я закончил работу, мне захотелось спать;*

б) изменить конструкцию предложения так, чтобы оно стало личным, а его субъект совпадал с субъектом деепричастия: *Закончив работу, я захотел спать.*

«Не в бровь, а в глаз»: О точности словоупотребления

Начнем с «разбора полетов». А для этого обратимся к следующему примеру из сочинения (грубые ошибки выделены жирным шрифтом):

Сначала Татьяна горячо любила Онегина, а он её в глаза не видел. Но когда она похолодела, Евгений решил начать всё снова. Было поздно. Костер замерз и угли заоченели.

Кто-то из авторов предоставил нам прекрасную возможность указать на несколько типичных ошибок сразу! Что ж, за это его можно поблагодарить.

1) **...он ее в глаза не видел.** В русском языке имеется разговорное выражение *в глаза не видеть*, которое имеет значение «никогда не видеть, совершенно не знать»: *Я его в глаза не видал.* Соответствует ли это содержанию романа Пушкина? Нет, не соответствует. Онегин видел Татьяну, был с ней знаком. Он просто не ценил ее чувства к нему, не придавал ему значения. Тем более он не ответил Татьяне взаимностью.

Кузнец –
новому
подмастерью:
— Сейчас подкову из
огня выну... Как кивну
головой, бей по ней
молотом.
Так подмастерье вмиг стал
кузнецом.

Поэтому правильно было бы написать так: *Он ее не замечал.* Поскольку автор сочинения наверняка хотел подчеркнуть, что равнодушие к Татьяне со стороны Онегина было полным,

абсолютным, то для усиления можно использовать один из двух вариантов: *совершенно не замечал* или *вообще не замечал*. Второй вариант отличается разговорностью, так что первый более предпочтителен.

2) *...она похолодела*. *Похолодеть* — «стать холодным, холоднее» (в основном значении). Например, мы можем сказать, что у нас руки или ноги похолодели. В крайних случаях это слово относится к покойнику (*похолодеть* — «остыть, окоченеть (о покойнике)»). В целом это слово для данного

Объявление:
«В семь вечера в среду в третьем подъезде состоится собрание. Повестка дня: выборы домового».

контекста не подходит. Ведь в русском языке имеется глагол *охладеть*, который имеет значение «утратить живость и силу чувств, стать равнодушным». При этом по-русски можно сказать и *Она охладела*, и *Ее чувства охладели*, потому что еще в одном значении глагол *охладеть* толкуется как «становиться умереннее, ослабевать (о чувствах, переживаниях и т. д.)».

3) *Костер замерз и угли заоченели*. В этой фразе автор продолжает тему «охлаждения», которая кажется ему такой важной. Догадаться о его мыслях и намерениях нетрудно,

хотя по-русски так не говорят. И делает он это опять неудачно. Костер не может замерзнуть! Он потухает или гаснет. Угли также не могут заоченеть. Они угасают.

Почему у новых русских такие короткие стрижки? Потому что в парикмахерской они говорят: «Подстриги, короче».

Чтобы избежать повторений, можно предложить такой вариант: *Костер потух, и угли погасли*. Возможно, *угли перестали тлеть* или *остыли*. Так будет гораздо точнее и правильнее, и эти варианты прекрасно передают мысль о том, что попытки Евгения возродить чувства Татьяны были заведомо

безуспешными: если даже угли перестали тлеть, то, как ни старайся, костер невозможно разжечь...

Примечание. Нужно ли иметь под рукой словарь, чтобы избежать подобных ошибок? Нет, не нужно. По крайней мере, в этом случае. Во избежание голословности нам потребуется немного рассуждений. Когда мы говорим, что человек замерз, мы имеем в виду, что его собственного тепла ему не хватает, что ему холодно. Замерзнуть также может лужа или водоем (река, озеро), а также вода в трубопроводе. Идея, стоящая за глаголом замерзнуть, предполагает, что объект, с которым происходит данный процесс, в целом остается неизменным. Река остается рекой, лужа — лужей, человек — человеком (даже если он, не дай бог, умер). Меняется лишь внутреннее состояние объекта. Именно поэтому костер не может замерзнуть. Что это могло бы значить? Что костер застыл, стал похож на кусок льда? Или что он просто перестал излучать свет и тепло? Нет, костер гаснет, и это для него равнозначно окончательной, бесповоротной гибели. Когда костер погас, его уже нет.

Эти объяснения кажутся вам сложными? Что ж, в них не было бы необходимости, если бы автор процитированного сочинения употреблял слова правильно.

«Нет таких звуков, красок, образов и мыслей, сложных и простых, для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения». (К.Г. Паустовский)

Устойчивые сочетания слов

Немного теории

Фразеологические единицы и устойчивые сочетания слов традиционно изучает такой раздел науки о языке, как лексикология.

В чем же состоит специфика фразеологических единиц и устойчивых сочетаний? Она заключается в том, что формально фразеологические единицы являются словосочетаниями или даже предложениями, а со стороны своего смысла больше похожи на слова, то есть выражают некоторое нерасчлененное представление.

Возьмем в качестве примера фразеологизм *бить баклуши* и сопоставим его с обычным словосочетанием *бить Ивана*. (Насилие тут, конечно, ни при чем: это всего лишь пример.) В словосочетании *бить Ивана* мы можем выделить действие, обозначенное глаголом, и человека, на которого это действие направлено. Кроме того, с точки зрения правил языка, мы вполне можем заменить другими словами и глагол, и имя: *бить* → *миловать Ивана*, *бить Ивана* → *Петра*. Смысл в той или иной степени меняется, но все без исключения словосочетания оказываются правильными и допустимыми с точки зрения русского языка.

Иначе обстоит дело с фразеологизмом *бить баклуши*. Во-первых, что такое *баклуши*? Ученые, пытаясь выяснить происхождение данной фразеологической единицы, немало спорили о том, откуда взялось это слово. В конечном счете, в науке устоялась гипотеза о том, что *баклуши* — это заготовки для ложек. Резать ложки — занятие легкое, необременительное (так, по крайней мере, полагают ученые, высказывая за простого русского мужика его точку зрения). А потому бить баклуши — значит заниматься пустяковым делом. Не делать ничего, бездельничать.

Кассир —
покупателю:
— Мелочь не
посмотрите?
— Ну... показывайте.

У древних евреев существовал обряд, когда священник накладывал на голову козла руки и тем самым перекладывал на него грехи народа. После такого рукоположения блеющего бедолагу изгоняли в пустыню. Конечно, в наши дни евреи этот обряд не практикуют, но выражение *козел отпущения* осталось и распространилось в других языках.

Но в данном случае важно другое: само по себе слово *баклуши* в русском языке не употребляется. И если мы попытаемся составить другое словосочетание с этим словом, то у нас ничего не получится. (Не забывайте, что значение слова *баклуши* — это всего лишь гипотеза, предположение.)

Во-вторых, значение, которое выражается при помощи фразеологизма *бить баклуши*, напрямую не связано с входящими в него словами. Сами по себе слова никак не могут стать основанием для вывода о том, что *бить баклуши* значит «бездельничать». Таким образом, уникальное сочетание слов становится выражением идеи, которую сами по себе эти слова, даже взятые вместе, не выражают.

Совсем не обязательно, чтобы во фразеологической единице употреблялись слова, которые не имеют самостоятельного значения. Ведь можно не только *бить баклуши*, но и *валять дурака*. *Валять, дурак* — это полноценные слова русского языка, а точнее, русского просторечия, и они часто употребляются самостоятельно. Но в составе данного выражения эти два слова выражают особый смысл — «заниматься глупостями, тратить время на ерунду». И если мы попытаемся заменить одно из них другим, то фразеологизм разрушится (ср. *валять подлеца, катать дурака*).

Давайте посмотрим на конкретном примере, как проявляется неправильное употребление фразеологизмов.

Суеверны ли вы? Верите ли вы, например, в то, что удачу можно «сглазить»? А вот охотники когда-то в это верили, а потому желали не удачи (то есть и пуха, и пера), а наоборот, полного провала. И, не желая этого, сейчас «верим» в сглаз и мы — каждый раз, когда желаем кому-то: «Ни пуха тебе ни пера!»

«Мягкое» или «больное»?

Кабаниха нащупала у Катерины мягкое место и каждый день давила на него (из сочинения). В русском языке есть устойчивое выражение *больное место*, которое используется, когда нужно сказать об органе, который поражен какой-либо болезнью (*Собака никому не давала прикоснуться к своему больному месту*). В переносном смысле это выражение применяют для обозначения того, что волнует, беспокоит человека (*Самолюбие — это его больное место*).

Кроме того, в русском языке имеется выражение *мягкое место*, которое представляет собой эвфемизм для слова «ягодицы» (есть и более грубые обозначения, о которых мы, конечно же, умолчим). Смешивая эти выражения, автор (скорее всего, неожиданно для самого себя) сказал то, чего сказать совсем не хотел, и нарисовал весьма странную картину. Кабаниха давит Катерине — что? чем? и, самое главное, зачем? и почему она это место нашла? О, господи... Искать его совсем не нужно! Потому что оно, в общем-то, на виду.

«Говорить путано умеет всякий, говорить ясно — немногие». (Галилео Галиллей)

Из сказанного почти сам собой напрашивается вывод: менять что-то в составе фразеологизма — все равно что по собственному усмотрению заменять в слове одни буквы другими или произвольно переставлять их. Это тот случай, когда состав и порядок имеют значение.

Сочетая несочетаемое

Устойчивые сочетания близки к фразеологизмам, но причина их появления несколько иная. Если фразеологизм можно рассматривать как слово (по крайней мере, как целостную единицу, которую нельзя «разобрать на детали»), то устойчивое сочетание — это предпочтительный способ соединения одного слова с другими. Представьте себе, у слова есть свои предпочтения! С одними словами оно охотно «дружит», а других, наоборот, сторонится. Чтобы ваша речь не несла на себе следов «борьбы» между словами, старайтесь выбирать те их них, которые подходят друг другу.

Что поделаешь, с точки зрения словоупотребления нельзя *показывать кому-то образец* — можно показывать ему только *пример*. И *дружба* не может быть *сильной* — она бывает только *крепкой*. А вот *ненависть*, наоборот, может быть *сильной*, а крепкость ей не присуща...

Нарушать эти тонкие правила нельзя. С точки зрения языка существуют стада коров, табуны лошадей, косяки рыб, рои пчел, стаи птиц, и все вроде бы на своих местах. Когда мы пытаемся сочетать несочетаемое, мир наполняется стадами пчел, роями лошадей, табунами птиц. Не надо хаоса! Не нарушайте хрупкое равновесие. А для того, чтобы уметь это равновесие видеть, стоит почаще заглядывать в словари (например, лексической сочетаемости или трудностей русского языка, в которых такая информация подробно представлена).

Обратите внимание на путаницу с сочетаниями *играть роль* и *выполнять функцию*. Эти слова рекомендуется использовать именно в таких сочетаниях; предполагается, что *выполнять роль* — это сочетание неправильное.

Повышаем, улучшаем, увеличиваем...

В русском языке существует большое количество глаголов, которые объединяются в неоднородную категорию на

основании общей для них идеи «улучшения-увеличения-повышения»: *повышать*, *улучшать*, *увеличивать*, *усиливать* и т. д. Употребляя такие глаголы, необходимо быть очень внимательным, так как совсем нетрудно употребить при них неподходящие дополнения.

Например, нельзя *повысить подготовку переводчиков*. И для того, чтобы исправить ошибку, нам потребуется элементарный анализ слова. *Повысить* — значит сделать *высоким*, оба слова имеют один и тот же корень. Мы в состоянии повысить только то, что может быть высоким или, соответственно, низким (невысоким). Поэтому приведенный пример можно исправить так: *повысить уровень подготовки переводчиков*. Уровень может быть как высоким, так и низким, а следовательно, с точки зрения языка, нам есть, что повышать.

Впрочем, у предложенного варианта есть очевидный недостаток — это многословность (а точнее, нанизывание падежей). Не можем ли мы как-нибудь сократить количество слов одной формы, которые следуют друг за другом? Конечно, можем. Вариант *повысить уровень подготовки переводчиков* может быть «свернут» в том случае, если мы сумеем подобрать однословный эквивалент для сочетания *повысить уровень*. И такой вариант есть! В итоге получается так: *улучшить подготовку переводчиков*.

Повысить выпуск станков — тоже плохой вариант. Какое слово мы должны вставить, чтобы все стало на свои места? Скорее всего, это слово *количество*, ведь речь идет именно об этом. Когда мы попытаемся его вставить, окажется, что ничего путного из этого не выходит: *повысить количество выпуска станков*? Нет. Хотя можно так: *повысить количество выпускаемых станков*. Но это все равно не то! Ведь количество скорее может быть большим, чем высоким. Нельзя ли чего-нибудь лучше?

Чем можно заменить сочетание *повысить количество*? Конечно, глаголом *увеличить*. В результате у нас получается такой вариант: *увеличить выпуск станков*. И это неплохо.

«Говорить не думая — все равно что стрелять не целясь». (Сервантес)

А если специально?

Нарушения целостности фразеологизмов и устойчивых сочетаний — достаточно распространенный тип ошибок. Но иногда они позволяют автору решить определенные коммуникативные задачи, то есть добиться какого-либо эффекта.

Искажение устойчивых сочетаний всегда имеет определенный эффект — как правило, комический. И именно этот эффект при определенных условиях (например, в составе публицистического, юмористического текста или обычного диалога между друзьями) оправдывает эту «ошибку», превращает ее в допустимое и даже желательное, ценное языковое явление.

Итак, искажение устойчивых сочетаний может совершаться намеренно, осознанно. Это означает, что говорящий хорошо знает и форму устойчивого сочетания (слова и формы слов, которые в него входят), и его смысл, то есть типичное значение, которое приписывается этому сочетанию.

Для иллюстрации, приведем несколько примеров, взятых из статьи Л.П. Крысина «Языковая норма и речевая практика».

По достижении пятидесяти лет я оставил большой секс и перешел на тренерскую работу (М. Жванецкий). Знаменитый сатирик намеренно искажает устойчивое выражение *большой спорт*, заменяя в нем второе слово. И это имеет смысл, потому что аналогия между спортом

Босс —
новоиспеченной
молоденькой
секретарше:

— Какая вы молодец!
Сделали всего две ошибки.
Теперь пишите второе
слово...

и сексом достаточно красноречива. Большой спорт требует от человека хорошей физической формы и приложения огромных телесных усилий, и в этом смысле он, конечно же, напоминает секс. А когда человек стареет, силы его покидают.

Что делает тренер? Он передает свой опыт, учит тех, кто идет за ним, то есть больше говорит, чем делает. Чтобы говорить, нужно обладать знаниями и опытом, но говорить гораздо проще, чем делать. Для этого не нужно столько сил, сколько имеется только у молодых. Тому, чья молодость давно прошла, ничего не остается, кроме как делиться опытом, давать умные советы и рассказывать о своих прошлых победах.

Он съел в этом деле не одну собаку (из печати). Вообще-то принято говорить так: *Он в этом деле собаку съел*. Это выражение означает, что человек является профессионалом, специалистом, мастером своего дела. По мнению рус-

ского лингвиста А.А. Потемни, это выражение возникло в крестьянской речи: «Косить умеют лишь немногие; тот, кто этому научился, справляется со своей работой сравнительно быстро. Неопытный же человек на этой работе

ощущает такой голод, что, кажется, мог бы съесть собаку». Другими словами, тот, кто съел в каком-то деле собаку, прошел через трудности неопытного человека и давно стал опытным.

Когда мы говорим так, как автор приведенной выше фразы, мы можем иметь в виду, что человек съел не одну, а нескольких собак, то есть стал мастером в высшей степени, «в квадрате». А в контексте рассказа о прекрасном поваре, мастере своего дела, который готовит блюда восточной кухни, это выражение приобретает совершенно новый, не характерный для него смысл, поскольку может пониматься буквально

— Пап,
как отличить зайца
от зайчихи?

— Относишь в поле,
отпускаешь. Если побежал —
заяц, побежала — зайчиха.

но: *Пробуя собственные блюда, он не только собаку съел, но еще и таракана, и червяка...*

Они жили на широкую, но босую ногу (из печати). Выражение *жить на широкую ногу* означает «жить в довольстве, ни в чем себя не ограничивая». Кстати, оно является интернациональным, так как существует не только в русском, но и в английском, испанском, немецком языках. По одной из версий, ее появление связывается с именем английского короля Генриха II, у которого однажды на ноге образовался очень большой нарост. Чтобы как-то облегчить свои страдания, он заказал у сапожника обувь с острыми носами. Король — это король, и все смотрят на него с обожанием, а потому подданные, не зная о причине такого выбора, тут же бросились заказывать себе подобную обувь, и она быстро вошла в моду. При этом, как обычно случается с модой, без злоупотреблений не обошлось: каждый новый заказчик стремился перещеголять предыдущего, и длина носов росла с огромной скоростью. Чтобы навести порядок, Генрих II издал указ, в соответствии с которым обыкновенный гражданин мог иметь длину носа своих башмаков не более половины фута, рыцарь или барон — фут, а граф — два фута (фут равен примерно 30 см).

Но вернемся к нашему примеру. *Жить на широкую, но босую ногу* — значит не только себя не ограничивать, но и бессмысленно растрачивать, транжирить то, что есть. Ведь босой — это нищий, человек, у которого нет денег даже на обувь. И если человек, у которого нет почти ничего, даже имеющиеся скромные ресурсы пускает на ветер, то он в конечном счете ничего не приобретает. Босьяк!

Зачем нам синонимы?

В языке существуют слова, которые, на первый взгляд, обозначают одно и то же. Но так ли это? На самом деле синонимы различаются. Давайте посмотрим, в чем это проявляется.

Больше точности

Казалось бы, какая разница между словами *бой*, *битва* и *сражение*? Они обозначают одно и то же. И мы вполне в состоянии использовать любое из этих слов применительно к одной и той же ситуации.

Но если присмотреться внимательнее, то можно увидеть, что между этими словами имеются тонкие различия.

Во-первых, существительное *бой* как-то естественно применить к физическому противостоянию двух людей: спортсменов или воинов. А вот *битвой* или *сражением* это назвать уже труднее (хотя можно), так как в битве и сражении скорее участвует не два, а гораздо больше участников; обычно это противостояние двух сил, двух войск, а потому противостояние массовое, в которое вовлекается множество людей. Конечно, слово *бой* тоже применимо к противостоянию большого количества людей.

Во-вторых, слова *битва* и *сражение* соотносятся с чем-то более масштабным, чем слово *бой*. Мы говорим: *Сталинградское сражение* или *Полтавская битва*, слово *бой* в этих случаях вряд ли применимо.

В-третьих, эти слова различаются с точки зрения своей звуковой структуры и количества слогов. Это важно в отношении ритма фразы, не обязательно поэтической. И там, где слова *битва* и *бой* будут слишком короткими, слово *сражение* наверняка окажется кстати (и наоборот). И хотя это тонкости, достойные внимания мастеров пера, они тоже важны с точки зрения хорошей речи.

Конечно, в значительной части случаев от выбора того или иного синонима из приведенного ряда зависит не так много. Но часто для большей достоверности к выбору слова стоит подходить более внимательно, от этого повышается точность и выразительность нашей речи.

Синонимы очень ярко проявляются в контексте противопоставления, когда мы, например, говорим: «Не бой, а сраже-

Русский язык очень сложен. Например «охрана» и «защита» — это синонимы, а «правоохранительные» органы и «правозащитные» — антонимы.

ние». В конечном счете, так становится ясно, что речь идет о чем-то масштабном, впечатляющем.

Подчеркивание смысла конкретного синонима хорошо видно также в следующем примере: *Прощай, океан! Нет-нет, только не прощай! Я вернусь к тебе... И я говорю тебе – ты слышишь? – не прощай, а до свидания, океан! До нашего непременно свидания!* (В. Ядин). *Прощай* и *до свиданья* — это типичные синонимы. В речи они выполняют одну и ту же функцию: это слова, которые мы произносим при расставании. Но в то же время между ними есть очевидная разница. *Прощай* часто говорят тогда, когда люди не предполагают будущей встречи, когда расставание окончательно; *до свидания* — в том случае, когда встреча планируется, предвидится, представляется желательной. Часто эта разница существенной роли не играет. Однако гораздо лучше помнить о ней и учитывать ее, не разбрасываясь словом *прощай* на каждом шагу.

Взаимное усиление

Давайте посмотрим на следующий пример: *Я шел во двор, чувствуя себя чемпионом, рекордсменом и победителем* (А. Алексин). Слова *чемпион*, *рекордсмен* и *победитель* в контексте спорта обозначают почти одно и то же (и будет хорошо, если вы попытаетесь самостоятельно сформулировать различия между ними). Зачем же их повторять? Для того, чтобы сделать передаваемые переживания **настоящими**. В результате читатель хорошо представляет себе состояние подъема и уверенности в себе, от которого буквально «распирает» героя текста. Повтор синонимов усиливает смысл, выделяет его, словно под увеличительным стеклом.

Ошибки словоупотребления

Едва ли не самые типичные ошибки словоупотребления — это использование слов в несвойственных им значениях. Причин таких ошибок достаточно много, но

в целом их источник один — недостаточное знание смысла используемого слова. В самом деле, не так важно, является ли слово заимствованным, новым или специальным, — чтобы правильно его употребить, надо хорошо знать, что оно обозначает. Но носители языка нередко говорят «наугад», только потому, что они уже «это где-то слышали», и хотят сделать свою речь более привлекательной. Что ж, посмотрим, что из этого получается.

Повествование — это рассказ

Автор повествует свой рассказ в строгой последовательности. *Повествовать* — это глагол, который не имеет прямого дополнения. Другими словами, объект называемого им действия всегда вводится при помощи предлога *о* (*повествовать о подвигах*). И, конечно, нельзя *повествовать рассказ*. В крайнем случае, рассказ можно *вести*. А повествуют о событиях.

Вариантов правки чрезвычайно много: *Автор ведет повествование строго последовательно; Повествование строго последовательно.* В этом случае мы просто выбрасываем слово *рассказ*. Если все-таки сохранять слово *рассказ*, то вариант может быть следующим: *Автор ведет свой рассказ в строго последовательной форме.* Но в этом случае лишним оказывается слово *повествование*.

«Ясность языка — результат ясного мышления: ясная мысль неизбежно обуславливает ясную форму». (В. Либкнехт)

Потенциал

Каждая наша мысль должна быть самоценной; рассуждая, человек постоянно обогащает свой внутренний, духовный потенциал.

Никто не спорит с тем, что слово *потенциал* очень красивое. Так приятно, закинув руки за голову, на досуге думать о

себе: «У меня такой потенциал...» А какое впечатление эти слова способны произвести на других!

«Если бы я был царь, то издал бы закон, что писатель, который употребил слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает сто ударов розг». (Лев Толстой)

Применительно к человеку слово *потенциал* обозначает, кем человек мог бы стать, но кем он еще не является. Потенциал, то есть «совокупность всех имеющихся возможностей, средств в какой-либо области, сфере», есть у кого угодно. И по большому счету его наличие ничего не значит. Он есть и у того, кто достиг чего-то, и у того, кто ничего не достиг. Рассуждать о потенциале — все равно что говорить ни о чем. Можно сколько угодно твердить: «Я, мол, могу это, могу то...», — но эти красивые, убедительные слова ничего не значат, пока не будет сделано хотя бы что-то. Фраза «Я могу» чего-то стоит только в устах человека, который уже сделал то, о чем он говорит. Это именно тот случай, когда дела оказываются красноречивее слов. Написал философский трактат? Можешь! Построил дом? Можешь! Заработал миллион? Никто в тебе не сомневается: ты можешь. Рассуждения же о потенциале в лучшем случае отдалят нас от конкретных, осязаемых — и не всегда простых — действий, направленных на реализацию возможного.

После долгих экспериментов, проводившихся во всех дельфинариях мира, дельфины наконец расшифровали язык ученых...

Но мы немного отклонились. Поскольку речь идет о сфере возможного, *обогащать потенциал* — значит ничего по-настоящему не делать. Да, у меня есть сто воз-

возможностей; что изменится, если к их списку я добавлю еще одну? Мой потенциал, конечно же, станет богаче. Но будь у меня хоть тысяча возможностей, все они так и останутся ничем, пока хотя бы одна из них не будет реализована, раскрыта.

«То, что понимают плохо, часто пытаются объяснить с помощью слов, которых не понимают вовсе». (Гюстав Флобер)

Впрочем, позиция, которую попытался выразить автор приведенного примера, в целом симпатична и правильна. Наверное, автор просто не нашел для ее выражения точных, подходящих слов. Поэтому попытаемся выразить его идею правильно и напишем так: *Каждая наша мысль должна быть самоценной; рассуждая, человек постоянно раскрывает (или реализует) свой внутренний, духовный потенциал.* Подлинная мысль есть усилие, и человек, прилагающий его, чтобы выразить нечто сокрытое внутри, развивается, растет, превращая возможное в реальность. А следовательно, не развивает, не обогащает, а *реализует* свой потенциал.

«Разница между точным выражением и почти точным выражением подобна разнице, например, между светочем и светлячком». (Марк Твен)

Поэты ранимы

Поэты XIX века были легкоранимыми людьми: их часто убивали на дуэлях (из сочинения). Глагол *ранить* имеет значение «нанести раны». Целесообразно говорить о двух его дополнительных значениях: во-первых, «нанести физическую рану» (*Бойца ранило осколком*), во-вторых,

«нанести душевную рану» (*Его слова больно меня ранили*). Прилагательное *ранимый* используется в основном во втором смысле — для обозначения человека, которого легко обидеть, ранить морально, то есть человека с тонкой душевной организацией.

Физически мы все ранимы и, более того, смертны... «Now fragile we age», — спел Стинг когда-то. Именно об этом. А потому говорить о физической ранимости — значит выражаться избыточно. Человек может быть крепок, невероятно силен, живуч, но от этого он вряд ли станет менее *ранимым* (в физическом смысле), чем любой другой человек. Его преимущество — в способности справляться с болью, в сильном организме, который умеет восстановиться.

Когда речь заходит о поэте, ранимость — это едва ли не первое, о чем мы вспоминаем. Прилагательное *легкоранимый* — или, лучше, *ранимый* — используется для указания на психическую уязвимость человека. И, конечно, оно не имеет отношения к дуэлям.

Стоит также отметить, что прилагательное *легкоранимый* по своей структуре избыточно. *Ранимый* и без этого добавления значит «такой, которого легко ранить в физическом и нравственном отношении». Другими словами, представление о легкости уже включено в значение слова. Следовательно, достаточно сказать, что поэты не только XIX века, но и всех времен являются *ранимыми*. Не обижайте поэтов!

Паронимы, или Почти близнецы

Пример, который мы рассматривали чуть раньше (*она похолодела*), правомерно отнести к случаю смешения **паронимов** — слов, которые сходны по звучанию или написанию, но различаются по смыслу. Глаголы *похолодеть* и *охладеть* очень похожи, и именно это стало причиной ошибки.

Паронимы никогда не совпадают по звучанию или написанию абсолютно. Когда совпадение имеет место, но слова

различаются по смыслу, мы имеем дело либо с многозначным словом, либо с омонимией. Например, в русском языке есть два слова *коса*: первое обозначает «сельскохозяйственное орудие в виде узкого изогнутого лезвия, насаженного на длинную рукоятку, служащее для срезывания травы, хлебных злаков», второе — «несколько прядей волос на голове человека, сплетенные вместе». Это и есть омонимы, то есть разные слова, совпадающие и по звучанию, и по написанию. Считать их одним словом нельзя, потому что между этими значениями нет генетической связи: в историческом плане ни одно из них не является производным по отношению к другому.

Паронимы с точки зрения формы похожи, но не тождественны. Казалось бы, этого вполне достаточно для того, чтобы их различать. Не путаем же мы слова *стол* и *стул*, которые различаются всего одной буквой! Тем не менее ошибки в этом плане достаточно частотны. И возникают они тогда, когда паронимы являются специальными словами (терминами) или различие между ними касается тонких смысловых оттенков.

Показные выступления с участием военной техники после львовской трагедии запрещены (из прессы). Прилагательные *показной* и *показательный* имеют один и тот же корень (-каз-) и одинаково соотносятся со словом *показ*. И идея демонстрации, представления чего-либо присутствует в обоих прилагательных.

Кто-то пошутил, что песня группы «Браво» про Васю посвящена пожарному. В самом деле: «Когда горят огнем витрины на старых улицах Москвы...» Но если это верно, то она посвящена именно *пожарному*, а не *пожарнику*. Когда-то давно пожарниками называли... погорельцев. И пожарных до сих пор обижает, когда их путают с теми, кого они должны спасать.

Разница заключается в мотивах, которые приписываются действию. *Показной* — это «рассчитанный только на внешний эффект», а *показательный* — «дающий возможность судить о чем-либо; организованный для широкого ознакомления, всеобщего сведения». *Показным* является все, что связано с *показухой*, то есть попыткой создать видимость, произвести впечатление, которое не соответствует действительности; прилагательное *показательный* таких оттенков не содержит. Там, где применимо прилагательное *показательный*, речь идет об отсутствии тайны, о публичности, открытости (*показательный судебный процесс*) или демонстрации достигнутого (*показательные выступления*).

«Наши слова имеют крылья, но часто летят не туда, куда мы хотим». (Джордж Элиот)

Коммунисты — это люди с *костным мышлением* (из газет). Вообще-то мышление может быть *косным*, то есть — заглянем в словарь — «тяготеющим к чему-то привычному, невосприимчивым к новому, прогрессивному; отсталым». А *костный* — это либо имеющий отношение к кости, либо изготовленный из кости или костей. Например, *костный мозг*, *костная мука*.

Лингвист-любитель наверняка обнаружит определенную связь между этими словами. А как же, кость упруга, прочна, плохо поддается внешнему воздействию, а если и поддается, то, к сожалению, ломается. Косное мышление тоже упруго и прочно, тоже плохо поддается внешнему воздействию. Ему лучше сломаться, совсем сломаться, чем принять новую форму! Следовательно, — будет сделан вывод, — косное мышление похоже на кость. И является костным.

Но это неправда! От таких мыслей всего полшага до демагогии о скрепляющей силе традиций: мол, именно традиции,

которые неподвластны времени, составляют *скелет* нашего общества. На самом деле *костный* и *косный* — это разные слова. Первое прилагательное образовано от корня *-кост-*, второе — от корня *-кос-*, и оно гораздо ближе с исторической точки зрения глаголу *косить* и прилагательному *косой*.

Нередко говорящие и пишущие смешивают слова *понятие* и *понимание*: *Каждому из нас важно понятие того, о чем мы говорим; В моем понятии честь — это гордыня вашей души* (из сочинений). *Понятие* — это логически оформленная общая мысль о классе множества однородных предметов или явлений; если выразиться менее формально, это «сгусток мысли», который отражает наши знания о данном классе. *Понимание* — это процесс или состояние, связанные с осмыслением, постижением смысла чего-либо. Я либо понимаю, либо не понимаю что-либо, и только в первом случае обладаю пониманием.

Стоит добавить, что в последнем примере неуместно употреблено слово *гордыня*, которое обозначает известный порок; вместо него следовало бы написать слово *гордость*.

Источником ошибки, или «речевого недоразумения», могут стать образные выражения, употребленные неправильно. Следующий пример хорошо это демонстрирует.

С Михаилом Юрьевичем Лермонтовым я познакомилась в детском саду... (из сочинения). Интересно, о каком Михаиле Юрьевиче Лермонтове идет речь? Наверняка не о великом русском поэте. Ведь Михаил Юрьевич родился в 1814 году и умер в 1841 году — более полутора веков назад! Наверное, автор сочинения имел в виду его однофамильца, который где-то живет сейчас, в наши дни, работая сантехником, продавая холодильники или занимаясь изучением далекого космоса. Но зачем писать о нем в сочинении по русской литературе? Или школьница, которая имела честь лично познакомиться с поэтом и похвалилась этим в своем сочинении, так немолода, что застала его живым? Но этого тоже не может быть, ведь в первой половине XIX века, как известно, детских садов не существовало...

Если же быть серьезным, то в данном случае ошибка возникает из-за неуместного, неудачного использования метонимии. *Метонимия* — это замена обычного, общепринятого наименования предмета или явления наименованием того, что связано с ним по смежности. То есть находится в непосредственном соприкосновении с первым предметом (женщину в шляпке мы вполне можем назвать *шляпкой*), является его частью (*сто голов* в стаде вместо *сто коров*) или связано с ним причинно-следственными отношениями.

Сказать *Лермонтов* вместо *произведения Лермонтова* — это закономерно, поскольку творец является причиной появления своих творений, и допустимо, поскольку это экономит речевые усилия. Фраза «Я наконец-то дочитал Достоевского» вряд ли поставит кого-то в тупик, потому что любой мало-мальски образованный человек поймет, что речь идет о каком-то романе Достоевского (а возможно, даже о собрании его сочинений). Точно так же можно сказать «Я пролистал Лермонтова» — эта фраза будет понятна, потому что человека пролистать невозможно. А вот словосочетание *познакомиться с Лермонтовым* изначально двусмысленно, ведь познакомиться можно и с реальным человеком (буквальное употребление), и с его творчеством (метонимия).

Обычно слушателю или читателю понятно, о чем идет речь, поскольку двусмысленность отсутствует. В приведенном примере имеется двусмысленность, и именно поэтому возникает комический эффект, который мы попытались выразить в виде недоуменных вопросов.

«Ни слова лишнего!»: Плеоназм и тавтология

В хорошей речи нет ничего лишнего. Это значит, что каждое слово во фразе играет определенную роль. Все в речи целесообразно. Но если мы начинаем употреблять слова, в

которых нет необходимости, то наша речь засоряется, становится избыточной. Именно для обозначения этой избыточности служат «умные» слова *тавтология* и *плеоназм*.

Масло масляное

Тавтология — это неоправданное повторение однокоренных слов. Сущность тавтологии традиционно иллюстрируют словосочетанием *масло масляное*, и мы не будем отказываться от этой традиции. Соединение двух слов, казалось бы, должно нести какой-то смысл, ведь минимальное суждение состоит из двух компонентов, субъекта и предиката, или данного (того, о чем идет речь) и нового (того, о чем сообщается). В этом отношении предложение *Волга — это река* информативно, даже несмотря на то, что мы давно это знаем. А вот выражение *масло масляное* никакой информации не несет.

С тавтологией часто смешивают повтор, который возникает в том случае, когда мы используем два однокоренных слова, которые существенно различаются по смыслу.

Возьмем, к примеру, словосочетание *современное время*. Оно вполне осмысленно. С одной стороны, есть слово *время*, которое мы можем использовать как синоним для слов *период*, *эпоха*, *дни*. С другой стороны, есть слово *современный*, которое также может быть употреблено уместно. Ведь *современный* — это относящийся к той эпохе, к которой принадлежит говорящий; имеющий место сейчас, а не в прошлом или будущем. Времена бывают разные, и некоторые из них действительно современные, а некоторые нет. Все вроде бы правильно, но беда в том, что повтор корней — *современное время* — звучит плохо, затрудняет восприятие мысли, стоящей за словами. Поэтому от одного из слов необходимо отказаться. Мы либо заменяем слово *время* (*современная эпоха*), либо заменяем слово *современное* (*наше время*).

Повтор может быть важным средством выразительности, а потому иногда уместен в художественной литературе или публицистике: «Писатель пописывает. Читатель почитыва-

ет», — как писал (или пописывал?) когда-то М.Е. Салтыков-Щедрин. Не правда ли, звучит хорошо? А к тому же иронично... Но в официально-деловом и научном стилях такие повторы следует исключить, потому что это противоречит специфике этих стилей.

В некоторых случаях тавтология неизбежна, а потому считается допустимой. Например, мы вряд ли можем исправить такие словосочетания, как *рисовать рисунок* или *варить варенье*. Замена на синонимы здесь вряд ли поможет, потому что полноценных наименований-синонимов для соответствующих явлений нет. *Рисунок* — это не обязательно *набросок*, а тем более *картина*; и *варенье* — это не то же самое, что *джем* или *повидло*.

Плеоназм, или Избыточность, которая незаметна

Плеоназм — это смысловая избыточность. В отличие от тавтологии, в этом случае повторяются не однокоренные слова, а слова с разными корнями: *памятный сувенир*, *увеличивается рост падения рождаемости*. Недостаток возникает в силу того, что слова похожи по смыслу, содержат одни и те же компоненты значения (или, как выражаются лингвисты, «семь»).

Таких ошибок в нашей речи чрезвычайно много. Приведем некоторые из них (специалисты из области языка меня поймут, они уже устали их исправлять).

Окружающая обстановка. *Обстановка* — это «условия, обстоятельства, в которых происходит что-либо», а следовательно, прилагательное *окружающая* оказывается лишним.

Декабрь месяц. *Декабрь*, как и остальные одиннадцать слов с *января* по *ноябрь*, — это название месяца. И нет никаких причин вводить уточняющее слово, потому что существительное *декабрь* не имеет других значений. Неправильное понимание со стороны слушателя исключено. Зачем же тогда добавлять пресловутый *месяц*?

Задрать голову вверх. Слово-конкретизатор в виде прилагательного или наречия необходимо только в том случае, когда у нас есть выбор. Фрукт может быть зеленым (не обязательно неспелым), красным, желтым, фиолетовым и т. д.; пойти можно вперед, назад, направо, налево, быстро, медленно и т. д. Мы используем прилагательные и наречия для того, чтобы снять неопределенность или конкретизировать качество, о котором в ином случае пришлось бы только догадываться. И слова-конкретизаторы излишни там, где нет и не может быть выбора. В самом деле, задрать голову можно только вверх, а вниз или в сторону невозможно. Зачем тогда использовать наречие *вверх*?

Читая текст, представляешь белый храм, обрамленный вокруг деревьями (из сочинения). Обрамлять — «окружать как рамкой; окаймлять». Следовательно, наречие *вокруг* лишнее, оно дублирует значение, которое уже содержится в причастии.

Название статьи противоречит главной сущности того, что автор хотел выразить в статье (из сочинения). *Сущность* — значит «главное, существенное в чем-либо, ком-либо, сущь кого-либо, чего-либо». Следовательно, сущность по определению не может быть неглавной, а слово *главная* в этом случае явно лишнее.

В этом примере содержится еще и тавтология — неоправданное повторение слова *статья*. Избежать таких повторов не всегда возможно, ведь повтор — это одно из главных средств выражения связности речи. Но в данном случае второе употребление слова *статья* избыточно: читатель сам может догадаться, что речь идет об одном и том же тексте.

Автор призывает не допускать ошибок при пользовании богатым кладезем мудрости русского языка (из сочинения). Согласно словарям, *кладезь* — это «неиссякаемый источник, сокровищница», «источник, сокровищница чего-то». В сокровищнице хранятся сокровища, богатства — не означает ли это, что *кладезь* по определению богат?

Кстати, отметим, что сама структура фразы, уже избавленной от плеоназма, вызывает вопросы. Давайте вернемся к ней: *Автор призывает не допускать ошибок при пользовании кладезем мудрости русского языка*. Не совсем ясно, о чем именно идет речь: то ли о мудрости, то ли о богатствах русского языка. Если автор имел в виду богатства языка, а конкретно — пословицы и поговорки, и хотел напомнить о необходимости их употребления в правильном смысле, то слово *мудрость* является лишним. Почему? Потому что речь идет о языковых единицах и их значениях. Если же речь идет о мудрости, тогда мы вообще оказываемся за пределами филологии. Но что могли бы значить ошибки в использовании богатств мудрости? Применение многовековой мудрости во вред? Наверное, ответить на этот вопрос можно, лишь соотнеся пример с контекстом, то есть с темой сочинения.

Нет ничего плохого в том, что мы будем совместно координировать наши действия (из прессы). *Координировать* — значит «согласовывать; приводить в соответствие». Это слово содержит в себе идею совместности, ведь речь идет о «наших действиях» — действиях, в которые включены как минимум две стороны. Наречие *совместно* лишнее, оно не вносит в сообщение ничего нового и дублирует смысл, выражаемый глаголом.

То же самое можно сказать и о следующей фразе: *Совместное взаимодействие соседних стран в борьбе с терроризмом принесет свои плоды* (из прессы).

В этой сфере есть и «новшества», которые появились вследствие изменений в нашей жизни. Следующий пример это хорошо иллюстрирует:

Зарплата от пятнадцати тысяч рублей и выше (рекламное объявление).

Людей, которые дают объявление о найме, понять можно. Раз уж они решились поместить объявление в газете или на интернет-сайте, значит, «припекло». Работник действительно нужен. И они хотят во что бы то ни стало его завлечь. Понятно,

что при найме всегда возникает вопрос, сколько — в денежном выражении — человек гарантированно получит за потраченные усилия и лучшие годы своей жизни. Цифра называется. А можно ли больше? Можно, можно! Но вы же понимаете, это зависит от качества работы, от эффективности...

Подобный диалог вполне предсказуем. И потенциальный работодатель стремится возможные вопросы снять заранее. Именно поэтому возникает чудовищное — с точки зрения культуры речи — *от X и выше*. Ведь фраза *от пятнадцати тысяч* уже предполагает, что может быть больше, указанный уровень — это лишь отправная точка. Добавление *...и выше* вроде бы нужно, ведь оно как будто подчеркивает этот факт. Но в то же время оно не нужно, поскольку тавтологично, избыточно.

Господа работодатели, запомните это! Хороший работник — это тот, кто способен понять, что выражения *пятнадцать тысяч* и *от пятнадцати тысяч* означают не одно и то же. А если ему все-таки что-то неясно, то зачем вам такой работник? Проводить собеседование с ним нет смысла. Только тратить время зря...

Ловушка для лишнего

Как отличить плеонастическое выражение от неплеонастического? В большинстве случаев срабатывает следующий критерий. Прилагательное (*красивая девушка*), приложение (*летчик-космонавт*), наречие (*идти быстро*) сообщают о дополнительной, необязательной, но существенной характеристике лица, предмета, действия. Что значит «необязательной»? Это значит, что именуемое явление само по себе не обладает данной характеристикой. А следовательно, мы можем заменить эту характеристику на антоним или другую характеристику и в итоге получим осмысленное выражение: *некрасивая девушка, летчик-испытатель* (или просто *летчик*), *идти медленно*.

Но разве имеет смысл выражение *неглавная сущность*? А *бедный кладезь*? Или *непамятный сувенир*? А как с выражением *подняться вниз*? Нет, эти выражения ни о чем

не сообщают, и трудно себе представить, чтобы они могли что-то обозначать. Следовательно, они лишние, мы имеем дело с плеоназмом.

Исключения из этого правила немногочисленны. В частности, можно вспомнить фольклорные клише *зайка серенький*, *серый ежик*, *грусть-тоска*, которые вообще-то избыточны. Ежик не может быть ни белым, ни зеленым, ни красно-коричневым. Но в данном случае мы имеем дело с поэтической фигурой, и ее привлекательность, необычность оправдана эстетическими соображениями.

«ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»: ПРОБЛЕМА ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема заимствований дискуссионна. О позициях, которые люди занимают по отношению к «словам-иноземцам», мы еще поговорим, но для начала автору хотелось бы обратить внимание на несомненную, настоятельную необходимость дискуссии по этому поводу.

Дело не только и не столько в том, нужны ли нам заимствования. Этот вопрос, по большому счету, не имеет смысла. Заимствования происходят, новые слова с наклейками «Made in...» приходят в нашу речь и успешно в ней закрепляются. Если нужно спорить, то исключительно о конкретных словах. О том, можно ли от них вообще отказаться, а если нельзя, то как их надо использовать. Вот и все. Прочитав данную главу, вы наверняка поймете, как это делать.

С чисто русским гостеприимством

Проблему заимствований лучше всего рассматривать на примерах. Всесторонний анализ конкретного случая позволяет увидеть, почему слово пришло в язык, какие функции оно выполняет, как оно взаимодействует с другими словами. И только учет всех этих факторов позволяет дать справедливую оценку новшеству и определить, является ли

желательным присутствие «иноземца». А потому начнем с конкретного примера.

Презентация

Представление, будто в русском языке якобы имеются все слова, которые необходимы для того, чтобы называть что угодно, явно не соответствует действительности. Возьмем в качестве примера слово *презентация*.

Некоторые исследователи отмечают, что заимствованное слово *презентация* используется чаще, чем русское слово *открытие*, и видят в этом «перебор». Но так ли это? Можно ли вообще рассматривать эти слова как синонимы? Презентация, возможно, то же самое, что торжественное открытие. Но все-таки между этими понятиями нет равенства. Ведь в словосочетании *презентация новой книги (или альбома)* мы не можем заменить первое слово существительным *открытие*. Значение слова *презентация* шире, чем значение слова *открытие*.

«Кто не знает чужих языков, не имеет понятия и о своем». (Гете)

Не получилось. Попробуем еще раз... Казалось бы, зачем нам слово *презентация*, если в русском уже есть *представление*? Но нет, новое слово закрепилось. И у этого, как ни странно, есть очень веское основание. Слова *презентация* и *представление* близки, но не пересекаются полностью. Если применить к мероприятию, направленному на представление чего-то нового (книги, журнала, товара, предприятия), то есть к типичной презентации, слово *представление*, то возникнет легкий комический эффект. Что ж, понятно! Русские деловые люди совсем не хотят выглядеть клоунами или артистами, которые выступают для увеселения публики, а тем более ей на потеху. И их

серьезный, деловой настрой тоже нетрудно понять. Существительное *презентация* нейтрально, никто не подумает «ничего такого». А приглашать партнеров или клиентов на представление... Увольте, из этого ничего не получится! Лучше не начинать.

Блог

Блог — это слово, новое не только для русского языка, но и для английского, из которого оно заимствовано нашими соотечественниками. В английском мы можем точно датировать появление этого неологизма 1997 годом. Именно тогда Джон Барджер придумал слово *weblog*, которое состоит из двух частей: *web* (что в переводе не нуждается) и *log* («записывать, вести записи в журнале»). Спустя два года Питер Мерхолз переосмыслил этот неологизм, разложив его на две части другим способом: *we blog*. Эту игру слов можно перевести примерно так: мы («*we*») ведем дневник в сети Интернет («*blog*»).

В английском языке между формами существительного и глагола практически нет разницы (если не считать поведения в предложении, а также возможностей образования форм). Следовательно, переход от глагола к существительному не составил проблем. Так родилось имя для нового жанра интернет — ой, простите — Интернет-общения.

В русский язык это нововведение проникло чуть позже. Но в наши дни нет ни одного активного пользователя Интернета, который не знал бы, что оно означает. И, несмотря на недолгую историю слова *блог*, его можно считать полноправным для русского языка.

Во-первых, это слово чрезвычайно популярно. Если сравнить статистику употребления этого слова при помощи любой поисковой системы со статистикой употребления других, возможно, даже более привычных слов (вроде *собака* или *стакан*), то окажется, что популярность слова *блог* больше в десятки, сотни и даже тысячи раз.

Возможно, это не совсем хороший аргумент: слово *блог* является ключевым для современного Интернета, в отличие,

например, от слов *velosiped* или *пошлость*. И поэтому значительная разница в статистике употребления данного слова в Интернете вряд ли может служить показателем. Это все равно что судить о популярности слова *протон* по текстам, посвященным теоретической физике, или слова *нагуаль* по сочинениям Карлоса Кастанеды и его последователей. Тем не менее Интернет — это коммуникативное пространство, доступное широкому кругу лиц, и даже «место жизни» очень многих наших современников. Можем ли мы считать его узкоспециальным?

Слово *пошлость* до Петровских реформ было эквивалентно современному слову *традиция*. Ведь *пошлость* — это то, что *пошло* истари, испокон веков. Однако с приходом к власти Петра I Россия стала преобразаться, и то, что раньше казалось освященным авторитетом традиции, вдруг стало досадным пережитком прошлого... Слова, обозначающие что-либо положительное, нередко меняют свое значение на противоположное.

Во-вторых, слово *блог* обозначает особое явление, которое мы не можем осмыслить при помощи других понятий. Разве это средство массовой информации? Нет. Блог не обновляется регулярно, не проходит регистрацию в государственных органах и вообще является частным делом конкретного человека. Может быть, мы вправе назвать блог дневником? Тоже нет. Дневник, который ведет человек, обычно предназначен для самого автора: как говорится, бумага все стерпит... И даже если человек показывает кому-то свои дневниковые записи, то делает это добровольно и избирательно. Вести блог — значит намеренно выставлять напоказ себя, свою жизнь, свои мысли, наблюдения, интересы, убеждения, мнения или познания (ненужное зачеркнуть). При этом выставлять напоказ перед потенциально большой аудиторией. Таким образом, блог тесно связан с конкретным человеком и в то же время

широко публичен — можно ли подыскать какое-то подходящее русское название для подобной формы публичного самовыражения?

Появление слова *блог* в русском языке оправданно. Наверное, было бы хорошо, если бы вдруг объявился какой-нибудь гений и придумал собственно русское слово для обозначения блога. Но этого не произошло. Почему бы нам не воспользоваться прямым заимствованием?

«Чем более мы будем национальны, тем более мы будем европейцами (всечеловеками)». (Ф.М. Достоевский)

Паб

Называть любое заведение, в котором подают пиво, не *пивной*, а *пабом*, конечно, неправомерно. Но все же носителей русского языка (особенно тридцати- и сорокалетних) можно понять. У них еще не успели стереться в памяти воспоминания о том, что русская (а точнее, советская) пивная — это малоприглядное заведение. Убогие грязные стойки, бедный ассортимент, немытые стекла, отсутствие минимальных удобств... Все это не может не подтолкнуть на поиски более «благородного» наименования для заведений, которые посещают любители пива. Тем более что заведения эти в наши дни действительно являются гораздо более благородными. Но и в этом случае можно использовать словосочетание *пивной ресторан*, которое звучит прилично даже для повидавшего виды бывшего советского гражданина.

Нет ничего плохого в использовании слова *паб* применительно к питейному заведению, которое стилизовано под настоящий английский паб. Каждый хозяин привлекает клиентов по-своему, и английская пивная, которая предлагает соответствующие напитки и блюда к ним, а также оформлена «по-заграничному», в соответствии со стандартами, вполне

может претендовать на имя *паб*. Создатель такого заведения стремится предоставить посетителям не только кухню, бар и сервис — он устраивает для них что-то вроде экскурсии в другую страну, в чужую культуру, и для этого не надо оформлять загранпаспорт, ехать в аэропорт, а потом лететь куда-то, понимая, что у тебя нет визы... И в этом случае заимствуется не только слово, но и то, что стоит за словом. То есть экзотика.

«Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, — значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус». (В.Г. Белинский)

Дефицит

Далеко не всегда судьба заимствованного слова является такой же образцовой, как в приведенных выше примерах. Иногда новое слово прочно входит в обиход и начинает всерьез конкурировать с другим, исконно русским словом. Существительное *дефицит* — прекрасный пример этого.

Слово тесно сопряжено с условиями существования и культурной жизнью народа. Существительное *дефицит* проникло в русский язык достаточно давно, во второй половине XIX века, и это несмотря на наличие очень близкого по значению собственно русского слова *нехватка*. В советское время оно использовалось в самых разных смыслах. Тем не менее для рядового советского человека слово *дефицит* ассоциировалось прежде всего с полупустыми полками магазинов, бесконечными очередями, а также покупкой из-под полы или с черного входа. И непременно по благу.

Когда слово так сопряжено с условиями существования и даже выживанием, оно не может не прижиться в языке окончательно. И будет усвоено «на генетическом уровне».

В наши дни, которые можно охарактеризовать как эпоху изобилия, понятие дефицита вряд ли является таким же важным. Современный русский человек чаще испыты-

вает «дефицит денег», чем «дефицит товаров». Всего так много! И все вроде бы доступно. Но все не купишь, ведь ресурсы ограничены... Конечно, никто в наши дни при помощи слова *дефицит* эту ситуацию не осмысляет. Но очень частотным для современной русской речи является выражение *дефицит бюджета*, то есть превышение расходов над доходами. А оно как раз и указывает на нехватку денег (правда, в государственных масштабах и на государственные нужды).

Приведенные значения необходимо противопоставлять. Во-первых, есть экономический термин *дефицит*, который соотносится с термином *профицит* и уместен при обсуждении экономических вопросов. Во-вторых, есть слово *дефицит*, которое в силу сложившейся традиции применимо и к товарной нехватке, то есть, выражаясь экономическим языком, преобладанию спроса над предложением. Будем надеяться, что в этом смысле слово превратилось в историзм и обозначает то, что окончательно осталось в прошлом...

В остальных случаях, пожалуй, лучше не забывать об исконном русском слове *нехватка*. Выражение *дефицит витаминов* уместно в речи врача, а выражение *дефицит внимания* — в речи психотерапевта. Но они вряд ли уместны в речи обычного человека. Да здравствует нехватка! А еще недостаток. Не нужны нам ваши дефициты.

Шлягер, хит или популярная песня?

На самом деле, этот вопрос не так уж тривиален. Он вполне может стать предметом спора, если мы применим его к конкретной песне. И этот пример покажет нам, как иноязычные слова занимают свое место в системе русского языка и при этом вполне уживаются друг с другом.

Шлягер — это песня, которая выделяется, запоминается и становится для людей «родной». Люди склонны петь шлягеры во время застолья. Если угодно, это песня народная. Или почти народная, несмотря на то, что у нее есть авторы. Благодаря всенародной любви шлягеры жи-

вут долго, хотя, скорее всего, не вечно — в отличие от несравненной классики.

С хитом дело обстоит иначе. Во-первых, на это указывает внутренняя форма слова, а точнее, основное значение английского *hit* — «толчок, удар; попадание, удачная попытка». Характеристика песни при помощи данного слова позволяет подчеркнуть, что песня «попала в яблочко», а ее появление стало неожиданностью, сенсацией (пусть даже мимолетной). Хит — это что-то вроде яркого события, настолько удачного, что он приковывает к себе внимание и вызывает восхищение.

Уклон в коммерцию здесь налицо, и показателем «хитовости» оказывается очевидный, хорошо измеримый коррелят — цифра, отражающая количество проданных дисков, воспроизведений или голосов слушателей. Всенародную любовь таким образом измерить невозможно.

Хит не живет долго. Мы охотно скажем, что песня в таком-то году (например, в 1913-м) побывала хитом, но вряд ли скажем, что она побывала шлягером. Шлягер — это все-таки качество, которое не привязано к текущему моменту.

А «популярная песня»... Это слишком длинно и слишком размыто. Да и слово «популярный» вряд ли о чем-то говорит. Есть популярная (по форме) музыка, которая не пользуется ни спросом, ни любовью. И в этом смысле все песни, рассчитанные если не на всенародную любовь, то хотя бы на коммерческий успех, являются «популярными». Только ка-

В гостиничный номер к англичанке на ночь подселили русскую. Утром выяснилось, что у англичанки пропали туфли. Она через переводчика спрашивает у русской: «Вы брали мои туфли?». Она: «Да очень они мне нужны!». Переводчик перевел: «Они ей очень нужны». Англичанка: «Тогда пусть отдаст деньги». Русская: «Здрасьте, я ваша тетя!» Переводчик: «Говорит, что ваша родственница». Англичанка: «Ну пусть отдаст хоть половину». Русская: «А хрен в сумке она не хочет?» Переводчик: «Она расплатится с Вами овощами».

кое дело народу до того, что думают и хотят композиторы вместе с музыкантами?

Когда гостеприимство уместно?

Как сказал Ф. М. Достоевский, Пушкин есть выражение национального русского духа с его всемирной отзывчивостью, который чутко откликается на идеалы других народов, но духовно осмысливает и преображает их.

Важная черта русского языка заключается в том, что он сумел вобрать в себя огромное количество «чужеродных» элементов и при этом не потерять своей самостоятельности, не растаять, не раствориться, остаться самим собой. И это только доказывает, что русский язык, русская культура, в силу свойственной им *широты*, способны вобрать в себя весь мир, не утратив себя. Разве в этом есть что-то плохое, унижительное? Возможно, мы дали другим не так много. Но зато мы умеем *учиться*. Мы, русские, умеем *слушать*. И *понимать* других.

Ничего плохого в том, что русский язык переживает очередную эпоху заимствований, по большому счету, нет. Активные межкультурные контакты, сопровождающиеся массовыми заимствованиями, в целом скорее обогащают нашу культуру, чем уничтожают ее. И представляется очевидным, что носители русского языка, принимая эти заимствования, демонстрируют не самое худшее качество, а именно — открытость всему новому, готовность осваивать новые формы жизни. И с потоком заимствований есть смысл смириться — за неимением лучшего.

Почему заимствования могут быть полезными?

1. Заимствованное слово позволяет восполнить в лексической системе языка недостающие звенья. Это касается реалий, то есть фактов, явлений других культур, это касается технических нововведений, многих научных терминов. Именно поэтому в нашем словаре закрепляются такие слова, как *ноутбук*, *бэйдж*, *принтер*, *сканер*, *органайзер*, *тамагочи*, *виртуальный*, *киборг*, *культурология* и т. д.

Если возникает конкуренция между исконным словом и словом-пришельцем, то победитель не всегда оказывается русского происхождения. В свое время предлагалось множество вариантов замены иноязычных слов русскими новообразованиями: *мокроступ* — это *калоша*, *водомер* — *фонтан*, *окоем* — *горизонт*, а *ячество* — *эгоизм*. А.С. Шишков и В.И. Даль в свое время предложили русские эквиваленты для иноязычных слов, и *бильярд* чуть не превратился в *шаротык*, а *тротуар* — в *топталыце*. Прямо не верится, что авторы этих неологизмов придумывали их всерьез! Эти слова сохранились в истории как курьезы, но верх взяли другие слова — иноязычного происхождения.

2. Заимствованное слово позволяет точнее выразить те или иные понятия, оттенки смысла. Например, *ностальгия* — это не просто «тоска», это «тоска по родине»; общее русское понятие в заимствованном слове конкретизируется, сужается, и мы никогда не назовем ностальгией тоску по любимому человеку, друзьям или прошлому. И в этом случае заимствованное слово не заменяет русское, а становится как бы рядом с ним.

3. Заимствованные слова часто обладают экспрессией или стилистическими оттенками, которые отсутствуют у исконно русских слов. Как правило, эта возможность реализуется при заимствовании иностранных слов в разнообразные жаргоны, прежде всего молодежные. Отсюда экспрессивный глагол *хакнуть*, образованный от прямого заимствования *хакер*. Кстати, особой экспрессивностью обладают заимствования, которые существуют наравне с исконно русскими словами, почти не отличаясь от них по смыслу: *мани* (но не *деньги*), *пилл* (но не *люди* или *народ*), *флэт* (но не *квартира*).

4. Заимствованное слово — прекрасный кандидат на роль эвфемизма, который является более мягким обозначением какого-то явления. Например, роль эвфемизмов в русском языке часто играют медицинские и научные термины, книжные слова, которые заимствованы из других языков: *гениталии*, *летальный исход*, *путана*, *куртизанка* и т. д.

5. Заимствованное слово оказывается более эффективным средством обозначения того или иного явления в силу своей краткости, емкости и т. д.

Неужели нам совсем не нужны иностранные слова?

Приключения «иностранцев» в России

Заимствования губят язык, вследствие чего последний перестает быть самим собой? Нет, это не совсем соответствует действительности.

Иностранное, но с русским акцентом

Заимствованное слово, прежде всего, проходит «фонетическую адаптацию». Другими словами, оно приспособляется к системе звуков конкретного (в нашем случае русского) языка. Человек, толком не владеющий английским языком, может сколько угодно долго думать, что слово *риелтор* английское. Нет, нет и нет! Это уже русское слово. Ведь согласный звук [р] произносится в нем по-русски, в том числе и на конце слова, и это самое очевидное. Менее очевидно, что остальные звуки не соответствуют английским. Но это действительно так. Русские гласные, например, чем-то похожи на английские, но не тождественны им, и звук [t] англичане произносят с придыханием... И еще одно тонкое замечание: фактически, в последнем слоге слова *риелтор* произносится очень краткий, редуцированный звук [а] — в полном соответствии с правилами русского литературного произношения.

Русское слово *противень* не имеет никакого отношения к неприятному (то есть *противному*) или к тому, что находится *напротив*. Это пример того, как может преобразиться слово при переходе из одного языка в другой.

Ведь в основе русского слова *противень* лежит немецкое слово *Bratpfanne* («сковорода»). Согласитесь, негоже русским говорить, как немцам!

Русские законы для иностранцев

Второе, не менее очевидное изменение заимствованного слова — это его грамматическое освоение. Например, подавляющее большинство иностранных существительных в русском языке склоняется так же, как собственно русские, и заимствования последних лет не являются исключением.

Возьмем, к примеру, слово *Интернет*. Огромное количество людей, не только молодых, употребляют это слово ежедневно, причем, и скорее всего, не один раз на день. Но как правильно употреблять его формы? Согласно современным словарям русского языка, это слово склоняется как существительное мужского рода: *Интернет, Интернета, Интернету, Интернет, Интернетом, в Интернете*. Следовательно, использование этого существительного как несклоняемого является ошибкой.

Пожалуй, единственное разумное исключение из этого правила — это использование данного слова в неизменной форме в сочетании с существительным *сеть*: *в сети Интернет*. Но в этом случае действует совсем другое правило, которому подчиняются и другие слова русского языка, причем не только новые и не только потенциально несклоняемые. Дело в том, что в подобном сочетании слово *Интернет* превращается в имя собственное, точно так же как в выражениях *в магазине «Березка», на фабрике «Семеновна», в корпорации «Газпром»* (но: *в «Березке», на «Семеновне», в «Газпроме»*).

Примечание. *Кстати, еще один вопрос, связанный со словом Интернет, — это способ его написания. Варианта у нас два: Интернет и интернет. В современном языке эти два написания используются в равной степени, однако различаются по смыслу. Интернет (с прописной буквы) — это название всемирной сети, интернет (со строчной буквы) — это способ связи, доставки информации. В первом значении мы имеем дело с именем собственным, во*

втором — с именем нарицательным, которое по своему смыслу очень похоже на слово телефон (если использовать последнее для обозначения способа связи).

И мы можем высказать прогноз: вполне возможно, что рано или поздно слово Интернет начнут писать исключительно со строчной буквы, поскольку целесообразности в подчеркивании уникальности этой технологии нет. Автор даже полагает, что написание интернет является правильным (и в этом мнении он не одинок). Однако это всего лишь прогноз, и выбирать между написаниями Интернет или интернет следует в соответствии с правилом, сформулированным чуть ранее.

Но вернемся к грамматическому освоению заимствованного слова. Иногда этот процесс заходит дальше, и слово приспособляется к грамматической системе русского языка, например, меняя окончание. Так английское слово *utility* («обслуживающая программа») превратилось в существительное *утилита*, хорошо знакомое тем, кто с компьютером на «ты».

В русском давно существует слово *татуировка*, которое было заимствовано из английского языка, а затем «приспособлено» к русскому языку. Тем не менее английский оказал на русский повторное влияние и как бы поправил: мол, слишком длинно, — отчего у нас появилось новое, *тату*, постепенно преобразовавшееся в жаргонно-разговорное *татуха*.

Формально *татуировка* и *татуха* — это русские слова, заимствуется только корень, который оформляется чисто русскими суффиксами и окончаниями. Кстати, английский тоже заимствовал это слово — из полинезийского языка.

А нам все равно!

Доходит до недоразумений. Или, если угодно, до достаточно бесцеремонного отношения к «святая святых» — ан-

глийскому слову. В русском языке имеется ряд заимствованных слов, вобравших в свой корень окончание *-s*, которое в английском языке, как известно, является показателем множественного числа. Таких слов по меньшей мере пять: *рельс*, *бутс*, *джинсы*, *комикс* и *бакс*. Чтобы составить себе приблизительное представление, как это слово звучит по-английски, русскому, не знающему английского языка, необходимо отбросить конечный звук [с]. Точности, тем более абсолютной, не получится, ведь *рельс* по-английски — совсем не «рель», а «рэйл» (*rail*). А привычное русскому уху *бакс* обозначает не «доллар», а «доллары». Бесцеремонность налицо.

Шоп-тур

Заимствованные слова переосмысляются. Человеку, слабо владеющему английским языком, непривычное *шоп-тур*, которое недавно — и, как кажется автору, напрасно — появилось в нашем языке, наверняка покажется заимствованным. Не тут-то было! В английском языке такого слова не существует.

Отсутствие в английском языке слова *шоп-тур* объясняется сложнее. Во-первых, в строгом смысле такие поездки по-английски могли бы называться *шопинг-турами*. Ведь *shop* — это «магазин», а *shopping* — «процесс хождения по магазинам, сопровождающийся активными покупками».

Почему же тогда в русском языке появилось такое немислимое слово — *шоп-тур*? Это значит, что слова *шоп* и *тур* стали для носителей русского языка понятными и привычными (то есть «родными»).

Кроме того, вполне привычным для русских стало и словосложение — способ словообразования, который заключается в простом соединении двух слов. Естественно, словосложение существует в русском языке очень давно, а потому следует сделать уточнение: речь идет о словосложении «на английский манер», когда слова просто соединяются. Традиционное для русского языка словосложение

предполагает использование специальных соединительных гласных, как правило, *о* (*паровоз*) или, реже, *е* (*вездеход, солнцепек*). «Шопотур»? Нет, шоп-тур — как «по-английски».

О том, что русский язык заимствовал из английского особую модель словообразования, свидетельствует наличие «русских» (а на самом деле «полурусских») образований вроде *шуб-тур* или — грубо-ироничного — *лох-тур*. Первая часть этих слов (усеченное *шуба*, полноценное *лох*) являются самостоятельными словами русского языка, принадлежащего к разным стилистическим сферам. Но все-таки русских, а не заимствованных...

Потомки с иностранными корнями

Заимствованное слово рано или поздно осваивается словообразовательно. Это значит, что от него по способам, характерным для русского языка, начинают образовываться новые слова. Да, в русский язык слова *блог, блогер, блогинг* были заимствованы. Но в то же время корень *-блог-* осваивается русским языком в словообразовательном плане, и в результате появляются *блогосфера, блогостроение, сниженное бложить*. Первые два слова образованы путем словосложения, который пришел в русский язык вместе с церковно-славянским.

То же происходит и со словом *креатив*. Его необходимость для русского языка является спорной, ведь оно действительно ничем не лучше исконно русского, привычного слова *творчество*, хотя его использование иногда оказывается оправданным. Тем не менее новое слово уже пустило корни в русском языке в виде слов *креативный, креативность, креативить* и даже ироничного *накреативить*, давая новую жизнь идее создания чего-то необычного, яркого, интересного, но не всегда прекрасного.

У нас всем найдется место!

Наконец, заимствованное слово осваивается лексической системой языка. Что это означает? Это означает, что с появле-

нием нового члена в семье остальные вынуждены потесниться. Нет, не уйти, не лишиться своего места окончательно. Но не признать присутствия нового слова старые слова не могут. А потому неизбежно указывают этому новому слову подобающее место. Возьмем, к примеру, относительно недавнее заимствование — *уикенд*.

Уикенд, или «Верните нам праздник!»

Далеко не всегда русский язык заимствует слова, которые ему действительно необходимы. Не так давно в нашей речи закрепилось слово *уикенд*, которое является прямым заимствованием английского *weekend*. Нужно ли русскому языку это слово? На первый взгляд, нет, потому что у нас имеется русское слово *выходные*, по своему смыслу почти совпадающее с английским выражением.

Вообще-то русское слово богаче, потому что выходные — это не только конец недели, когда подавляющее большинство людей свободны от работы и каким-то образом эту свободу используют, но и любой день вообще, когда человек не обременен трудовой повинностью. Выходные для человека, который работает по «скользящему» графику, могут выпасть на любой день недели. Тем не менее это индивидуальный, личный выходной; общие выходные — это суббота и воскресенье, дни, определенным образом окрашенные благодаря всеобщей незанятости на работе. Это, конечно, не праздник. Но это однозначно нечто среднее между праздниками и буднями.

Чем же все-таки вызвано закрепление этого слова? Прежде всего, его необычностью. Выходной — это, конечно, маленький праздник или время, которое можно использовать по своему усмотрению. Над тобой никто не стоит, ты сам себе начальник... Но есть в этом что-то заурядное, обыденное, не правда ли? Выходные в нашей жизни то и дело случаются, и эта регулярность оборачивается рутинной. Кто, например, в наши дни осознает, что слово *выходные* имеет тот же корень, что и слово *выход*? Внутренняя форма его неочевидна, и это еще одно доказательство автоматизма и рутины.

То ли дело *уикенд*! Это слово, возможно, является тем средством, которое способно раскрасить выходные-будни и вернуть ощущениям новизну. Кроме того, оно звучит благородно и «дорого», так что предполагает определенную позу: «У меня не выходные — у меня *уикенд*!»

Слово *уикенд*, конечно, не вытеснило — и никогда не вытеснит — исконно русского эквивалента. Скорее, между ними установился компромисс. И никак не паритет. *Уикенд* — это признак публицистического текста (статьи в модном журнале), а также разговорной речи «передовой части общества», которая хочет выглядеть «à la anglais» (фр. «по-английски»). Можно было бы подумать, что употребление исконно русского слова *выходные* сузилось до границ официальной речи. В самом деле, в официальном документе мы вряд ли можем ожидать появления пресловутого *уикенд*. Но это не совсем так. *Выходные* — это нейтральное слово, которое мы можем употребить где угодно. Оно осталось в языке, своих позиций в целом не утратило. Более того, они даже укрепились! Хотя мы и не замечаем этого, ослепленные яркими блестками, которыми облеплено заимствованное *уикенд*.

«Лишь усвоив в возможном совершенстве первоначальный материал, то есть родной язык, мы в состоянии будем в возможном же совершенстве усвоить и язык иностранный, но не прежде». (Ф.М. Достоевский)

Немного смелых фантазий о судьбе русского языка

Как следует из всего сказанного, лексика является самой изменчивой частью языковой системы. С грамматикой (правилами) и фонетикой (звуковым строем) куда сложнее. Языки легко заимствуют иноязычные слова, но эти ново-

введения достаточно эффективно «перемалываются» фонетикой и грамматикой. Если фонетика и грамматика меняются, то незначительно и крайне медленно. Учтем еще и тот факт, что русский язык — это литературный язык. Русский язык был изучен и осмыслен со всех сторон в плане самых немыслимых тонкостей. Следовательно, его «костяк» чрезвычайно прочен. И это невероятно замедляет его трансформации. Если еще несколько веков назад происходили активные изменения в грамматической системе, то приблизительно с XVIII века они фактически прекратились. В чем дело? В том, что письменный язык чрезвычайно развился; в том, что созданы грамматики, то есть описания языка, не только объективно представляющие его закономерности, но и предписывающие, закрепляющие существующее положение. Русскому языку целенаправленно учат, редакторы вымарывают из текстов совсем уж неоправданные новации; на телевидении и радио, которые задают тон в языковой сфере, работают люди, пусть и не безупречные в языковом отношении, но все же достаточно образованные для того, чтобы оставаться «в струе».

Ревнителю чистоты русского языка наверняка снятся страшные сны: в один прекрасный день родные русские слова окончательно исчезают, и со всех сторон слышатся ужасные *стрит, сити, мани...*

Что ж, такие варианты науке о языке известны. И называют языки, которые возникли в результате беспорядочного и полного смешения двух языков, пиджинами. В русской «говорке» (пиджине, используемом на Таймырском полуострове) почти все слова заимствованы из русского языка, но грамматика этого языка не русская, а языков урало-алтайского типа. Таким образом, мы имеем русские слова и формы слов, которые объединяются в предложения по странным, с точки зрения русского языка, правилам. В результате получается: *Меня русский говорка место казать будем*, то есть *Я буду говорить на русском языке*; *Меня сто конь кусал бы*, то есть *Я съел бы сто коней* (примеры Е.А. Хелимского).

Примечание. Мимоходом отметим, что подобные фразы, в нашем сознании тесно связанные с коренными народами Севера, в действительности не являются «ломаным русским». Это особый язык, возникший в результате смешения двух или более языков. У него есть фонетика, грамматика, синтаксис. Он обладает особой лексической системой. Но просуществовал он недолго, не более полувека, и в наши дни используется только редкими стариками, которые живут в глухих деревнях и не сумели в достаточной степени овладеть русским языком. А все остальные говорят либо на своих родных языках, либо по-русски, причем не хуже самих русских. И заметьте: в условиях, когда русский язык является государственным.

Можно ли представить себе нечто подобное для русского языка? То есть «русскую речь», которая представляет собой английские (и, шире, иноязычные) слова, соединенные в соответствии с правилами русской грамматики? Вряд ли. Разве что в качестве шутки, примеры которой мы уже приводили.

Загвоздка в том, что пиджины возникают в результате контактов между носителями разных языков, когда проблема взаимопонимания стоит особенно остро. Если угодно, пиджин — это компромисс, к которому приходят носители разных (подчас очень далеких друг от друга) языков. Это то средство общения, которое появляется, когда два человека, владеющие разными языками, пытаются договориться. Ничего подобного в России не наблюдается. Если русские и начинают использовать в своей речи иностранные слова, то в первую очередь не потому, что им надо как-то договариваться с англоговорящими гражданами. Совсем нет. Здесь есть любопытство, интерес к «другому», чуждому, новому; стремление сделать свою речь более яркой; представления о престиже, который якобы присущ английскому языку... Русские

заимствуют английские слова добровольно и исключительно для собственного потребления, а не для общения с английскими купцами.

В этом смысле окончательная и бесповоротная «англизация» русского языка вряд ли возможна. Русский язык останется русским, и страхи по этому поводу преувеличены.

Можно без «чужеземщины»?!

Следует различать заимствованные и иноязычные слова. Заимствованное слово лишь по своему происхождению является иноязычным, но на практике оно давно освоено системой языка и его носителями. Иногда это означает, что заимствованное слово не воспринимается как заимствованное, — оно давно стало привычным и «родным», мы уже не можем представить себе жизни без него. За примерами далеко ходить не надо: *математика, философия, история, грамматика, анафема, ангел, епископ, демон, икона, монах, монастырь, лампада, известь, сахар, скамья, тетрадь, фонарь, буйвол, фасоль, свекла*. Кстати, все эти слова являются гречизмами, то есть появились в результате заимствования из греческого языка.

В качестве другого примера приведем фрагмент из статьи В. Т. Чумакова, в которой говорится о необходимости защиты русского языка, и выделим в ней заимствованные из других языков слова:

Вопрос: имеем ли мы чувство национальной гордости или оно за последние 10–15 лет сильно затухло да испарилось?

Да, не имеем, если даже передовая статья в правительственной «Российской газете» от 16.05.2003 называется «В поисках драйва». Подзабыли, видимо, сытые журналисты «РГ», что русский язык — один из шести официальных языков Организации Объединенных Наций, чего не скажешь, например, о немецком или турецком. Давайте же держать марку, господа!

*Сейчас чуть ли не на каждом углу слышишь, что русский язык всегда сам себя защищал и очень это успешно делал. Авось и теперь выдюжит и устоит. Будем же **реалистами** и не покривим против правды. То, что русский язык внутренне прочен и способен сам себя защитить, верно лишь отчасти. Его же всегда защищали великие наши **Поэты, Писатели, Публицисты, Ораторы, Русская Православная Церковь, Русский Театр, Эстрада, Кино, Радио, Телевидение** (это, правда, наполовину калька, заимствована только первая часть слова, **теле-**. — И. Л.). Следование лучшим примерам, когда слышишь **в храме**, или **со сцены**, или **с трибуны** писательского съезда, или **из репродуктора** образцовую **литературную** речь, **безупречную по произношению — орфоэпии** и **благозвучию — эвфонии**.*

Автор книги привел эти строки совсем не для того, чтобы убедить читателя, будто русский язык не нуждается в защите, будто его не нужно беречь. Скорее, этот пример должен показать, что говорить по-русски, не используя заимствованных слов, невозможно. В приведенной выдержке все заимствованные слова использованы к месту, они несут важную функцию с точки зрения выражения мысли, и то, что сказано с их помощью, далеко не всегда можно выразить «русскими» словами. Да, поэт — это стихотворец, эвфония — благозвучие, нация — народ... Но как быть с *эстрадой, репродуктором, радио, кино, сценой, статьей, газетой, журналистом?* Собственно русских слов для обозначения этих явлений, пожалуй, нет.

Вопрос, следовательно, заключается в том, что мы должны более тщательно отбирать заимствуемые слова, отсеивать те, которые нам не нужны, и как можно более тщательно осваивать те, которые могут нам пригодиться. А осваивать — значит вписывать в систему русского языка, устанавливая точные значения.

Отсев ненужных слов происходил всегда. Л. П. Крысин со ссылкой на словарь-справочник «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» (СПб., 1997) приводит список слов иноязычного происхождения, которые появились в русском языке в позапрошлом веке: *модерантизм* (умеренность в политике), *нивеллятор* (тот, кто нивелирует, уравнивает что-либо), *нотиция* (официальное сообщение, уведомление), *официалист* (чиновник), *экскузация* (отговорка), *эллеферия* (свобода). Этих слов было гораздо больше, чем можно подумать, ведь их хватило на целый словарь. Всех этих слов в современном русском языке нет, и причиной этого стало то, что сам язык «отсеял» ненужные для него новообразования. Кто может предсказать, какая судьба ожидает современные заимствованные слова?

Иноязычное слово используется в речи хотя бы изредка, но еще не является ни привычным, ни тем более освоенным. Нередко это проявляется в том, что оно произносится не в соответствии с нормами произношения русского языка, то есть сохраняет явные признаки своей «чужеродности».

Утверждать точно, какая судьба ждет иноязычное слово, которое внезапно «всплыло» в русской речи, не может никто. Оно может так же исчезнуть, как и возникло. Но может и стать освоенным, привычным, то есть слиться с системой языка, найти в ней свое место.

«Язык — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры. Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью». (А. Куприн)

«Иностранные слова непонятны...»

Речь — это средство передачи информации. Именно поэтому говорящий и пишущий должен стремиться к тому, чтобы его слова были понятны другим людям. Злоупотребление

иноязычными, а иногда даже заимствованными словами явно не способствует пониманию.

Но тем, кто слишком громко возмущается обилием заимствований, видя в них абсолютное зло, стоит напомнить, что многие привычные слова, чуждость которых мы не замечаем, на самом деле пришли к нам из других языков.

Возмущение непонятностью речи, насыщенной иноязычными и заимствованными словами, справедливо лишь отчасти. Да, говорить надо так, чтобы тебя понимали. Но разве не должен человек стремиться к увеличению словарного запаса? Родившись, младенец не способен понимать значения слов. Так что же, всем нам придется переходить на «агу»?

Как справедливо отмечают некоторые авторы, проблема незнакомых слов — это в том числе социокультурная проблема. Образованный человек, который читает разные (!) книги и хотя бы иногда заглядывает в словари, а еще и не чурается изучения иностранных языков, часто способен понять значение незнакомого слова приблизительно. И пассивный словарный запас такого человека гораздо больше, чем у многих других. Он может неправильно употребить незнакомое слово, но, услышав его в чужой речи, сможет хотя бы отнести к определенной сфере человеческой деятельности. А это означает, что такой человек обладает более богатым внутренним миром и определенные сферы человеческой деятельности для него не закрыты. И видеть мир он, пусть даже в перспективе, может по-разному. И этим он отличается от того, кто не желает ни под каким видом узнавать что-то новое.

Радетелям чистоты русского языка хотелось бы посоветовать изучать значения новых слов. Дело не только в обогащении и развитии — за борьбой с нововведениями часто скрывается обыкновенное нежелание меняться, развиваться, становиться богаче. Но знать — хотя бы приблизительно! — значение этих слов нужно. Зачем? Чтобы объяснять тем, кто такие слова употребляет, чем их можно заменить. В самом

деле, если мы не знаем точно, что слово обозначает, как мы можем утверждать, что в этом слове нет необходимости, что оно лишнее?

Когда незваный гость хуже татарина...

Конечно, далеко не все так безоблачно, как может показаться из тех примеров, которые были приведены выше. Есть слова, появление которых в русском языке объяснить почти невозможно. Разве что модой на иностранное, частое чтение текстов на иностранном языке... И попаданию таких слов в русскую речь надо препятствовать. По крайней мере, место в системе русского языка для них надо подыскивать особенно тщательно и осторожно.

Контент

Нельзя сказать, что слово *контент* особенно необходимо. По крайней мере, в качестве замены русскому *содержанию*. Например: «Научитесь жаловаться на недопустимый контент в Сети» (журнал «Домашний очаг»), «...обсуждают ситуацию, согласно которой контент сайта газеты станет платным» (газета «Южная столица»), «Контент переписки остался засекреченным» («Российская газета») и т. д. Нельзя ли по-русски? Ведь во всех приведенных примерах мы, наверное, могли бы, используя общепонятные исконно русские слова, сказать: *содержание публикаций в Сети, содержание сайта* (или *доступ к публикациям на сайте*), *содержание переписки*.

Использование нового слова *контент*, возможно, оправданно лишь в некоторых специальных контекстах. Компьютер — это средство обработки цифровой информации. И под «цифровой информацией» понимается нечто очень широкое. По большому счету, это поток символов (нулей и единиц), который на поверку может оказаться чем угодно: текстом, звуком, изображением. И применительно к этой ситуации слово *контент*, возможно, оказывается удачным. В этих случаях *контент* — это «то, что содержится», но никак не содер-

жание. Контент — это скорее «начинка», рассматриваемая в очень обобщенном плане, глазами специалиста, который постоянно имеет с ней дело и свыкся с ее обилием. В силу этого контент — не просто начинка, а начинка, которая уже не переваривается.

И, честно говоря, в этом слове кроется некоторое пренебрежение, которое закономерно вырастает из чисто технического подхода. Не важно, каков контент, — важно, что кодек его обрабатывает, а браузер отображает. И качество информации, которая рассматривается как контент, не важно: она может быть и ценной, и бесполезной, и качественной, и не очень... Главное, чтобы что-то было. Это позиция библиотекаря, который живет среди книг, но уже давно их не читает. Зачем? Любая книга — всего лишь «много букв».

Профессионалу — простительно. Его вынуждают к этому обстоятельства. Он стоит на конвейере. Но стоит ли нам во всем уподобляться профессионалам? Ведь для того, кто им не является, такое отношение — это уже не вынужденная необходимость, а безразличие, цинизм. Зачем же нам всем подхватывать и выражать подспудную усталость?

Релиз

Релиз — это не только сам выпуск чего-либо, это еще и событие. Или то, что представляется рекламой и средствами массовой информации как событие. В этом смысле слово *релиз* никогда не заменит близких по смыслу русских слов *выход*, *выпуск* или *публикация*. Мы вряд ли услышим когда-нибудь о *релизе Центральным банком купюр нового образца*; и автору не верится, что, оставаясь в здравом уме, можно говорить о *релизе книги*. А вот *релиз альбома*, *релиз фильма*; возможно, даже *релиз новой модели телефона*... Что ж, если производители хотят погромче заявить о себе и вообще вызвать больше шума, это в их праве. Яркие события украшают жизнь, и нам они тоже нужны. Потому что без них нам становится скучно.

Однако дело не в этом. Автор вполне готов согласиться с тем, что слово *релиз* в русском языке не будет лишним. Но тогда употреблять его нужно правильно, в соответствии с его смыслом.

Возьмем такой пример: *Релиз этого альбома выйдет в мае* (из прессы). А теперь по-русски: «Выход этого альбома выйдет в мае». Каково? Мало того, что автор таких строк, скорее всего, использует слово *релиз*, чтобы выглядеть в глазах читателя «крутым». Но он не понимает его смысла! Ведь если бы он его понимал, он наверняка написал бы: *Релиз этого альбома состоится в мае*. Или проще, без «выкрутасов»: *Этот альбом выйдет в мае*.

Любовью к «умным» словам нередко отличаются те, кто стремится получить хорошее образование. Относитесь к частому употреблению таких слов как к временной «болезни», которая пройдет, когда знания будут по-настоящему усвоены.

Менеджер

В строгом смысле слова, *менеджер* — это «управляющий», или «управленец», или «наняемый руководитель предприятия».

Беда модного слова *менеджер* — в его чрезмерной размытости. Менеджером можно назвать и реального руководителя, причем как очень крупного масштаба (от его решений зависит судьба крупных предприятий и многих людей), так и небольшого. И обычный продавец в магазине тоже почему-то оказывается менеджером (с уточнением: *торгового зала*). Но кем — или чем — он руководит? Неужели товаром? А еще бывают менеджеры чистоты, то есть уборщики и уборщицы, которые кое-где вообще превращаются в менеджеров по клинингу...

Плохо ли это? Трудно сказать. В некоторых случаях это скорее смешно. И такой размытости в значении слова *менеджер* можно найти объяснение.

Дело в том, что слово *менеджер* является знаковым. Как справедливо пишет М. Кронгауз, «...за этим словом скрывается не столько профессия, сколько образ жизни, целая культура, которую можно назвать корпоративной, или “культурой белых воротничков”. *Менеджер* – это стабильная работа, стабильная зарплата, стабильные привычки, наконец, просто стабильная жизнь. Менеджер читает солидные СМИ, ест бизнес-ланч, вечером ходит в клубы, а летом отдыхает за границей. В конце концов, это что-то вроде среднего класса минус богема и представители свободных профессий. Стать менеджером означает чего-то добиться в жизни, завоевать свое место под солнцем. Менеджер оказывается основным адресатом рекламы. Слово *менеджер* используется в качестве приманки и включается в название десятков книг типа “Как стать менеджером”, “Как быть менеджером”, “Как подцепить менеджера”».

«Из всех слов наиболее верны те, что самым коротким путем приводят нас к фактам».
(К. Паркхерст)

Но дело не только в том, что слово *менеджер* ассоциируется с «красивой жизнью». Это символ причастности не только к благам и удобствам, богатству и статусу. Это символ причастности к свободному предпринимательству, бурной и продуктивной экономической деятельности. То же можно сказать и о существительном *бизнес*. Так можно назвать и огромную финансовую империю, и самый заурядный нерегулярный приработок. Если провести аналогию между бизнесом и религией, то окажется, что в словах *менеджер* и *бизнес* для делового человека заключено не меньше, чем в словах *причастие* или *спасение* для христианина. *Менеджер* и *бизнес* — это символы, ключевые слова, и от них нельзя требовать семантической однозначности.

«Язык имеет большое значение еще и потому, что с его помощью мы можем прятать наши мысли». (Вольтер)

Можно предположить, что приключения слова *менеджер*, которые ведут к возникновению казусов вроде *менеджер по клинингу*, — это свидетельство того, что данное слово обосновалось в русском языке надолго. Такой вывод, наверное, покажется странным, но для него есть основания. Прежде всего, если слово постоянно употребляют, значит, оно «понравилось». Любовь к слову недолговечна, а потому за всплеском неизбежно последует спад, который вряд ли когда-нибудь закончится новым всплеском всеобщего обожания. Тем не менее создается впечатление, что носители русского языка проводят своеобразные «испытания» нового слова на прочность, как будто пытаюсь выяснить, что с ним вообще можно делать. Лишнее, неверное, не прошедшее испытаний, рано или поздно отпадет, потому что станет видна его неэффективность. Но главное все равно останется.

Размышления по поводу

«Язык — это город, на построение которого каждый человек, живший на земле, принес свой камень». (Р. У. Эмерсон)

Любая эпоха в развитии языка отличается спецификой, но многое повторяется. Сейчас русский язык переживает очередной всплеск заимствований. Все эти брокеры и риелторы, хэнд-мэйды и мейк-апы, блоги и шоп-туры видны невооруженным глазом.

Первая позиция в отношении к приходящему извне формулируется емко: «Не пущать». Активные процессы заимствования в этом случае рассматриваются как очевидное зло, уничтожить Русский Язык, Русскую Культуру, Русскую Национальную Идею. Беда в том, что слово «культура» и выражение «национальная идея» по своему происхождению не являются русскими, и похоже, что «всех этих слов по-русски нет». Те, кто осуждает заимствования, вынуждены высказывать свое осуждение на языке, насыщенном иноязычными вкраплениями, совершенно не подозревая о том, что язык, на котором они думают о России, «не совсем русский».

В новом мире мы не можем обойтись языком русской классики: Пушкиным, Гоголем, Толстым, Достоевским и Чеховым. Культурное прошлое — это основа, опора, фундамент; но время не стоит на месте.

Это позиция глухой защиты, целью которой является отвергнуть все «навязываемое» извне. Недостаток этой позиции очевиден; наверное, именно это называют болезненной гордостью и уязвленным самолюбием.

Вторая позиция — это позиция пассивного принятия. В этом случае заимствования представляются чем-то естественным и даже желательным: в конечном счете, это обогащает наш язык, нашу культуру; главное, чтобы мы сумели это должным образом переварить (или, если угодно, упаковать). Ведь было такое уже не раз, и ничего, русский язык выжил, и даже сделал несколько шагов вперед, и не превратился в диалект греческого, немецкого, французского или какого-то другого языка.

Вторая позиция оправданнее первой. Она хотя бы предполагает открытость. И это благодаря ей в нашем лексиконе есть такие слова, как «культура» и «национальная идея».

Но она имеет определенные недостатки, и в какой-то момент начинаешь задумываться: а не является ли это пассивное принятие гибельным?

Нет, не является. Бесспорно, это позиция либеральная, ей свойственна демократичность, и она требует от людей

разумного — читай: осторожного, осознанного — отношения к тому, что приходит со стороны. Для нее характерно определенное любопытство: а как живут другие? и чему я могу научиться у них? Это позиция губки, которая все впитывает и не так много выпускает обратно. Убежденность в том, что «язык справится», внезапно демонстрирует обоснованность: у губки есть собственная структура, которая не меняется под воздействием того, что она впитывает.

БУДЕМ ВЗАИМНО ВЕЖЛИВЫМИ

*Р*ечевой этикет — это совокупность правил, благодаря которым наша речь соответствует «приличиям». В конечном счете, за речевым этикетом стоит такое важное с моральной точки зрения качество, как уважение. Не только к другим, но и к себе, ведь человек, который способен уважать других, неизбежно начинает уважать самого себя. Тема речевого этикета безгранична. А потому мы остановимся на некоторых вопросах, которые наиболее актуальны для современного состояния языка.

«Эй, как вас там?»

Одна из наиболее существенных и очевидных проблем русского речевого общения связана с обращениями. Чтобы привлечь внимание человека, установить и поддержать контакт с ним, мы не можем обойтись без этого важного языкового средства. Но русский речевой этикет в его современном виде совсем не однозначен с точки зрения средств, которые он нам предлагает. В конечном счете, он в этом не виноват, — как и язык в целом, этикет представляет собой результат языкового творчества. Так что не будет лишним посмотреть на эти результаты со стороны. Это мы «натворили», и нам, а не кому-то еще надо со всем этим что-то делать.

В дальнейшем изложении автор, конечно, не откажется от оценок и предположений. Но самое главное в такой ситуации — объективно описать, разграничить сферы, в которых функционируют русские обращения различных типов. Ведь эта простая операция сама по себе вносит ясность. И, наверное, способна дать ответы на вопросы. Пусть не на все, а только на некоторые.

Итак, приступим. Все обращения, которые в настоящий момент существуют в русском языке, можно разделить на четыре функциональные группы:

- 1) «Вы»-обращения;
- 2) «Ты»-обращения;
- 3) безличные обращения;
- 4) обращения по имени.

«Вы»-обращения

«Вы»-обращения используются в официальном общении. К ним можно отнести такие обращения, как *гражданин, господин, товарищ, сударь*. Эти обращения могут использоваться и в том случае, когда люди знакомы, постоянно взаимодействуют друг с другом, и в том случае, когда они встретились впервые.

Вокруг обращений *господин* и *товарищ* время от времени ведутся ожесточенные споры. У этих идеологических войн есть исторические причины. Обращения *господин/госпожа, сударь/сударыня* восходят к дореволюционной культуре, а обращения *товарищ* и *гражданин/гражданка* — к советской. Дореволюционная и советская модели соперничают друг с другом, точно так же как соперничают разные идеологии.

Примечание. С дореволюционных времен сохранились обращения вроде Ваше сиятельство, Ваше превосходительство, но никаких естественных оснований для того, чтобы они возродились, нет.

Но какие обращения *надо* использовать? Особенность русского речевого этикета современной эпохи заключается

в том, что однозначный ответ на этот вопрос дать трудно. Выбор обращения — это знаковый выбор, и часто он зависит от представлений и убеждений человека. Но если вам все-таки нужен однозначный ответ, то надо признать, что обращение *господин* является предпочтительным.

У обращения *товарищ* есть несомненные преимущества. Их очень емко сформулировал М. Кронгауз в книге «Русский язык на грани нервного срыва»: «Новая власть ввела новое обращение *товарищ* с претензией на устранение всех... противопоставлений. Именно *товарищ*... называет лицо независимо от его пола. Кроме того, *товарищ* может употребляться как в сочетании с фамилией (профессией или званием), так и без нее (*товарищ Иванова; товарищ майор; товарищ, подождите*). С идеологической точки зрения слово *товарищ* имело очевидные преимущества: его использование подразумевало равенство говорящего и адресата и, кроме того, для него была характерна сниженность статуса адресата по сравнению со старыми обращениями (возможное *товарищ проводник* при невозможном *господин проводник*)».

Тем не менее постепенное вытеснение этого обращения остается фактом. Советское *товарищ* идеологически окрашено и постепенно превращается в архаизм или обращение ограниченного употребления. А других достойных альтернатив этим обращениям нет. А разговорные «Ты»-обращения (*отец, мамаша, сестра* и т. д.), о которых мы скажем позже, принадлежат к низкому регистру, то есть характерны для просторечия. Они не могут удовлетворить потребностей официального общения.

Давайте присмотримся к обращению *господин/госпожа* и разберемся с его сильными и слабыми сторонами.

Достаточно широкая практика использования обращений *господин/госпожа* в ситуациях официального общения, в средствах массовой информации постепенно нейтрализует негативные оценки. А противники у этого обращения все равно останутся, ведь трудно представить

себе общество, полностью свободное как от сословно-классовых предрассудков, так и от более примитивного животного стремления доминировать.

Русское языковое сознание склонно воспринимать обращение *господин/госпожа* как универсальное, интернациональное. Ведь в переводах иностранных текстов на русский язык специфичные для другой культуры обращения (вроде *мистер/мисс/миссис*) могут передаваться как *господин/госпожа*. *Товарищ* в таком контексте выглядит абсурдно.

И все же проблемы остаются. Обращения *господин/госпожа* многими носителями языка воспринимались (а иногда воспринимаются) как оскорбительные, а обращения *сударь/сударыня* — как ироничные, шутливо-вежливые, как бы «заигрывающие». Стилистическая и смысловая окраска этих обращений никогда не станет одинаковой, ведь *господин/госпожа* — это скорее обращение к незнакомому человеку в официальной ситуации, когда дистанция между людьми значительна, в то время как *сударь/сударыня* — это обращение в рамках более тесных отношений, когда необходимость сохранять дистанцию все-таки сохраняется. *Сударь/сударыня* больше подходит для продолжительного, постоянного общения между людьми, которые хорошо знают друг друга, например, между коллегами. Либо для ситуаций, которые нельзя рассматривать как официальные (например, текущее общение в магазине, общественном транспорте).

К сожалению, обращение *господин/госпожа* не всегда уместно. *Госпожа вахтер*, возможно, обидится на нас, потому что считает свою работу вынужденной, унижительной. Или, хуже того, она возомнит себя божеством, которое вершит судьбу мира, как настоящая госпожа. Такое, кстати, может произойти с любым независимо от занимаемой должности...

Обращение *господин/госпожа* может быть оскорбительным и в другом смысле. Логика его противников проста: если одни господа, то другие — рабы. А это противоречит

идеалам свободы и равенства. Зачем называть кого-то господином, автоматически ставя себя в позицию раба?

Что можно возразить на это? Такая точка зрения однобока. Можно включить фантазию и представить себе, что социальные отношения будут связывать не господ и рабов, как полагают противники данного обращения, а господ и... господ. Согласитесь, что это меняет перспективу, позволяет иначе расставить акценты. В таком случае обращение *господин/госпожа* окажется выражением уважения к другому человеку, которое непременно подкреплено встречным уважением. Произнося слово *господин*, не нужно превращаться в раба! Нужно чувствовать себя господином — равным своему собеседнику и не менее достойным, чем собеседник. И в таком случае сами слова утрачивают свою сословно-классовую природу, трансформируясь в обычные вежливые выражения. И нет смысла вкладывать в них представление о социальном неравенстве. Об этом надо просто **забыть!** *Господин дворник, господин водитель* — это нормально! Впрочем, так же можно обращаться и со словом *товарищ*, избавляя его от идеологической нагрузки. Но это несравненно труднее.

«Истинная вежливость заключается в благожелательном отношении к людям».
(Ж.-Ж. Руссо)

«Ты»-обращения

Еще одна разновидность — это «Ты»-обращения, которые используются в неофициальном общении как знакомыми, так и незнакомыми людьми. Это обращения, которые, как указывает М. Кронгауз, восходят к старой деревенской культуре: *мать, отец, сынок, дочка, дедушка, бабушка, внучок, внучка, дядя, тетя, братец* или *браток*. В их основе лежат общинные ценности, а отношения между людьми осмысляются с опорой на слова — термины родства.

В этой опоре на систему родства — огромная сила. Ведь род, семья — это сообщество людей, которые связаны между собой кровно и эмоционально. А такие связи предполагают взаимное уважение, взаимную помощь, взаимную любовь. Здесь есть личность с ее интересами и целями, но есть и единство. Когда один человек обращается к другому и называет его братом, отцом, он как бы призывает его: «Относись ко мне, как к брату, сыну». Если помнить об этом, то нет сомнений, что мы всегда сумеем договориться.

Излишнее внимание к профессиональным деталям и ярким выражениям заставляет забыть о людях. А потому в речи некоторых врачей можно услышать: «За время дежурства в отделение поступили два аппендицита, прободная язва желудка и ущемленная грыжа». Не уподобляйтесь таким врачам, помните, что ваши слова могут обидеть.

Обратите внимание, что эти обращения допускают, но не требуют использования местоимения «ты». Вполне допустимы варианты «Вы, тетя Вера...» и «Ты, тетя Вера...» даже в общении между людьми, не равными по возрасту.

Как и «Вы»-обращения, «Ты»-обращения могут использоваться в длительных, устойчивых отношениях. Их нетрудно представить, например, в диалоге, который ведут на протяжении получаса хорошо знакомые друг с другом люди.

«Ты»-обращения находятся за пределами литературного языка, и они не имеют отношения к этикету в узком смысле этого слова. И, конечно, эти формы никогда не станут литературными. Но им присуща определенная «теплота». Выбирая одну из них, человек заметно сокращает дистанцию с собеседником и выражает свое намерение вступить в близкий, эмоционально окрашенный контакт. Данные обращения — важная часть русской речевой культуры (в ее низовых компонентах). Или, если можно так выразиться, «русского просторечного этикета».

Безличные обращения

В русском языке имеются обращения, которые можно назвать безличными. Это обращения вроде *женщина*, *мужчина*, *девочка*, *молодой человек* и подобные им, в том числе грубые фамильярные *мужик*, *парень*, *пацан*. С одной стороны, им не присуща «теплота», характерная для обращений, восходящих к старой деревенской культуре. И это понятно, поскольку в таких обращениях в качестве точки отсчета берутся не родственные отношения, которые сами по себе предполагают эмоциональную привязанность, а безличные, ни к чему не обязывающие половозрастные характеристики. Назвать кого-то *мужчиной* или *женщиной* — значит просто идентифицировать человека, выделить его из массы на основании обобщенного признака, несколько не приблизившись к восприятию его как уникального существа (как, например, в случае с обращением по имени). Если угодно, такие обращения ни к чему не обязывают.

С другой стороны, безличные обращения крайне далеки от официальных отношений, в которых более уместными являются формы *господин*, *товарищ*, *гражданин*. Дело в том, что они исключают использование вместе с именем собственным (*мужчина — господин/товарищ/гражданин Иванов*). А этот момент изначально предполагает ограниченность контакта во времени. Такое взаимодействие вряд ли способно стать длительным (мимолетный обмен репликами в транспорте, магазине, на улице).

В других ситуациях эти обращения выполняют вспомогательную функцию, и говорящий использует их для того, чтобы как можно скорее от них «избавиться». Так, в момент знакомства человек может сказать: «Девушка, как вас зовут?», — однако, если имя все-таки будет ему доверено, он тут же откажется от использования обращения *девушка*. Безличное обращение выполнило свою функцию, и в нем больше нет необходимости.

У таких безличных обращений есть один недостаток: многим людям не нравится, когда к ним так обращаются.

Поэтому безличные обращения можно использовать только в крайних случаях, когда любые другие варианты неуместны, недопустимы, неприменимы.

В заключение заметим: безличные обращения в некоторой степени пересекаются с «Ты»-обращениями при характеристике определенных лиц, ср. *бабушка, дедушка*. Но, несмотря на внешнее сходство, разница между ними все-таки есть, и она заключается в наличии или отсутствии отсылок к родственным отношениям.

Обращения по имени

Особо следует отметить обращение по имени. О специфике этих обращений мы вскользь упоминали выше: вряд ли можно представить себе языковое средство, которое позволяло бы выделить человека как уникальную, неповторимую личность. Верно сказано, что имя — это человек.

Но обращение по имени — это еще и средство выражения нашего отношения к человеку. По крайней мере, в русском языке. Анна Вежбицкая, известная исследовательница отражения культурных различий в языках, сопоставила словообразовательные возможности русского, польского и английского языков в сфере личных имен² и пришла к выводу, что русский язык (как и польский, но в отличие от английского) обладает очень богатым спектром словообразовательных средств, при помощи которых мы можем «модифицировать» имя. В самом деле, от одного и того же имени (например, *Михаил*) мы можем образовать множество форм, которые различаются тонкими оттенками значения: *Миша, Мишка, Мишенька, Мишутка, Михайло* и т. д. В английском языке, напротив, имеется всего три формы личных имен: полная (Thomas), краткая (Tom) и уменьшительная (Tommy). Если спроецировать эти особенности языков на сферу культуры, то сам собой напрашивается вывод о том, что «в культуре, представленной английским языком, проявление эмоций в личных от-

² Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996.

ношениях не поощряется, а в культурах, представленных русским или польским языком, наоборот, поощряется открытое проявление сильных эмоций».

Конечно, стоит вспомнить, что к человеку мы можем обратиться не только по имени (*Иван, Ваня*), но и по имени и отчеству (*Иван Иванович*) или даже просто по отчеству (*Иваныч*).

Некоторые исследователи полагают, что в русском речевом этикете обращение по имени является предпочтительным. У этого есть свои основания. Обращение по имени — это самый простой вариант. В других случаях возникают непримиримые противоречия между господами, товарищами и отцами-братьями — выбрать правильный, уместный вариант совсем непросто! Выбор обращения оказывается надежным лишь тогда, когда мы можем быть уверены в том, что идеологические предпочтения адресата нам известны (или известно о его идеологическом безразличии).

«Как в жизни, так и в речи нет ничего труднее, как видеть, что уместно». (Марк Туллий Цицерон)

Обращение по имени или имени и отчеству способно прийти на выручку. С одной стороны, это проявление уважения: как утверждают психологи, для любого человека нет звука приятнее, чем его имя. С другой стороны, обидеть таким образом человека нельзя, ведь он не *господин Товарищ* (или *товарищ Господин*), а Сергей или глубокоуважаемая Анна Петровна... Обращение по имени удобно, однозначно и, что самое главное, «экологично», ибо избавляет нас от нежелательных последствий.

Беда лишь в том, что мы далеко не всегда знаем имена людей, с которыми нам приходится общаться. В таких случаях без обращений, перечисленных выше, вряд ли удастся обойтись.

Здесь же следует упомянуть обращение *уважаемый/уважаемая*. В типичном случае эпитет *уважаемый/уважаемая* сопровождает имя: *Уважаемый Дмитрий Николаевич! Уважаемая Ирина!* Но в условиях, когда адресант и адресат не знакомы, обращение *уважаемый* уместно в качестве самостоятельного обращения.

«Заместители» обращений

Обращение по имени примыкает к конструкциям, которые правомерно рассматривать как «заместители» обращения. В нашем распоряжении есть фразы *Извините, Простите, Будьте любезны, Будьте добры, Скажите, пожалуйста...*, которые мы можем использовать, обращаясь к человеку с вопросом или просьбой, при этом не зная его имени.

Избегайте использования слов, которые могут быть не понятны вашему собеседнику. Говорите с людьми на их языке. Это проявление уважения.

Примечание. Кстати заметим, что форма «Извиняюсь!» является просторечной, а потому воспринимается скорее как невежливая, не соответствующая стандартам уважительного общения.

Такие обращения, конечно, не должны использоваться повсеместно. Но о них стоит помнить. Они приходят нам на выручку тогда, когда мы не уверены в том, что можно использовать какой-то другой вариант.

И все-таки, как вас там?

Все, что было сказано выше, не стоит воспринимать как однозначное указание к действию. В современном русском языке имеется множество спорных, неоднозначных моментов, которые не позволяют говорить о наличии устойчивой системы обращений. И гораздо разумнее помнить об этой неопределенности, учитывать ее в своей речи — вместо того, чтобы пытаться решить этот вопрос при помощи

насилия и однозначных директив. Использование разных средств способствует их «обкатке». Это именно тот случай, когда правильные формы взаимодействия вырабатываются путем проб и ошибок, то есть самой обыкновенной практики.

Как следует из сказанного выше, все обращения, которые известны современному русскому этикету (в широком понимании этого слова), имеют свои изъяны. Но на то, что естественно назвать изъяном, можно посмотреть с другой точки зрения и превратить изъян в обыкновенную ограниченность. Другими словами, в русском языке нет (и, наверное, не может быть) универсального обращения, применимого в любых условиях. Даже максимально широкое советское обращение *товарищ* в некоторых ситуациях становится комичным. «Товарищ жена, товарищ сын» — такое уместно разве что в рассказах Андрея Платонова, который немало сделал для того, чтобы показать искусственность и вымученность советского языка. И опыт других языков показывает, что вряд ли возможна такая система обращений, которая была бы устроена однозначно и одновременно просто.

«Грамотность — это вежливость автора по отношению к читателю». (Стас Янковский)

«Вы» многоликое

Вряд ли стоит напоминать о том, что местоимение *вы* в русском языке служит не только для того, чтобы обозначать нескольких лиц, но и для уважительного обращения к одному человеку. Это правило мы усваиваем еще в детстве. Однако достаточно часто на этом наши познания о местоимении *вы* заканчиваются. А зря. Ошибки в написа-

нии этого местоимения со строчной или прописной буквы совсем не к лицу образованному человеку.

Когда мы перешли «на вы»

Но для начала — немного истории. Местоимение *вы* при обращении к одному человеку в русском языке использовалось достаточно давно. Правда, очень нерегулярно. Норма и общепринятая практика были скорее противоположными. Например, в «Слове о полку Игореве» мы находим такую фразу: «поиди княже съ нами въ Древлѣны на дань: и ты добудеши и мы». А опричник Василий Грязной писал самому царю Ивану Грозному: «Не твоя б государская милость, и яз бы што за человек? Ты, государь, аки бог — и мала и велика чинишь». Наглость по современным меркам немислимая! Тем не менее это было в порядке вещей, потому что местоимение *ты* использовалось для обозначения одного лица, к которому адресованы слова. Просто и без «реверансов». Как писал Н. Г. Чернышевский, «наш мужик называет одинаково *ты* и своего брата, и барина, и царя».

Первые примеры употребления местоимения *вы* по отношению к одному лицу относятся, видимо, к XVI веку. Тогда эту форму начали использовать под влиянием польского этикета. Общеупотребительной она не стала, но первый камень, как принято выражаться, был заложен.

Систематически начали писать и говорить *вы* в обращении к другому человеку начиная с Петровской эпохи, когда русский язык испытал очень сильное влияние немецкого языка. (Вот еще один контрольный вопрос ярому противнику заимствований: готовы ли вы отказаться от того, чтобы к вам — заметьте, «к вам», а не «к тебе» — перестали обращаться на «вы»?) Именно тогда такое употребление стало всеобщим и систематичным.

Надо признать, что Петр I приложил немало усилий к тому, чтобы эта норма вошла в жизнь. И действовал даже жестко. Например, обращение на *вы* к начальнику было обязательным, за несоблюдение этого правила человек

мог поплатиться трехмесячным жалованием. Более того, подобное наказание мог понести и тот, кто посмел «выкаты» нижестоящему. Холоп, он и есть холоп — как с ним можно на *вы*?

Но постепенно употребление местоимения «Вы» в качестве прямого обращения к человеку стало привычным. Причем настолько, что мы в какой-то момент чуть не лишились привычного местоимения «ты». Нечто подобное чуть не произошло после Октябрьской революции, когда в Приказе №1 Петроградского совета от 1 марта 1917 года появилось: «Обращение на *ты* отменяется совершенно».

Вы и вы

Теперь несколько слов о различии между *Вы* и *вы*.

Нормативно *Вы* с прописной буквы является выражением особого уважения только в том случае, если текст адресован одному человеку. Такое употребление характерно для писем. Естественно, оно допустимо и в официальных (в том числе публицистических) текстах, но при соблюдении того же условия: текст должен быть адресован одному человеку.

Мы вполне можем представить себе открытое письмо, которое адресовано государственному, политическому или общественному деятелю. В таком письме употребление *Вы* совершенно естественно. Конечно, открытое письмо будет прочитано достаточно большой аудиторией. Но *Вы* в таком контексте подчеркивает, кому именно обращены слова автора (или авторов).

Использование *Вы* в текстах, адресованных большому количеству людей, является нарушением нормы. А такое употребление достаточно распространено. Например, его можно встретить в рекламных материалах и на некоторых Интернет-сайтах. Мотивы, которые движут авторами, ясны: выбирая написание *Вы*, они стремятся повысить персональность обращения, а возможно, даже создать эффект личного обращения. Но такой выбор не является удачным и воспринимается как лицемерие. Для грамотного читателя уловка очевидна, и это способно оттолкнуть.

И в заключение. Местоимение *вы*, используемое в обращении к одному лицу в качестве подлежащего, имеет специфическое согласование со сказуемым. Глагольные формы принимают форму множественного числа независимо от времени: *Вы придете? В прошлый раз вы не пришли...* Существительное в этом случае, естественно, используется в единственном числе: *Вы обманщик*. Что касается прилагательных, то в полной форме они употребляются в единственном числе (и мужском или женском роде — в зависимости от пола лица): *Вы хитрый/хитрая*. А вот краткие прилагательные, наоборот, требуют формы множественного числа: *Вы хитры*. Фразы *Вы хитер* и *Вы хитра* никуда не годятся.

«Никогда не следует говорить: "Вы меня не поняли". Лучше сказать: "Я плохо выразил свою мысль"». (М. Робер)

Политкорректность

Время от времени каждому из нас приходится слышать о политкорректности. Это слово, по всей видимости, уже стало частью русского языка, поскольку фиксируется в некоторых словарях. И многим из нас известно, что появилось это слово в Америке, где движение за политкорректность давно наложило отпечаток на жизнь общества. Но тем не менее, употребляя это название, мы вряд ли представляем себе, каких демонов вызываем на собственную голову.

Случай с понятием политкорректности особенно интересен, ведь за словом *политкорректность* стоит особая, очень развитая языковая практика. Другими словами, это еще один пример того, как заимствование связано — или может быть связано — с социальной и культурной жизнью.

Политкорректность — это гораздо больше, чем отказ от откровенно оскорбительных характеристик вроде *чурка* или *черномазый*. За политкорректностью стоит стремление искоренить из языка любые проявления унижения и пренебрежения по социальному, расовому или половому признаку, в том числе и те, которые закрепились в языке, «вросли» в него. И внимание к этой сфере языковой системы внезапно вскрыло тот факт, что проявлений подобного притеснения в языке крайне много.

Полагаете, что такого не может быть? Может, еще как может! Предлагаю небольшой экскурс в английский политкорректный язык.

Политкорректность по-американски

Нежелание оскорблять, унижать, словесно притеснять людей на основании присущих им социально значимых качеств привело к тому, что многие выражения были вытеснены из английского языка и заменены другими, более мягкими и уважительными.

Например, наркоманы перестали быть наркоманами, то есть больными людьми, и стали *substance abuser*, «лицами, злоупотребляющими веществами»; полные или, проще, толстые люди — *differently sized* (людьми другого размера); лысые — *hair-disadvantaged* (людьми, находящимися в невыгодном положении в отношении волос); неграмотные (*illiterate*) — *print challenged* (людьми, испытывающими трудности при чтении). Почему-то считается, что стариков нельзя называть стариками, а потому появилось выражение *senior citizens*, то есть «старшие граждане». Примеры можно множить чуть ли не до бесконечности, и не все из них кажутся такими уж обоснованными и жизненно необходимыми.

Особую роль играют замены слов, в которых выражена идея принадлежности к полу: *chairman* — *chairperson* (председатель), *postman* — *mail carrier* (почтальон), *headmistress* — *headteacher* (директриса), *stewardess* — *flight attendant*, *policeman* — *police officer*. Как видно из приведенных примеров, часть сложных слов *-man* типично заменяется словом *-person*.

Ненависть к слову *man* может привести к тому, что соответствующая часть географического названия *Manhattan* будет объявлена неpolitкорректной, хотя на самом деле это название имеет своим источником один из языков американских индейцев. Это, конечно, шутка, и исходит она от противников «чистки» языка. Точно так же шуткой является и предложение заменить слово *mailman* («почтальон», буквально «человек почты») вариантом *personperson*. Ведь слово *mail* произносится также, как *male*, «мужской»...

Некоторые противники чрезмерной политкорректности справедливо отмечают, что такое языковое поведение представляет собой всего лишь попытку приукрасить действительность. Искореняя слова, которые указывают на объективные трудности и проблемы и в силу этого могут оскорбить, мы не решаем самих проблем. Более того, нам начинает казаться, что раз человек является не сумасшедшим или слепым, а *иначе одаренным*, то и проблемы как таковой не существует. В итоге мы, конечно, обретаем возможность относиться спокойнее и терпимее к безумцам и не тратить попусту нервы по этому поводу. Но в то же время мы совершенно забываем, что люди сходят с ума в том числе под давлением внешних обстоятельств. А следовательно, мы утрачиваем возможность воздействовать на социальную среду, которая приводит к таким последствиям.

А у нас?

По большому счету, в России политкорректность распространилась только на отдельные сферы общественной жизни. Во-первых, это межнациональные отношения, о чем мы подробнее скажем чуть ниже. Во-вторых, это отношение к определенным группам населения, прежде всего к инвалидам.

Политкорректности русский язык обязан, например, выражением *люди с ограниченными возможностями*, которое все чаще применяется вместо слова *инвалид*. Выражение это, надо признать, не совсем удачно, ведь оно

акцентирует негативные моменты — а как еще понимать *ограниченные возможности*? И оно явно уступает английскому страдательному причастию *challenged*, которое указывает на человека, находящегося в *исключительных* обстоятельствах.

Особо следует сказать о русской политкорректности в области межнациональных отношений. Необходимость взаиморезуважения в этой сфере не вызывает никаких сомнений. Гораздо лучше жить в мире (пусть плохом), чем во вражде. Но то, что мы считаем политкорректным в этом плане, на поверку таковым не оказывается.

Почему-то считается, что выражение *лица кавказской национальности* является политкорректным. Здесь все вроде бы налицо: и размытость характеристики, и стремление перефразировать привычные наименования... Но сразу же возникает вопрос: а почему мы считаем названия национальностей *чеченец, грузин, армянин, дагестанец* неприличными? Это самые обычные, самые нейтральные наименования, и вряд ли можно сомневаться в том, что армянин будет оскорблен тем, что кто-то назовет его армянином.

Кроме того, обобщенное определение представителей самых разных национальностей вряд ли можно рассматривать как уважение к их представителям. Оно «сваливает в одну кучу» самых разных людей, которые различаются и по языку, на котором они говорят, и по культурным традициям, и по вероисповеданию. Правомерно ли это? И где же здесь пресловутая политкорректность?

Некоторые специалисты высказывают справедливую мысль, что за выражением *лица кавказской национальности* скрывается обыкновенный страх. Военные действия на Кавказе, «дикий капитализм», в котором те самые «лица кавказской национальности» приняли не менее деятельное участие, чем некоторые русские, террористические акты — все это, конечно, не может не вызвать к жизни не совсем приятные (и даже пугающие) ассоциации. Следовательно, если выражение *лица кавказской национальности*

что-то смягчает, то явно не дискредитацию и унижение по национальному признаку. Оно смягчает, маскирует наши собственные страхи, и мы просто не хотим называть вещи своими именами. Ведь может к тому же оказаться, что в некоторых наших бедах виноваты не гордые горцы, а мы сами...

Есть и еще одно «но». Выражение *лица кавказской национальности* построено по той же модели, что и выражение *лица еврейской национальности*. А как указывает М. Кронгауз, последнее выражение появилось еще в советский период нашей истории, приблизительно в 70-х годах прошлого века, и причиной этого стал тот элементарный факт, что прямое название национальности — *еврей* — воспринималось... как не совсем приличное. Да-да, именно так, и потому чиновники, журналисты, да и простые люди старались его не использовать.

На Україні

Не менее сложную и занятую головоломку предложила нам независимость Украины: вдруг выяснилось, что можно говорить не только *на Украине, на Украину, с Украины*, но и *в Украине, в Украину, из Украины*.

Различие между предлогами *в* и *на* вроде бы очевидно: в основном значении предлог *в* обозначает нахождение внутри (*в столе, в книге*), а предлог *на* — нахождение на поверхности (*на столе, на книге*). Но когда мы употребляем эти предлоги с географическими наименованиями, картина оказывается куда более пестрой и неупорядоченной.

Для русского уха более привычной являются формы *на Украине, на Украину, с Украины*. Эти формы закреплены сложившейся традицией. Хотя, по некоторым оценкам, в XIX веке нормативной была форма *в Украину*, в XX веке вариант *на Украину* стал общепринятым.

Стоит помнить о том, что формы *на Украине* и *в Украине* несут скрытую, с первого взгляда неочевидную идеологическую нагрузку. Название *Украина* образовано от корня *-край-*, а его внутренняя форма может истолковываться как

«находящаяся с краю, на обочине» (ср. *на окраине*). И считается, что форма *на Украине* подчеркивает периферийное (и даже подчиненное) положение этого государства.

Но переоценивать этот факт не стоит. Когда современный человек произносит название *Украина*, он вряд ли думает о том, что речь идет о каких-то «окраинных землях». Он имеет в виду государство, его территорию. Отличительной чертой

внутренней формы слова как раз и является то, что в обычном общении она неочевидна. В качестве примера можно привести слово *чернила*, которое образовано от корня *-черн-*. Современный человек вряд ли думает о чернилах как о чем-

Объявление на пляже: «В связи с объявлением украинского языка государственным крики о помощи на других языках рассматриваться не будут».

то черном, ведь то, что мы называем чернилами, может быть любого цвета (ср. *красные, синие, зеленые чернила*).

По большому счету, шумиха вокруг вариантов *на Украину / в Украину* в гораздо более значительной степени способствовала тому, что «унизительная» внутренняя форма названия государства вновь стала очевидной для большого количества людей.

Тем не менее в 1993 году правительство Украины выпустило указ, в соответствии с которым формы *в Украину* и *из Украины* следует считать нормативными, причем единственно правильными. Форма *в Украине* подчеркивает тот факт, что Украина — это самостоятельное государство. После выхода этого указа государственный документ может быть признан недействительным только потому, что в нем употреблены выражения *на Украину* или *с Украины*.

Однако это решение касается украинского языка — государственного языка независимой страны. Да и может ли правительство одного государства навязывать гражданам другого государства, как им следует говорить? Граждане Украины вправе распоряжаться своим языком так, как считают необходимым. Это их внутреннее дело, и мы вряд ли

вправе возмущаться по поводу их решений. Но принимать правила другого языка и переносить их в свой собственный язык носителю русского языка, мягко выражаясь, совсем не обязательно.

А что говорят нам правила языка? В употреблении предлогов *в* и *на* в русском языке обнаруживается непоследовательность. В некоторых случаях (например, с названиями полуостровов) возможно использование обоих предлогов: *в Крыму — на Таймыре, на Камчатке*. Трудно разобраться даже с тем, как эти предлоги употребляются с существительными, ведь в одних случаях мы говорим *в школе, в институте, в аптеке, в отделе*, а в других — *на заводе, на почте, на курорте, на складе*.

Считается, что предлог *в* употребляется в том случае, когда речь идет о территории с четко очерченными границами, то есть о государстве, а предлог *на* — когда речь идет о менее определенных, менее четко очерченных пространствах, ср. *в России — на Руси, в Смоленской области — на Смоленщине; на Дону, на Волге, на Кавказе*. В силу этого употребление *на Украине* можно оправдать исторически. В Энциклопедии Брокгауза и Эфрона находим следующее замечание по поводу происхождения этого названия:

«...так назывались юго-восточные русские земли Речи Посполитой. Это название никогда не было официальным; оно употреблялось только в частном обиходе и сделалось обычным в народной поэзии. Границы земель, которые были известны под именем «украинных», трудно определить, тем более что название это не было устойчивым и в разное время обнимало собою неодинаковое пространство».

Самым сильным аргументом в споре о том, какую форму употреблять, является традиционность, привычность. А этот критерий вынуждает склониться в пользу варианта *на Украине*. Бороться с языковыми привычками при помощи указов

и предписаний из нормативных словарей — дело неблагодарное и бессмысленное. Языковое сознание сопротивляется революциям.

Таким образом, в целом для русского языка является правильным употребление *на Украине*. Однако в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть, что речь идет о самостоятельном государстве, более подходящим оказывается употребление *в Украине*. Это употребление обязательно для документов, где название любого государства употребляется с предлогом *в*. А потому официальное название нашего посольства — «Посольство Российской Федерации в Украине» — совершенно соответствует этим требованиям. Более того, такая мелочь, как выбор предлога, в этом случае вполне выражает наше уважение к самостоятельности, независимости ближайшего соседа.

А как же самоуважение?

Проблемы с новыми словами естественны. Впрочем, совсем недавно для россиян стали неожиданно новыми географические названия — названия некоторых государств из числа бывших союзных республик и их столиц.

Все началось с Таллина. В конце 1992 года эстонский парламент принял решение, в соответствии с которым название столицы Эстонии по-русски следует писать с двумя «н» на конце, то есть *Таллинн*. (Заметим, что текстовый редактор подчеркивает традиционный вариант с одной «н» как неверный. И это, как будет видно дальше, принципиально ошибочно.) Затем привычная нам Алма-Ата вдруг превратилась в Алматы, Ашхабад — в Ашгабат, Белоруссия — в Беларусь, а Киргизия вообще сменила пол и стала Кыргызстаном.

На волне перемен большинство наших сограждан восприняло это как должное. Но сомнение, постепенно переходящее в легкое возмущение, все же было. Во-первых, Россия не требовала, например, того, чтобы во всех языках название ее столицы писалось как *Moskva* или *Moskwa*, и спокойно относилась ко всем этим *Moscow*, *Moscou* и *Moskau*. В самом деле, что с того? Пусть европейские народы называют российскую столицу, как им удобно, —

главное, чтобы помнили. С другой стороны, вроде бы и нам никто претензий никогда не предъявлял по поводу того, что родину финнов мы называем Финляндией, а не Суоми, а в конец имени французской столицы вообще вставили какое-то немыслимое «ж»... Уважать других — это хорошо, но и об уважении к себе тоже нельзя забывать! Некоторые журналисты стали намеренно отказываться от нововведений. Первыми среди них оказались сотрудники компании НТВ, которые вернулись к более привычному написанию названия эстонской столицы — *Таллин*.

В 1995 году было издано специальное постановление правительства Российской Федерации, которое ставило точку в этом вопросе. Основную часть этого постановления составляет список, в котором перечисляются полные и краткие наименования новых государств, а также названия их столиц.

Название государства, полная форма	Название государства, краткая форма	Название столиц
Азербайджанская Республика	Азербайджан	Баку
Республика Армения	Армения	Ереван
Республика Белоруссия	Белоруссия	Минск
Республика Грузия	Грузия	Тбилиси
Республика Казахстан	Казахстан	Алма-Ата
Киргизская Республика	Киргизия	Бишкек
Латвийская Республика	Латвия	Рига
Литовская Республика	Литва	Вильнюс
Республика Молдова	Молдавия	Кишинев
Республика Таджикистан	Таджикистан	Душанбе
Туркменистан	Туркмения	Ашхабад
Республика Узбекистан	Узбекистан	Ташкент
Украина	Украина	Киев
Эстонская Республика	Эстония	Таллин

Орфографический или орфоэпический словарь, возможно, для вас не авторитет. Тогда прислушайтесь к постановлению правительства.

Краткие итоги

Действенность любого эвфемистического (то есть смягчающего, маскирующего) выражения сохраняется недолго. Возьмем, к примеру, русское слово *бомж*, которое появилось

в 90-е годы прошлого века. Оно полностью соответствует идеалам политкорректности: лицо *Без Определенного Места Жительства* — это гораздо лучше, уважительней, чем *бродяга*. Тем не менее в наши дни слова *бомж* и *бродяга* в своих смысловых и стилистических оттенках почти уравнились, и мы вряд ли вправе утверждать, что слово *бомж* как-то по-особенному политкорректно. Именно поэтому любые попытки реформировать язык ведут лишь к временному и очень нестойкому успеху. Язык не терпит силового вмешательства и рано или поздно все равно настоит на своем.

Тем не менее слово «политкорректность» вместе с соответствующими представлениями прижилось в русском языке — это скорее радует и совсем не огорчает. Ведь это значит, что для многих людей элементарно терпимое и уважительное отношение к «другим» остается несомненной ценностью. И само заимствование слова лишний раз напомнило нам, что не стоит заходить слишком далеко в своей ненависти, в идеях безусловного превосходства одних групп людей над другими.

А то, что мы не следуем за Америкой до конца, не огорчает совсем, так как нет смысла в том, чтобы повторять чужие ошибки.

Нельзя ли без сальностей?

Поле брани

Фонд «Общественное мнение» провел социологическое исследование, во время которого респондентам было задано три вопроса о нецензурной лексике и ее использовании. Вот какие ответы были получены:

«Используют ли ваши знакомые в своей речи нецензурные выражения?» — «Да» ответили 67%.

«Согласны ли вы с тем, что ненормативную лексику нельзя использовать ни при каких обстоятельствах?» — «Да» ответили 67%.

«Приходилось ли вам слышать, как известные люди употребляют нецензурные выражения (в выступлениях на радио, телевидении)?» — «Да» ответили 64%.

Как видно из этих результатов, статус нецензурной лексики достаточно противоречив. С одной стороны, две трети опрошенных убеждены, что ее нельзя использовать ни при каких обстоятельствах. С другой стороны, две трети опрошенных утверждают, что слышат ее из уст знакомых и даже известных людей в программах на радио и телевидении. В общем, если запрет на употребление нецензурной лексики существует, то ему мало кто следует.

На самом деле **нецензурная лексика не может не появляться в речи**. Слова существуют для того, чтобы их произносили, а не для того, чтобы «умалчивали». Вопрос, следовательно, заключается в том, может ли человек позволить себе нецензурно выражаться. Это вопрос этический, и каждый вправе решать его так, как считает нужным.

Но есть и другой, гораздо более важный момент. Личное отношение человека к неприличным словам, которые он произносит или пишет, не значит почти ничего по сравнению с отношением людей, которые их слышат или читают. В конечном счете, каждый из нас должен думать об окружающих.

Мат в художественной литературе? Такая возможность чисто теоретически существует, а потому она не может не воплотиться в конкретных произведениях. И в некоторых (скорее всего, не всех) случаях нецензурная лексика действительно работает на решение художественных задач,

Институт, лекция. Тихая речь пожилого преподавателя заглушается звуками с улицы: под окнами разгружают грузовик. Лектор по ходу рассказа делает замечание: «Это обязательно запишите». И тут грузчик роняет на ногу коллеге трубу... Раздается громкий отборный русский мат на всю округу. Лектор, ничуть не смутившись: «Это тоже обязательно запишите. В жизни пригодится».

на характеристику героев, на выражение особого мировосприятия. В этом смысле она представляет собой часть структуры, художественной ткани произведения. Существует, например, похабная литература, восходящая к творчеству Баркова, а если копнуть глубже — к русским заветным сказкам, собранным еще в XIX веке А.Н. Афанасьевым. Само содержание таких текстов делает необходимым использование «крепких слов». Кому-то это не нравится? Это его право. Посещать общественные туалеты нас тоже никто не принуждает.

В русском языке есть буква Х, которая в наши дни называется «ха», а до реформы орфографии 1918 года носила название «херь». Наверное, вы догадаетесь, почему название этой буквы сейчас употребляется для замены известного нецензурного слова.

В последние десятилетия этот по сути безобидный эвфемизм стал считаться неприличным, что естественно, поскольку эвфемизмы всегда рано или поздно «выветриваются», утрачивают свою силу. То же случилось и с другими словами, производными от названия буквы Х, например, с глаголом *похерить*. Но изначально этот глагол не означал ничего плохого: если вы встретите слово *похерить* в произведении классика, имейте в виду, что, скорее всего, оно значит просто «перечеркнуть крестом».

А вот, например, в произведениях Юза Алешковского нецензурная лексика в сочетании с просторечием и жаргонами полноценно и мощно «работает» на создание образа рассказчика, от лица которого ведется повествование. Это настоящий человек из низов — без прикрас, такой, какой он есть. Разве он не достоин того, чтобы его запечатали? Русская литература всегда отличалась особым интересом к «маленькому человеку».

Конечно, нельзя забывать об этике. И этический вопрос заключается не только в том, что художественный текст — это текст, который кто-то будет читать. По-настоящему этической

проблемой является то, что художественный текст общедоступен. А это означает, что он может попасть в руки любому человеку. И со стороны издателя было бы разумно каким-то образом давать потенциальному покупателю книги знать о том, какова у этой книги «начинка». К сожалению, это не делается.

«Брань — оружие низменных». (Э.С. Гудрич)

В практике составления словарей этот вопрос решен почти однозначно. Общие словари русского языка *не должны* содержать нецензурной или грубой бранной лексики, потому что ими пользуются разные люди. Такой словарь нацелен на широкую аудиторию, а потому предсказать реакцию каждого читателя невозможно. Кого-то из читателей наличие в словаре нецензурной брани порадует или оставит равнодушным. Но кого-то оно может оскорбить.

Другое дело — специальные словари, которые нацелены на узкую аудиторию, состоящую из специалистов и простых

любителей «крепкого словца».

В этом случае характер словаря очевиден из его названия, и тот, кто не желает иметь дело с такими изданиями, книгу в руки не возьмет. Отказаться от таких словарей, в общем-то, невозможно. Ведь наука объективна, она должна фиксировать все

Режиссер — автору:
— Пьесу вашу прочитал, но ставить ее не буду. Я, знаете ли, против мата в театре.
— Но в тексте нет мата!
— В тексте нет. А в зале будет.

языковые явления, не давая им субъективной оценки. И пласт нецензурной лексики в силу этого она не может обойти. Нравится это кому-то или нет, но мат — это часть культуры, а точнее, важная составляющая низовой культуры. И о значимости нецензурной лексики для русской культуры говорит обилие ее названий: ненормативные выражения, нецензурные выражения, обсценная лексика, мат, матерные выражения, непе-

чатные выражения, неприличные, непристойные выражения, скверные слова, похабные слова, «крепкое словцо», заборные слова, площадные слова, мужская лексика...

Наконец, такие словари нужны лингвистам, которые, например, привлекаются в качестве экспертов по уголовным делам об оскорблениях. Словарь в данном случае является очень существенным подспорьем, поскольку позволяет дать всесторонние, не голословные разъяснения суду по поводу тех или иных выражений.

Это правило — не добавлять в общие словари неприличных выражений — в отечественной лексикографии нарушалось лишь изредка, в основном в периоды социальной неста-

бильности. Читатель наверняка догадался, когда именно это происходило. Естественно, во времена перестройки, когда последние ограничения окончательно пали и в некоторых популярных словарях (например, в классическом словаре

С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) стали появляться отдельные слова, которые там же в советское время увидеть было невозможно.

Кроме того, нечто подобное произошло в начале XX века, когда знаменитый словарь В.И. Даля вышел в новой редакции. Русский лингвист И.А. Бодуэн де Куртене, который осуществлял переработку, мотивировал это решение стремлением к объективной фиксации «живого языка». Читатели в массе не приняли этой переработки. К тому же такое решение явно противоречило замыслу В.И. Даля, который, по собственному его признанию, при составлении словаря руководствовался «вкусом и любовью к чистоте языка». Поэтому в настоящее время мы пользуемся вторым, а не третьим, бодуэновским, изданием классического словаря.

Таким образом, **абсолютного запрета на нецензурную лексику не существует и существовать не может. Но ее**

Учительница русского языка, когда первый раз прыгала с парашютом, была потрясена, удивлена, крайне обескуражена, но вслух кричала по-другому.

использование в высшей степени зависит от принципа уместности. Ограничения, вытекающие из этого принципа, носят не абсолютный, но очень жесткий характер. Ведь не случайно даже закон берет на себя задачу исключения *публичного* употребления нецензурной лексики в общественных местах (ст. 20.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ) и наказания за оскорбления в неприличной форме (ст. 130 Уголовного кодекса РФ).

«Я нечаянно!»

Неприятно, когда в наших словах неожиданно возникает неуместный сексуальный или физиологический подтекст. Автор вроде бы не имеет в виду «ничего такого», но то ли из-за небрежности, то ли в силу незнания подбирает такие слова для выражения своей приличной и понятной мысли, что у окружающих «волосы дыбом становятся».

«Друзья ошибки заметят и простят, враги оценят и используют». (Ержан Орымбетов)

Приведем несколько примеров из школьных сочинений.

Суворов был настоящим мужчиной и спал с простыми солдатами. Нечаянный физиологизм... В просторечии и разговорной речи глагол *спать*, за которым следует существительное с предлогом *с*, является эфемистическим обозначением сексуальных отношений. Понятно, что автор имел в виду совершенно другое, он хотел подчеркнуть спартанский образ жизни великого полководца, рассказать о его отказе от удобств и комфорта, о его близости к солдатам — обо всем том, что восхищает в его личности. Но выразился неудачно, и испорченный читатель увидел подоплеку, которой на самом деле нет. Чтобы избежать этого, во фразе стоит до-

бавить всего три слова: *Суворов был настоящим мужчиной и спал в одной казарме с простыми солдатами.* Теперь никаких сомнений нет и быть не может, Суворов остается Суворовым.

Вдруг Герман услышал скрип рессор. Это была старая княгиня. Вообще-то в этих двух предложениях что-то есть... Емкость! Понятно, что рессоры — это деталь кареты, а следовательно, предложение *Это была старая княгиня* должно означать, что появилась карета, на которой ехала героиня — та самая роковая для Германа «пиковая дама». Но беда в том, что старость в русском языке устойчиво ассоциируется со скрипом. В силу этой ассоциации читатель улыбнется или рассмеется: получается, что скрипела княгиня... То есть, буквально, шла, скрипя рессорами.

Попутно заметим еще один недостаток приведенной цитаты: глагол *услыхать* является разговорным, литературная форма — *услышать*. В сочинении более уместно использовать вторую форму.

Машинист поезда и сам не мог толком объяснить, как очутился на Анне Карениной. Эта фраза даже не заслуживает подробных комментариев: как далеки слова ее автора от того, что он хотел сказать! Ведь все произошло с точностью до обратного: это Анна Каренина очутилась под поездом, а машинист не успел спохватиться. И, конечно, впоследствии объяснить, как это произошло. Все случилось внезапно.

Очутиться под поездом — это совсем не то же самое, что *очутиться под машинистом*. Анна Каренина, конечно, грешница. Но не настолько же!

У Онегина было тяжело внутри, и он пришел к Татьяне облегчиться. С точки зрения современного русского языка эта фраза совершенно допустима не только в очевидном физиологическом смысле. Разговорно-сниженное значение «освободить кишечник» не является для глагола *облегчиться* основным. Тем не менее мысль о физиологической стороне возникает. Стоит помнить, что буквальное,

физиологическое истолкование слов всегда перевешивает другие возможные истолкования. Ведь люди, к какому бы социальному слою они ни принадлежали, как правило, ищут эмоциональной разрядки и никогда не отказываются от повода посмеяться. Лучше было бы написать так, чтобы двусмысленности не возникало: *...и он пришел к Татьяне, чтобы облегчить душу*. Или: *...и он пришел к Татьяне в надежде найти облегчение своим страданиям*. К тому же выражение *тяжело внутри* звучит как-то по-детски и не совсем подходит для стиля сочинения. Лучше написать так: *было тяжело на душе*.

Эвфемизм — замена грубых или резких слов и выражений более мягкими.

Кстати, Онегин — не единственный персонаж русской классики, который имел проблемы с кишечником. Потому что:

Наташа была истинно русской натурой, очень любила природу и часто ходила на двор. Если в предыдущем примере нежелательный смысл проник почти случайно и все действительно можно свалить на читателя, который вечно усматривает в написанном не то, что имеет в виду автор, и ищет физиологический или даже пошлый подтекст, то в этом случае никакие отговорки не подействуют. *Ходить на двор* — это широко распространенное просторечное устойчивое выражение, которое мягко (эвфемистически) обозначает опорожнение кишечника. Понятно, что автор имел в виду что-то другое. Учитывая, что в этом предложении речь идет о любви к природе, можно предположить, что Наташа просто ходила гулять. По крайней мере, она выходила на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, посмотреть, как работают дворовые, или зачем-то еще. Выходила *во двор*. Но не на двор!

И еще из той же категории.

Плюшкин навалил у себя в углу целую кучу и каждый день туда подкладывал. Проблем бы не было, если бы автор прямо указал, что именно навалил в кучу Плюшкин и что он в эту кучу подкладывал. Когда о чем-то умалчивают, значит, об этом нельзя говорить открыто. Ясно что.

У Чичикова много положительных черт: он всегда выбрит и пахнет. По сравнению с предыдущими этот пример наверняка покажется мягким и совсем «невыразительным». Но это не так. Глагол *пахнуть* в личном употреблении (*он пахнет*) и безличном употреблении (*от него пахнет*) используется для тактичного, культурного обозначения того факта, что от чего-то или кого-то исходит неприятный запах. Что может сказать человек, понюхав несвежую рыбу, которую он достал из холодильника?

Во всяком случае, здесь возникает двусмысленность, и слушатели или читатели наверняка заметят ее: слишком она «выпирает», слишком она заметна. Именно поэтому более подходящий вариант той же фразы выглядел бы следующим образом: *У Чичикова много положительных черт: он всегда выбрит, от него пахнет духами (одеколоном).* Или просто *приятно пахнет.*

В связи с этим вспоминается такой анекдот. Учительница передает записку родителям своего ученика Семы: «Уважаемые родители! Мойте своего Сему! Он пахнет!» И на следующий день Сема приносит ответную записку: «Уважаемая Серафима Львовна! Сему не надо нюхать! Сему надо учить!»

«Меч и огонь менее разрушительны, чем язык». (Р. Стиль)

Чему учить Сему? Думать над своими словами. Перечитывать то, что он пишет, и смотреть на написанное кри-

тическим взглядом. Если поступать так, то он непременно увидит и неточности, и ошибки, и недочеты в построении фразы, и неудачный ритм. Все то, что он, не думая, «наваял». И тогда ни одна случайная сальность не ускользнет от нашего взора.

«ВСЯК СВЕРЧОК ЗНАЙ СВОЙ ШЕСТОК»: О СТИЛИСТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

«Ради красного словца...»: О «стебе» и всем, что с ним связано

*В*от пример из словаря «Культура русской речи», который приводится в качестве иллюстрации такого явления, как стеб, но в нашем случае будет уместен как иллюстрация «смещения всего со всем»:

«В августе сего года, как известно, исполняется аккурат 20 лет с того скорбного дня, как всех нас покинул 2-н Элвис Аарон Пресли. (Как время-то бежит!..) По этому поводу его вечнозеленая вдова Присцилла дала добро на съемки очередного радикально нового высокохудожественного фильма об ее уже давно скушанном червячками супруге».

Первая фраза в приведенном тексте в целом построена в соответствии с требованиями высокого стиля: здесь и архаичное *в августе сего года*, и *скорбный день*, и эвфе-

мизм покинул нас (вместо нейтрального умер)... Но среди этого «благолепия» вдруг возникает разговорное *аккурат*, а после фразы имеется разговорная вставка «*Как время-то бежит!..*». И эта вставка моментально переключает нас из высокого регистра и объективной отстраненности в низкий регистр и субъективность. Почему? Зачем? Нет ответа.

Дальше текст окончательно «съезжает» в области, недопустимые для культурного общения. Речь идет о вдове, а вдовство необходимо уважать. Но вдова оказывается *вечнозеленой* (инфантильной? или имеется в виду цвет лица?), что уже не располагает читателя к сочувствию и уважению. *Давно скупанный червячками супруг* — откровенный физиологизм, который не только выражает идею бренности всего земного, но и не оставляет от светлой памяти об Элвисе Пресли ровным счетом ничего. И почему сначала автор употребляет слово *покинул*, которое предназначено для того, чтобы смягчить болезненный смысл, а потом вдруг выражается так буквально?

Пренебрежение окончательно берет верх, и читатель уже вряд ли ждет, что текст сообщит ему что-то ценное или важное. Эпитеты *высокохудожественный* и *радикально новый* отчетливо ироничны, а потому должны пониматься скорее в противоположном смысле: «Знаем мы это ваше кино! На словах оно всегда такое — радикально новое и высокохудожественное. А на деле...»

В соответствии со здравым смыслом вдова не может *дать добро* на съемки фильма о ее покойном муже. Конечно, при условии, что говорящий уважает ее статус. Скорее, она может *дать согласие*. А *дать добро* — значит великодушно махнуть рукой: давайте, мол, «жгите», что с вас возьмешь... Есть в этом что-то залихватское, то, что вдове как-то не пристало.

Как говорится, «начали за здравие — закончили за упокой». И при этом еще изрядно поплутали.

Нельзя сказать, что такой текст непременно плох. Будем честными: этот текст написан изобретательно. Он настораживает, привлекает внимание, поражает. Он способен встряхнуть читателя, а возможно, даже вызвать у него шок (особенно если читатель не подготовлен к такому общению). Если же читатель подготовлен, то он может... Нет, не посмеяться. Похихикать.

Смущает этическая сторона вопроса, а именно полное, циничное пренебрежение такими ценностями, как человеческая жизнь и память о людях, творчество и любовь. Для автора этого текста явно нет ничего святого. «Ради красного словца» он готов на все. Главное — встряхнуть публику.

Язык действительно способен возбуждать страсти — и кажется, что именно на это направлен подобный стиль, безжалостно «стебущий» всех и вся (кроме самого его создателя). Но странным образом новость в такой подаче перестает быть новостью, превращаясь в очередную «ерунду». Такие тексты передают информацию, но тут же смешивают ее с грязью, и в итоге не остается ничего, кроме бесконечно циничного «я» автора, который торжествует над поправными и осмеянными героями своего сообщения. Но зачем вообще говорить о том, что в силу своей ничтожности не заслуживает внимания?

Что ж, о сущности стеба этим сказано все. Пойдем дальше.

«Убожество речи служит, как правило, внешним признаком убожества духа».
(Б. Бартон)

Стилистический ликбез

Хорошее владение языком предполагает способность различать значения и стилистическую нагрузку языковых единиц. Это необходимо для правильного, уместного их использования в речи. Естественно, это касается и лексики — словарного состава языка. Ведь именно в лексике расслоение языка в зависимости от стилистической окраски и сферы использования достигает наиболее высокой степени. Поэтому давайте рассмотрим наиболее важные стилистические различия между лексическими единицами.

Общепотребительная, книжная и разговорная лексика

Книжная лексика — это слова, использование которых ограничено тем или иным книжным функциональным стилем. Существуют выражения, характерные для официально-делового стиля (*лесной массив, водоем, зеленые насаждения*), научного стиля (*интерполяция, проекция, абстракция*), публицистического стиля (*экстраординарный, благосостояние, клятвопреступник, ельцинизм*).

«Как красив русский язык! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости». (Ф. Энгельс)

Разговорная лексика — это, как правило, слова, имеющие сниженную окраску в силу того, что используются в обыденном, неформальном общении: *возня, домчать, папа, пятак* («пять копеек» или «пять рублей»), *поспеть* («успеть»), *потолковать, пятерка* («отличная оценка»). К разговорной лексике также относятся слова с крайне широким значением, применимые к самым разнообразным предметам (*штука, штуковина, история, вещь, дело, железка, стекляшка* и т. д.). Существует также **лексика просторечная**, которая отличается от разговорной более выраженной грубостью и эмоциональностью. Она используется либо в конфликтных ситуациях, либо в общении, предполагающем очень высокую степень близости между коммуникантами. К данной группе относятся слова типа *осел, козел, трепло, здорово, трепач, доходяга, потаскуха, пень* и т. д. Это слова «на грани», и их использование очень часто граничит с нарушением приличий.

Общепотребительная лексика — это слова, которые являются общими для любого стиля, то есть могут использоваться в любой сфере общения. К этой группе принадлежат слова нейтральные, которые не несут на себе отпечатка книжного или разговорного стиля: *дом, стол, дождь, мо-*

локо, спать, стоять, находиться и т. д. Сюда же следует отнести и значительную часть служебных слов: предлогов (*в, на, за*), союзов (*а, но, или*).

«Русский язык — язык, созданный для поэзии, он необычайно богат и примечателен главным образом тонкостью оттенков». (П. Мериме)

Диалектная, профессиональная и жаргонная лексика

Когда мы говорим о социально-диалектном расслоении лексики, то исходим из того, что социальная неоднородность общества также находит отражение в языке. Можно выделить три основные группы лексических единиц явлений, в которых это проявляется: диалектизмы, жаргонизмы и профессионализмы.

Первая категория, **диалектизмы**, стоит особняком по отношению к двум остальным. Диалектные различия имеют территориальную природу, а потому диалектизмами называют любые языковые явления, использование которых ограничено определенными регионами. Например, слово *бурак* («свекла») используется только на юге, точно так же как и слово *гребоватъ* («брезговать»). Слово *векша* (белка), напротив, используется только в северных диалектах.

«Сленг — это язык, снявший пиджак, плевавший на руки и принявшийся за работу». (К. Сэндберг)

В отличие от диалектизмов, **жаргонизмы** и **профессионализмы** не привязаны к определенной территории. Их природа иная: они связаны с социальным расслоением общества, с его неоднородностью. Конечно, дело здесь не в материальном положении. Общество неоднородно, ибо состоит из лю-

дей с разным уровнем образования (и разным образованием), разного возраста, с разными идеологическими предпочтениями, разными занятиями.

Профессиональная лексика (профессионализмы) возникает в силу существования социальных групп, выделяющихся на основании профессиональной принадлежности. Профессиональная лексика формируется из-за того, что люди, занятые в одной сфере деятельности, вынуждены вырабатывать общий язык, более удобный для общения. И у специалиста всегда имеются более детальные представления об области его деятельности, чем у других людей (непрофессионалов, или, если воспользоваться модным в наши дни словом, «чайников»). В частности, любой человек, скорее всего, способен понять, что он видит столярный инструмент, однако может назвать далеко не каждый из них. Знаете ли вы, например, что означают слова *калевка* или *шпунтубель*?

Когда в русском языке возникло разговорное слово *колбаситься*? Большинство наших современников наверняка скажет, что это молодежный сленг: чего только не придумает эта молодежь! Но на самом деле это слово не является таким уж новым. Например, мы можем найти его в рассказах М. Зощенко: «По правую ручку у инженера уже гости колбасятся»... Заметьте, не в клубе. Впрочем, оттого, что это слово употреблено в художественном тексте, оно не становится литературным.

Возникновение профессиональных языков — это следствие объективной необходимости. Нельзя сказать, что в сопоставлении с ними жаргоны являются избыточными, ненужными. Но необходимость их возникновения заключается в другом: они позволяют той или иной социальной группе отличить себя от других социальных групп. Если угодно, они представляют собой «языковую униформу».

Ярчайший пример жаргона — это **молодежный сленг**. Жаргон существует и у военнослужащих (ср. *дед*, *дембель*,

дух). Как это ни странно, жаргоны часто обогащают общий язык, и происходит это тогда, когда жаргонные слова становятся общепонятными и общеупотребительными. Правда, это касается разговорной и просторечной лексики; влияние жаргонов на нейтральную, а тем более книжную лексику минимально (и, как иногда выражаются математики, «стремится к нулю»). Автор смеет предположить, что большинству из нас известны такие просторечные и разговорные слова, как *слямзить*, *стибрить* («украсть»), *объегорить* (обмануть), *засыпаться* (провалиться на экзамене). Но мало кто знает, что эти слова возникли в так называемом «бурсацком жаргоне» (языке учебных заведений) еще до революции.

Нейтральная и экспрессивная лексика

«Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово». (Н.В. Гоголь)

Экспрессивно окрашенная лексика тесно связана с различиями в оценке. Более того, именно для выражения оценок она и существует. Так, в языке существует большое количество синонимических рядов, которые объединяют тождественные по смыслу, но кардинально различающиеся по содержащейся в них оценке слова. Спектр оценок, которые способна передавать экспрессивно окрашенная лексика, очень широк. Об этом свидетельствует многообразие помет в словарях: высокое (*предтеча*), торжественное (*свершения*), риторическое (*чаяния*), ироническое (*соблаговолить*), фамильярное (*шушукаться*), пренебрежительное (*малевать*) и т. д. Поэтому необходимо очень внимательно относиться к употреблению оценочной лексики. Правильный выбор слова позволяет передать тонкие оттенки мысли,

а тем самым усилить речевое воздействие, оказываемое на собеседника. Кроме того, выбор неуместного слова часто приводит к комическому эффекту.

Стилистически нейтральная лексика особой оценки в себе не несет. Как правило, стилистически нейтральная лексика совпадает с общеупотребительной лексикой. Однако, она типична и для официально деловой, а также научной речи.

С точки зрения системы русского (не литературного!) языка существование всех перечисленных типов лексики совершенно оправданно. Уже хотя бы потому, что такие слова есть. Они возможны. Простое повторение этих слов — вот все, что нужно для их усвоения людьми. Все нелитературные языки (или нелитературные формы языка) в целом существуют именно так. Люди говорят определенным образом именно потому, что точно так же говорят другие.

«С русским языком можно творить чудеса!»
(К.Г. Паустовский)

Но постоянное смешение лексики различных пластов не создает в сознании людей представления о хорошей речи и, более того, окончательно дезориентирует рядовых носителей языка. Постоянное нарушение норм неизбежно приведет к тому, что правильная оценка языковых единиц с точки зрения их уместности или неуместности просто сотрется в сознании людей. О мотивах, которые действительно оправдывают нарушение стилевых норм, люди в большинстве случаев не задумываются. Их подражательное речевое поведение гораздо более автоматически, чем хотелось бы думать. Но если все можно говорить в любых ситуациях и условиях, то какая, собственно говоря, разница? В итоге такие важные для любого общения противопоставления,

как «официальное/бытовое», «публичное/приватное», полностью стираются, утрачивают смысл.

Так мы можем и забыть, что просторечная форма *дадено* уместна в устной речи на рынке, но не в чеке, который выбивается после покупки. Ведь «тама» уместна другая форма — *получено*.

Уместно или неуместно?

Начнем с примера: *Экс-рижанин играть с Каспаровым на равных явно не может. Это просекли и спонсоры... Помимо этого участникам причитается 50 тысяч «зеленых» на организационные расходы* (из газет, пример С.И. Сметаниной).

Есть ли смысл использовать в этом случае жаргонизмы *просекли* и *зеленые*? Конечно, нет. Мы свободно можем заменить их на нейтральные слова русского языка: *поняли* (*заметили*) и *доллары*. От использования жаргонизмов текст не выигрывает, в нем не «вспыхивает» никаких дополнительных оттенков. Другими словами, они бесполезны и лишь загрязняют текст, по большому счету, раздражая нормального читателя.

С.И. Сметанина приводит пример, в котором употребление жаргонизма *зеленые* действительно может расцениваться как удачное: *Центробанк отменил специальную сессию на межбанковской валютной бирже, где под его присмотром формировался курс доллара... Так что, получив отпускные, не мешкайте: прикупите «зеленых» на черный день*. Почему в этом случае употребление слова *зеленые* удачно, догадаться нетрудно: его соседом является устойчивое выражение *черный день*, и, если можно так выразиться, между названиями двух цветов «пробегает искра». Особого смысла это не несет, но для читателя это настоящее событие, оно обогащает текст, делает его более насыщенным. Кроме того, есть еще один эффект. Текст содержит в себе доверительную рекомендацию (как бы «по секрету»), а потому слово *зеленые* неплохо сочетается с разговорными глаголами *не мешкайте* и *прикупите*.

Автор не только делает вывод о возможных изменениях курса доллара (статья была опубликована в далеком уже 1999 году), но и «разворачивает» этот вывод непосредственно к читателю, по направлению к обыденной жизни обычного человека, для которого его «кровно заработанные» ценнее, чем миллиарды олигарха.

ЗАГАДКИ РУССКОГО ЯЗЫКА. ПОДЛИННЫЕ И САМОДЕЛЬНЫЕ

Этимология и псевдоэтимологии

Этимология — это наука, изучающая происхождение слов. Этимологией называют также само объяснение происхождения слова. А потому можно сказать: «У такого-то слова латинская (французская и т. д.) этимология». Развитие этимологии тесно связано со сравнительно-историческим языкознанием, которое занимается сопоставлением языков и выявлением общего языка-источника, от которого они происходят.

Но в то же время этимология — это особая дисциплина, которая, широко используя наработки сравнительно-исторического языкознания, имеет свою специфику. Дело в том, что она изучает конкретные слова, и оказывается, что у каждого слова неповторимая судьба, отличающая его от всех других слов.

Научная этимология

Вообще-то этимология — это очень точная наука. Чтобы выстроить полноценную гипотезу о происхождении того или иного слова, иногда нужно собрать и осмыслить очень большое количество фактов. Прежде всего, надо выяснить, когда

слово появилось в языке, и хорошо, если ученому удастся натолкнуться на его первые употребления. Во-вторых, надо четко оценить условия, в которых слово возникло, и выявить причины, которые привели к его появлению. Наконец, если слово является заимствованным, то надо не только найти его источник, но и путь, по которому оно пришло. А здесь не все так просто.

Комплимент

Казалось бы, слово *комплимент* могло прийти к нам только из французского языка. Во-первых, оно там есть; во-вторых, оно так типично для галантных и помешанных на любви французов! Но, повторим, не все так просто, и существует гипотеза, что это слово проникло в русский язык из французского не напрямую, а опосредованно, через немецкий язык. И у этого есть основания.

Слово *студент* происходит от латинского *studium* («студиум»), то есть усердие. Так что студент — это не тот, кто числится в высшем учебном заведении и имеет студенческий билет, и даже не тот, кто получает стипендию. Студент по определению обязан учиться усердно.

Дело в том, что слово *комплимент* появилось в русском языке в начале XVIII века, в Петровскую эпоху — задолго до того, как французский язык стал основным для русского дворянства. В те времена ориентировались на пунктуальных, деловитых немцев и на галантных голландцев, но никак не на французов. И первоначально слово *комплимент* — а равно *кумплюмент*, *кумплемент*, *куплюмент* и *куплемент* — использовалось в более широком смысле, применительно к «культурной» переписке. Тогда в России появилась книга «Приклады, како пишутся комплименты разныя». В этом руководстве приводились образцы формул, которыми следует начинать пись-

мо, выражать свои чувства к даме, формулы, удобные для заключения письма, а также образцы интимной, поздравительной и официальной переписки. В общем, классический письмовник...

Но и этот случай довольно тривиальный. В действительности, имеются такие ситуации, когда гипотеза о происхождении того или иного слова может стать объектом полноценного и достаточно объемного исследования. Любой этимологический словарь, к которому вы можете обратиться, содержит лишь «выжимки» такого исследования. А неоднозначность некоторых случаев вынуждает ученых полемизировать друг с другом и даже прямо указывать на то, что их выводы только вероятны.

Выражение *сирота казанская* возникло во времена после завоевания Казани Иваном Грозным. Татарские князья, оказавшись подданными русского государя, слезно выпрашивали у него поблажки, сетуя на свою горькую судьбу сироты. Это выражение в наши дни используется, когда мы говорим о человеке, который стремится кого-то разжалобить, показав свое бедственное положение.

Народная этимология

Широко известны так называемые «народные этимологии», когда некоторые слова (как правило, заимствованные) переосмысляются под влиянием того, как их понимает сам говорящий. Отсюда такое слово, как *полуклиника*, и совершенно понятно, как оно появилось. Поликлиника — это почти больница, ведь в ней работают врачи и можно получить медицинскую помощь. Но, в то же время, это не больница, не клиника в полной мере, ведь больные там не лечатся стационарно. Это клиника наполовину — *полуклиника*. А поэт В.К. Тредиаковский совершенно серьезно полагал, что название Норвегия на самом деле представляет собой искаженное слово *Наверхия*.

Проблема псевдоэтимологий, то есть любительских, не имеющих под собой оснований «реконструкций» истории происхождения какого-то слова, также часто обсуждалась и обсуждается лингвистами в связи с «народной этимологией». Например, естественно ассоциировать словосочетание *малиновый звон* с любимой русскими ягодой или цветом (несмотря на то что связь совершенно неочевидна). Тем не менее никакого отношения к происхождению данного выражения ни цвет, ни ягода не имеют. Прилагательное произошло от названия бельгийского города Малин (Мехелен), где при местном соборе имелась школа звонарей.

Прилагательное *непутевый* так и хочется связать с образом человека, который сбился с пути. Но есть и другое, более вероятное объяснение. *Путем* на Руси называли хозяйственную службу при княжеском дворе. Был, например, путь конюший (экипажи и лошади), путь ловчий (охотничьи собаки). Так что с исторической точки зрения *непутевый человек* — это скорее «человек без места».

Народная этимология в некоторых случаях используется намеренно, для преобразования некоторых слов в соответствии с пониманием явлений, которые этими словами обозначаются. Так наверняка возникла *прихватизация*. Понятно, что назвать так передачу государственной собственности в частные руки власть не решилась бы, слишком уж очевидно осуждение, которое содержится в этом слове. Но суть данного процесса, а точнее, форм, которые он принял в реальности, а не в планах власти, это слово передает очень точно.

Осмысление заимствованных слов с опорой на «родные» слова естественно. И более точно было бы сказать, что человек осмысляет новые для него слова с опорой на старые, привычные. Человеческое сознание в опреде-

ленном смысле инертно, любой опыт соотносится нами с прежним опытом и подгоняется под категории, которые уже существуют в нашем сознании; свободны от этого только маленькие дети, которые, впрочем, быстро взрослеют... В «народной этимологии» содержится некоторое количество наивного эгоцентризма. То, что мы знаем, то, к чему привыкли, становится для нас точкой отсчета — мы не можем себе представить, что есть другая жизнь, которая может складываться принципиально иначе и не иметь ничего общего с нашей. В этом, возможно, беда человека, ибо такая инертность мешает ему меняться, и он остается закрытым для всего «другого».

Псевдонаучные этимологии

Впрочем, не будем рассуждать о перипетиях, которые сопровождают иноязычные слова в русской речи. Об этом мы уже говорили. Остановимся на других фактах, которые, к сожалению, свидетельствуют о том, что псевдоэтимологии пробираются и в научные работы, а к тому же часто выдаются за научный анализ при аргументации, касающейся вопросов, которые являются скорее идеологическими.

Убедительно неубедительное

Исследователь славянской письменности В.А. Чудинов, «читая» древнейшие надписи, которые он обнаруживает не только на орнаментах и в случайных трещинах (а возможно, и в погрешностях воспроизведения фотографий древних предметов и текстов), но даже на поверхности Луны, Солнца и Марса, вычитывает в них слова *современного* русского языка. Но уже это одно противоречит очевидности! Язык со временем меняется. Если мы обратимся, например, к «Слову о полку Игореве», созданному в конце XII века, то мы обнаружим, что примерно 2/3 (!) из всех слов в памятнике древнерусской литературы для нас совершенно незнакомы. Мы не в состоянии прочитать этот текст без помощи словаря!

Еще один пример. В статье «Идея эволюционного словаря русского языка» В.А. Чудинов пытается показать, как слово *ключ* «образовалось» от слова *луч*. Произошло, это, по мнению автора, так: 1) *луч* — 2) *к лучу* — 3) *клуч* — 4) *ключ*.

«Первый переход», то есть «луч — к лучу» выглядит вполне реалистично: да, слово может сочетаться с предлогами и при этом менять свою форму, это характерно не только для русского языка. Вот только разве это «переход»? Такие «переходы» происходят в нашем языке каждый день и называются «словоизменение».

А вот второй переход («к лучу — клуч») невозможен. Других фактов, которые свидетельствовали бы о существовании такого процесса, как «вербализация словосочетания» (или, проще выражаясь, превращение словосочетания в слово), В.А. Чудинов вряд ли сможет привести. Но придумать таких примеров он может сколько угодно!

То же можно сказать и о «переходе 3–4», «клуч — ключ». Ассимиляция — это вообще-то уподобление звуков. Например, в слове *здесь* [з'д'ес'] первый звук [з] произносится мягко, а его мягкость «передается» ему от следующего звука [д']. Но что чему уподобляется, когда слово *клуч*, выдуманное В.А. Чудиновым, «переходит» в слово *ключ*?

Если какой-то процесс происходит, то он, как правило, действует во всех подобных случаях, а не в отдельном слове. Другими словами, любое изменение действует без исключений. А если исключения обнаруживаются, то они определяются действием другого закона. В русском языке примерно в XIV веке произошел процесс, в результате которого звук [э] в позиции после мягкого согласного перед твердым согласным под ударением перешел в звук [о]. Подтверждений этому в современном языке множество: *ш[о]пот* — *ш[э]птать*, *зв[э]зда* — *зв[о]зды*, *др[э]мать* — *др[о]ма*, *в[э]дро* — *в[о]дра* и т.д. В.А. Чудинов, конечно, поиском таких подтверждений себя не утруждает.

Чтобы мотивировать свое «построение», В.А. Чудинов указывает, что древний смысл слова *луч* — «поток, струя». Возникает закономерный вопрос: а как это было выяснено?

Можно было бы привести пример из какого-нибудь древнего памятника или другое доказательство...

О небесах

Вообще те, кто занимается подобными «выкладками» (а это, к сожалению, не один В.А. Чудинов), не горят желанием искать подтверждения. Этимологи-иллюзионисты совсем не заботятся о том, чтобы присовокупить к своим смелым догадкам хотя бы простенькое обоснование. Эффектность прежде всего!

Толковать слово *небеса* как место обитания бога, а не бесов («не беса»), — занятие многообещающее, но неблагоприятное. Ведь основной формой в этом случае является... Правильно, *небо*. А вдруг это слово значило «не бог»? На основании простого сходства звучаний такой вывод, как ни печально, тоже можно сделать...

Если бы волшебник-самоучка посмотрел даже не на другие слова, а на формы того же слова, его гипотеза моментально изменилась бы кардинальным образом. Небо над головой арийцев, возможно, было всегда чистым. Ни бесов, ни богов, ни облачка.

Несколько веков назад слово *зараза* совсем не было бранным: оно означало «преlestь, красота», а потому назвать кого-нибудь *заразой* значило сказать комплимент. Сейчас в русском языке все наоборот. А если вы вдруг окажетесь в Белоруссии и услышите нечто подобное в свой адрес, не спешите бросаться на обидчика: вас хвалят! Ведь в белорусском языке старинное значение сохранилось. Подобное «выворачивание» значения слова не редкость: в польском языке *ugoda* значит «красавица»...

Обман и «мани»

С точки зрения псевдоэтимологии оказывается также, что английское слово *money* («мани», деньги) произошло от арийского корня «обманывать», «заманивать». Это созвучие понятно, оно говорит само за себя и наводит на мысли. Тем не менее возникает целый ряд вопросов. Прежде всего,

почему не наоборот? Может быть, этот «арийский корень» произошел от английского? В качестве объяснения само собой напрашивается убеждение в том, что русский язык породил все остальные. Но пока это всего лишь убеждение, предмет веры! Этого еще никто не доказал.

Говорят, что хорошую вещь *браком* не назовут... Так ли это? Существует два русских омонима, которые звучат и пишутся одинаково. *Брак* в смысле «женитьба» — это церковно-славянское слово, образованное от глагола *брати* при помощи суффикса *-к-*, который в современном русском языке не используется (ср. *братъ замуж*). А вот *брак* в смысле «изделие с изъяном» — это заимствование из немецкого языка. Так что эти браки — не супруги и не родственники, а однофамильцы. И в сходстве этих слов не стоит искать глубинного смысла.

Как это понимать

С чем же мы имеем дело в работах В.А. Чудинова и тех, кто действует подобным образом? Нечто, напоминающее словесную игру, при помощи которой из *мухи* можно сделать *слона*. Не по-настоящему, на бумаге. Суть этой игры заключается в постепенной замене звуков в слове таким образом, чтобы в результате получилось другое (возможно, даже противоположное по смыслу) слово. Именно так выглядят схемы «преобразования» слов у В.А. Чудинова. Эта игра показывает, что таким образом мы, в принципе, можем превратить одно слово в любое другое.

Справедливо осуждая «язык падонкафф», В.А. Чудинов пишет: «...русское слово “привет” вытесняется безграмотным написанием “превед”. Человек, впитавший в себя мем³

³ *Мем* — «культурный ген», идея или представление, которое, с одной стороны, нуждается в носителе, а с другой — стремится распространяться, для чего ему необходимы другие носители. Мемами являются религиозные, культурные, социально-политические представления. Иногда мемы осмысливают как «культурные вирусы». Это новое слово, которое, скорее всего, закрепится и станет частью русского языка.

неверной орфографии, в дальнейшем начнёт путать приставки ПРИ- и ПРЕ-, которые и так даются школьникам нелегко, а также корни ВЕТ и ВЕД. Иными словами, человек, для которого русский язык является родным, постепенно будет писать так, как пишет инородец, для которого русский язык — чужой» («Комментарий к статье Википедии о языке падонков»).

Но в другой статье, написанной примерно в то же время («Трансформация приставки ОТ-»), автор обращается с русскими словами не менее бесцеремонно. Например, в слове *дверь* он обнаруживает приставку *д-* (!), которая якобы является «озвонченным вариантом» приставки *т-* (!), возникшей в результате трансформации (!) приставки *от-*. И в той же статье автор приходит к выводу о существовании в русском языке приставки *од-* (!), которая является «вариантом» той самой многострадальной приставки *от-* и ничем не отличается от приставки *ад-* (!)

Подобный «анализ» по своим формам и последствиям ничем не отличается от «олбанского языка». Он так же бесцеремонен с материей русского языка, как и пресловутое «Превед, медвед!». Печально, но это может иметь для нашего языка отрицательные последствия. Всего один шаг, и корни *-вет-* и *-вед-*, равно как и приставки *пре-* и *при-*, сольются, окажутся «вариантами», и школьники, начитавшись смелых «этимологических фантазий» профессора В.А. Чудинова, просто перестанут их различать! Ведь он, по большому счету, не делает ничего, чтобы этого не случилось. Более того, он делает достаточно, чтобы это произошло. И тот же школьник, начитавшись таких статей, вместо *отбросить* будет спокойно писать бог знает что. Ему трудно *адбросить* домыслы взрослого и уважаемого человека, который утверждает, что *ад-* — это «вариант» русской приставки *от-*.

Сейчас модно ругать Америку, уровень ее образования, и эта критика в высшей степени справедлива. Но если мы пойдем за самозваными открывателями тайн русского языка, то быстро превратимся в подобие тех простодушных амери-

канцев, которые свято верят, что до того, как Колумб открыл Америку, на нашей планете жили только динозавры.

Как это ни странно, слова *известь* и *асбест* восходят к одному и тому же греческому слову — *асбестос*. Чем объясняется различие в их облике? Разными эпохами заимствования. Слово *асбест* — это недавнее заимствование. А вот слово *известь* появилось в русском языке в древности и успело измениться: за многие века мы «подогнали» его к звуковой системе русского языка.

Как меняется язык на самом деле?

К сожалению, у исторических «выдумок» вроде приведенных выше нет никаких оснований. А потому рассмотрим всего один пример, который позволит понять, как именно «работает» реконструкция.

Между русским и украинским языками имеются регулярные соответствия — слова, в которых украинское [i] соответствует русскому [o], и слова, в которых украинское [i] соответствует русскому [e]. Таких пар очень много, и вот лишь некоторые из них:

нож — ніж

кот — кіт

конь — кінь

воз — віз

сок — сік

ночь — нічь

спор — спірка

лето — літо

цвет — цвіт

дети — діти

белый — білий

сено — сіно

век — вік

бес — біс

Слова с соответствиями, конечно, родственные. Они если и не совпадают по смыслу, то близки по значению, а расхождения объяснить нетрудно.

Найти подтверждение родственности несложно в самом украинском языке, потому что во многих существительных

обнаруживается чередование *i* и *o*: *стіл*, но *стола*; *сокіл*, но *сокола*; *сік*, но *соку* и т. д. Другими словами, в украинском языке в других формах слова корень произносится и пишется так же, как в русском языке.

Значит ли это, что в украинском языке [o] и [e] перешли в [i]? Или наоборот, это в русском языке [i] перешло в [o] и [e]? И кто чей язык «исковеркал»? Скорее, верно первое, ведь в украинских словах сохраняется «русское» написание и произношение, пусть только в падежных формах. И русского, который убежден в своем первенстве, это должно несказанно обрадовать.

Но если это так, то почему, по каким причинам один звук «расщепился» на два? Почему в одном случае на месте [i] мы обнаруживаем [o], а в другом [e]? Неспециалисту ничего не стоит увидеть здесь самый обыкновенный произвол говорящих. Но в действительности положение оказывается более сложным, а изменение — обоснованным. И все наши домыслы оказываются не более чем домыслами.

Гипотеза такова: в древнем языке, общем для русских и украинцев, были особые звуки, которых нет в современных языках. Эти звуки принято обозначать как [ê] и [ô]. И именно на месте этих звуков впоследствии возникли расхождения между двумя языками.

Как точно звучали эти исчезнувшие гласные, мы не знаем, и в науке нет единства по этому поводу. Это понятно, потому что никто из современных ученых не слышал древней речи. Тем не менее тот факт, что эти звуки существовали, не вызывает сомнений.

Чтобы превратить гипотезу в вывод, нам нужны доказательства. И они тоже есть, причем убедительные.

1. В случае с парами типа *свет* — *світ* доказательство лежит на поверхности. Во всех словах с буквой *e*, которым соответствует украинская буква *i*, до революции писался «ять»: *свѣтъ*, *лѣто*, *дѣти*, *бѣлый*, *сѣно* и т. д. Нетрудно догадаться, что самостоятельная, полноценная буква нужна только для того, чтобы обозначать звук, который отли-

чается от всех остальных. Иначе эта буква — непопулярная роскошь, излишество, которое создает проблемы. Кстати, от буквы «ять» русские отказались именно потому, что она перестала обозначать конкретный, отличный от других звук и использовалась там, где начали произносить звук [e].

Что касается второго звука, который скрывается за русским [o] и украинским [i], то такого же очевидного обозначения для него нет. Тем не менее древние писцы изредка использовали с этой целью букву ω («омега»), а в некоторых поздних памятниках мы встречаем особый диакритический знак, называемый «коморой».

2. Этот вывод подтверждается данными русских говоров, в которых сохранились эквиваленты древних русских звуков [ê] и [ô]. Они произносятся по-разному, но отклонения от привычного нам произношения обнаруживаются именно там, где, в соответствии с правилами дореволюционной орфографии, следовало бы употреблять букву Ъ, и там, где в древних текстах встречается буква ω .

3. Соответствие между двумя языками не является регулярным. Есть слова, которые и в русском языке, и в украинском языке имеют гласные [o] или [e] и чередования в них не происходит: *голос, волос, скол, ворон, верх, берег, нести*. Гласные произносятся и пишутся в обоих языках одинаково. С точки зрения современного языка это положение необъяснимо. Но если допустить существование особых звуков [ê] и [ô], то многие вопросы снимаются. В русском языке звук [ê] перешел в [e], а звук [ô] — в [o]. В украинском языке оба звука перешли в [i]. А древние звуки [e] и [o] не изменились, что тоже естественно, ведь, меняясь, язык не преобразуется до неузнаваемости. Что-то исчезает, что-то появляется — основа остается неизменной.

В такой замене есть регулярность? Несомненно, есть. Она подтверждается огромным количеством фактов. Есть ли из этого правила исключения? Есть, но для них имеются объяснения. Мы не будем утруждать читателя сложными выклад-

ками, ведь в древнерусском языке изменялись многие звуки, и каждый процесс оказывал воздействие на другие процессы. Да и наша задача заключается не в том, чтобы рассказать об истории русского языка, а в том, чтобы показать, как «работает» реконструкция и насколько основательной она должна быть. А при желании самые любопытные могут обратиться к специальным книгам и учебникам.

СОВЕТЫ ДЛЯ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

Разместите слушателей так, чтобы вы могли их охватить одним взглядом. Для этого совсем необязательно пересаживать их. Достаточно прийти чуть раньше и просто расставить стулья так, как это необходимо. Можно поступить и наоборот, в соответствии с известной пословицей «если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Нужно просто правильно выбрать место, а также расстояние, которое будет отделять вас от аудитории, то есть не бросаться к кафедре или на сцену, а занять, если это необходимо, необычное положение.

Принято выделять четыре основных способа подготовки выступления:

- 1) речь написана полностью и заучена наизусть;
- 2) речь написана полностью, а затем прочитана по рукописи;
- 3) речь проработана в основных моментах, ее положения записаны, но она произносится без записей и заучивания;
- 4) речь произносится экспромтом.

Заучивание наизусть имеет как преимущества, так и недостатки. Среди преимуществ можно назвать:

- возможность отрепетировать, отработать каждый момент речи: найти нужную интонацию для каждой фразы, продумать паузы, выработать правильную жестикуляцию и т. д.;

- повышение общего уровня выступления за счет воспроизведения «домашних заготовок» (удачных фраз, шуток и т. п.).

Недостатки заучивания также очевидны:

- это самый трудоемкий способ, который требует больших временных затрат;

- оратор, стремящийся заучить речь наизусть, рискует забыть какие-то моменты, поскольку заучивание предполагает дословное воспроизведение подготовленного текста;

- еще одна опасность заключается в том, что оратор, воспроизводящий текст, который был выучен наизусть, может слишком «увлечься», доставая из памяти все детали текста, в результате чего он потеряет контакт с аудиторией.

Воспроизведение речи по записи менее трудоемко, но оно может привести к тому, что речь утратит свою живость и естественность. Многие из нас наверняка сталкивались с лекторами и выступающими, которые нудно читали по бумажке, не получая удовольствия от своей деятельности и навевая скуку на слушателей. Конечно, такой способ позволяет свести к минимуму количество ошибок и недостатков, однако не стоит забывать, что естественность способна вызывать расположение аудитории, а к этому должен стремиться любой оратор.

Поэтому в идеале чтение, импровизацию и ситуативное выражение заранее подготовленных идей следует сочетать. Оратор, который не готовится к выступлению, никогда не будет в полной мере хорошим оратором.

Есть три момента, за которыми должен следить оратор. Во-первых, это само его выступление, то, что он говорит. Это кажется естественным, но многие ораторы, которые так думают, забывают об остальных объектах внимания.

Во-вторых, поведение, поскольку от того, как ведет себя человек, напрямую зависит эффект его слов.

Наконец, в-третьих, это аудитория. Оратор должен постоянно следить за ее реакциями, изменением поведения, — поскольку иначе он не сможет узнать, понимают ли его слушатели, — а в случае необходимости попытаться привлечь их внимание какими-нибудь приемами или «домашними заготовками».

Контакт с аудиторией — это изменчивая величина. Он может быть нулевым (на оратора не обращают внимания), полным (все слушатели сосредоточены на выступлении) и неполным (оратору удалось «достучаться» лишь до части аудитории). Кроме того, контакт не является неизменным во времени: если оратору удалось сразу же привлечь внимание, это еще не означает, что такое положение сохранится до конца его выступления.

Оратор, который говорит сбивчиво и демонстрирует свой страх, возможно, вызовет сострадание у слушателей, но вряд ли достигнет целей, которые он перед собой поставил. Уверенные в себе люди привлекают внимание, причем воздействие происходит не всегда на сознательном уровне.

В процессе выступления можно использовать следующие приемы, которые помогают привлечь внимание аудитории:

- прямое требование внимания;
- обращение к слушателям с неожиданным вопросом;
- прерывание речи, создание паузы;
- формирование атмосферы тайны и занимательности;
- оживление речи с помощью пословиц, поговорок, афоризмов, ярких выражений;
- использование юмора.

Постарайтесь запомнить первую и последнюю части созданного вами текста, чтобы вообще не заглядывать в свои за-

метки хотя бы в этих частях выступления. Сохранение зрительного контакта с аудиторией в эти моменты очень важно: даже если вы постоянно заглядывали в записи, у ваших слушателей все равно сформируется общее впечатление спонтанной и свободной речи.

Иногда случается, что выступающий теряет мысль. Как правило, это происходит, если он увлекся и расслабился. В таком случае лучше всего вернуться назад, вспомнить одну из предыдущих мыслей и, оттолкнувшись от нее, продолжить выступление.

Если нет возможности прокрутить последовательность положений вашего выступления в голове, можно сделать это вслух: «Итак, я рассказывал вам о..., затем мы перешли к... А теперь давайте поговорим о...».

Другой вариант поведения, не менее приемлемый в такой ситуации, — перейти к мысли, которую вы помните. Не бойтесь забегать вперед: вы еще успеете вернуться и сказать то, что позабыли. Если это, конечно, действительно имеет значение.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

А.С. Пушкин

Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения *сей* и *оний*, но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета, скачущая по мосту; слуга, метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метет и пр., — заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом. Из того еще не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено. Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отречься от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка.

Г.Р. Державин

...Человек чрез слово всемогущ: язык всем знаниям и всей природе ключ...

Повторение одних и тех же мыслей, одетых только другими словами без чувств, не токмо бывает не нужно, но и неприятно. В том великая тайна, чтоб пронизательную, бы-

струю душу уметь занимать всегда новым любопытством... Впрочем краткость не в том одном состоит, чтоб сочинение было недлинно, но в тесном совмещении мыслей, чтобы в немногом было сказано много и пустых слов не было.

Н.В. Гоголь

...Поэты берутся не откуда же нибудь из-за моря, но исходят из своего народа. Это — огни, из него же излетевшие, передовые вестники сил его. Сверх того поэты наши сделали добро уже тем, что разнесли благозвучие, дотоле небывалое. Не знаю, в какой другой литературе показали стихотворцы такое бесконечное разнообразие оттенков звука, чему отчасти, разумеется, способствовал сам поэтический язык наш. У каждого свой стих и свой особенный звон. Этот металлический, бронзовый стих Державина, которого до сих пор не может еще позабыть наше ухо; этот густой, как смола или струя столетнего тока, стих Пушкина; этот сияющий, праздничный стих Языкова, влезающий как луч в душу, весь сотканный из света; этот облитый ароматами полудня стих Батюшкова, сладостный, как мед из горного ущелья; этот легкий, воздушный стих Жуковского, порхающий, как неясный звук золотой арфы; этот тяжелый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый подчас едкою, щемящею русскою грустью, — все они, точно разнозвонные колокола или бесчисленные клавиши великолепного органа, разнесли благозвучие по русской земле.

В.Г. Белинский

Грамматика есть логика, философия языка, и кто знает грамматику своего языка, для того, по крайней мере, возможно знание всеобщей грамматики — этой прикладной философии слова человеческого. Сверх того, люди, которые только по инстинкту хорошо говорят или пишут на своем языке, по необходимости часто ошибаются против духа языка, в ущерб своему успеху на поприще изустной или письменной

изящной речи. И нет никакого сомнения, что когда к инстинктивной способности хорошо говорить или писать, присоединяется теоретическое знание языка, — сила способности удваивается, утраивается. Грамматика не дает таланта, но дает таланту большую силу... Грамматика не дает правил языку, но извлекает правила из языка. Общее незнание этих правил, то есть незнание грамматики, вредит языку народа, делая его неопределенным и подчиняя его произволу личностей: тут всякий молодец говорит и пишет на свой образец. В формах языка должно быть единство. А этого единства можно достигнуть только строгим исследованием, как правильное должно говорить или писать то или другое. Это искание правильности должно быть доведено до педантизма — для успеха самого языка.

Л.Н. Толстой

Если бы я был издатель народного журнала, я бы сказал своим сотрудникам: пишите, что хотите... но только так, чтобы каждое слово было понятно тому ломовому извозчику, который будет везти экземпляры из типографии, и я уверен, что кроме честного, здорового и хорошего ничего не будет в журнале. Я не шучу и не желаю говорить парадоксов, а твердо знаю это из опыта. Совершенно понятным и простым языком ничего дурного нельзя будет написать. Все безнравственное представится столь безобразным, что сейчас же будет отброшено...

Бирюзовые и бриллиантовые глаза, золотые и серебряные волосы, коралловые губы, золотое солнце, серебряная луна, яхонтовое море, бирюзовое небо и т. д. встречаются часто. Скажите по правде, бывает ли что-нибудь подобное? Капли воды при лунном свете, падающие в море, горят лучше жемчужин, падающих в таз, и ни капли не похожи на жемчужины, ни таз — на море. Я не мешаю сравнивать с драгоценными камнями, но нужно, чтобы сравнение было верно, ценность же предмета не заставит меня вообразить сравниваемый предмет ни лучше, ни яснее. Я никогда не видал губ кораллового цвета,

но видал кирпичного; глаз — бирюзового, но видал цвета распущенной синьки и писчей бумаги. Сравнение употребляется или чтобы, сравнивая худшую вещь с лучшей, показать, как хороша описываемая вещь, или, сравнивая необыкновенную вещь с обыкновенной, чтобы дать о ней ясное понятие.

А.П. Чехов

...Частое уподобление человеку (антропоморфизм), когда море дышит, небо глядит, степь нежится, природа шепчет, говорит, грустит и т. п. — такие уподобления делают описания несколько однотонными, иногда слащавыми, иногда неясными; красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь» и т. д.

...Какая гадость чиновничий язык! Исходя из того положения... с одной стороны... с другой же стороны — и все это без всякой надобности. «Тем не менее» и «по мере того» чиновники сочинили. Я читаю и отплеываюсь. Особенно паршиво пишет молодежь. Неясно, холодно и неизящно...

...Надо выбрасывать лишнее, очищать фразу от «по мере того», «при помощи», надо заботиться о ее музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом «стала» и «перестала»...

А.М. Горький

Борьба за очищение книг от «неудачных фраз» так же необходима, как и борьба против речевой бессмыслицы. С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно — в общем — восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как, например: «мура», «буза», «волынить», «шамать», «дай пять», «на большой палец с присыпкой», «на ять» и т. д. и т. п.

Мура — это черствый хлеб, толченый в ступке или протертый сквозь терку, смешанный с луком, политый конопляным маслом и разбавленный квасом; буза — опьяняющий напи-

ток; волынка — музыкальный инструмент, на котором можно играть и в быстром темпе; ять, как известно, — буква, вычеркнутая из алфавита. Зачем нужны эти словечки и поговорки?

Надобно помнить, что в словах заключены понятия, организованные долговечным трудовым опытом, и что одно дело — критическая проверка смысла слова, другое — искажение смысла, вызванное сознательным или бессознательным стремлением исказить смысл идеи, враждебность которой почувствована. Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоносней. Именно поэтому одни всегда стремятся притуплять язык, другие — оттачивать его.

А.Н. Толстой

...Дивной вязью он (народ) плел невидимую сеть русского языка; яркого, как радуга вслед весеннему ливню, меткого, как стрелы, задушевного, как песня над колыбелью, певучего и богатого. Он назвал все вещи именами и воспел все, что видел и о чем думал, и воспел свой труд. И дремучий мир, на который он накинуд волшебную сеть слова, покорилося ему, как обузданный конь, и стал его достоянием и для потомков его стал родиной — землей отчич и дедич...

Какая расстановка слов дает фразе наибольшую эмоциональную силу? Предположим, что скупость и точность уже соблюдены. Ближайшее слово (считаю слева направо), поставленное под главное ритмическое ударение фразы, должно быть именно тем понятием, во имя которого вы создаете данную фразу. Оно должно дать первый рефлекс. Например: «искаженное лицо было покрыто бледностью». Здесь существенно то, что — искаженное лицо. «Бледностью покрыто было искаженное лицо». Здесь существенно — бледность. Существительное в этой фразе не несет никакого рефлекса, так как само собой подразумевается, поэтому «лицо» ритмически само перескакивает во втором варианте фразы на последнее место... Место вспомогательного глагола «было» зависит уже только от ритмики...

К.А. Федин

Самое трудное для меня — работа над словом. Чем руковожусь я, предпочитая одно слово другому? Во-первых, слово должно с наибольшей точностью определять мысль. Во-вторых, оно должно быть музыкально-выразительно. В-третьих, должно иметь размер, требуемый ритмической конструкцией фразы. Трудность работы состоит в одновременном учете этих трех основных требований. К ним надо прибавить два других, не менее сложных... ..Надо избегать частых повторений одного и того же слова и нельзя употреблять изношенных, вульгарных, мнимо-красивых слов...

Необыкновенно трудна борьба со всякого рода словесной красотостью...

...Я прежде всего слышу, что пишу. Поэтому я не в состоянии перейти к последующей фразе, не закончив предыдущей так, чтобы она не раздражала меня своей неслаженностью. Написав страницу, две, я перечитываю их заново, удаляю лишние фразы и слова, заменяю одни другими. Иногда это происходит десятки раз, так что, в конце концов, я запоминаю текст наизусть. Перед началом работы я читаю написанное ранее, ввожу себя в ритмический строй рассказа и послушно следую ему. По окончании работы или, если она обширна, — части ее, я всегда прочитываю написанное несколько раз слушателям и делаю последние исправления. Тогда единственный экземпляр моего черновика готов... ..Для писателя никакие достижения немислимы без постоянной, я сказал бы без пожизненной работы над словом.

К.И. Чуковский

Первым и чуть ли не важнейшим недугом современного русского языка в настоящее время считают его тяготение к иностранным словам.

Действительно, эти слова могут вызвать досадное чувство, когда ими пользуются зря, бестолково, не имея для этого никаких оснований.

И да будет благословен Ломоносов, благодаря которому иностранная перпендикула сделалась маятником, из абриса стал чертеж, из оксигениума — кислород, из гидрогениума — водород, а бергверк превратился в рудник... И, конечно, это превосходно, что такое обрусение слов происходит и в наши дни, что аэроплан заменился у нас самолетом, геликоптер — вертолетом...

Но значит ли это, что иноязычные термины, вошедшие в русскую речь, всегда во всех случаях плохи? Что и апогей и фиаско, раз они не понятны в деревне Акуловке, должны быть изгнаны из наших книг и статей навсегда? А вместе с ними неисчислимое множество иноязычных оборотов и слов, которые давно уже усвоены нашими предками?.. Только мы вступим на эту дорогу, нам придется выбросить за борт такие слова, унаследованные русской культурой от древнего Рима и Греции, как республика, диктатура, амнистия, милиция, герой, супостат, пропаганда, космос, атом, грамматика, механика, тетрадь, фонарь, лаборатория и т. д. и т. д. А также слова, образованные в более позднее время от греческих и латинских корней: геометрия, физика, зоология, интернационал, индустриализация, политика, экономика, стратосфера, термометр, телефон, телеграф, телевизор...

Не думаю, чтобы нашелся чудак, который потребовал бы, чтобы мы отказались от этих нужнейших и полезнейших слов, давно ощущаемых нами как русские...

СЛОВАРЬ ТРУДНОСТЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

а́вгустовский

а́тлас — атла́с. Сборник таблиц, карт, специальных рисунков (*анатомический атлас, атлас мира*) — сорт шелковой ткани

а́брис

авгу́р

а́втор, *мн.* а́вторы

аге́нт, аге́нтство

адекватный [э]

адреса́т — адре́сант. Получатель, лицо или организация, кому адресовано почтовое отправление — лицо или организация, посылающие почтовое отправление (отправитель)

акаде́мия [д'е]

ахро́поль

акуше́р

алкого́ль

алфа́вит

анатом

аналогичный чему (*неправ.* с чем)

ана́пест

анекдоти́ческий — анекдоти́чный. Присущий анекдоту, основанный на анекдоте (*анекдотический рассказ*) — смехотворный, нелепый (*анекдотичный случай*)

ано́ним

апартаме́нты

апельси́н, *род. мн.* апельси́нов

аргуме́нт

аре́ст

архаи́ческий — архаи́чный. Свойственный старине (*архаический взгляд*) — вышедший из употребления, не соответствующий новым взглядам, правилам (*архаичное употребление*)

асбе́ст

асимме́трия

аске́т

ауди́т — проверка ведения бухгалтерского учета на предприятиях и в учреждениях с точки зрения его достоверности и справедливости

афе́ра

бази́роваться

баллоти́роваться

балова́ть

ба́ртер — прямой обмен товарами между контрагентами

ба́рышня, *род. мн.* ба́рышень

бас, *мн.* басы́

безвла́стный [сн]

безвре́дный для кого-чего (*неправ.* кому-чему)

безжалостный [сн]

безнадёжный

безопа́сный для кого-чего (*неправ.* кому)

безу́держный

белёсый

бензопрово́д

бескору́стный [сн]

беспоко́иться о ком/чем (*неправ.* за кого-кто)

библиотека́рь, *мн.* библиоте́кари

би́знес [э]

благополучный для кого-чего (*неправ.* в чем)

блоки́рование, блоки́ровать

блёлкый (*доп.* блёлкый)

блю́дце, *род. мн.* блю́дец

бомбарди́рова́ть

боя́знь

боя́ться кого-чего (матери), *разг.* кого-что (мать)

бри́финг — информационное совещание представителей прессы, на котором уполномоченными лицами излагается позиция правительства или организации

бро́ня — броня́. Закрепление чего-нибудь за кем-нибудь (*броня билета, номера*) — прочная защитная облицовка (*броня танка*)

брюне́т [н'э]

бу́дний — бу́дничный. Не праздничный (*будний день*) — прозаичный, однообразный (*будничная работа*)

бу́нкер, *мн.* бу́нкеры (*разг.* бункера)

бу́тербро́д [тэ]

бы́тие (*неправ.* ё)

бюрокра́тия

вало́вой

вахтёр, *мн.* вахтёры

ве́ксель, *мн.* ве́ксели

ве́ктор, *мн.* ве́кторы

великовозра́стный [стн]

вера во что

ве́рование

вероиспове́дание

ветерина́рия

ве́чер, *мн.* вечера́

взя́ток (у пчелы) — взя́тка (вид подкупа)

визи́рь

ви́шня, *род. мн.* ви́шен

вла́стный [стн]

внима́тельный к кому-чему (*неправ.* чему)

возмути́ться кем/чем (*неправ.* на кого-что)

волье́р и волье́ра (*м. и ж. р.*)

воспита́тельный — воспита́тельский. Относящийся к воспитанию (*воспитательная система*) — относящийся к воспитателю (*воспитательская комната*)

- восхища́ться кем-чем (*неправ.* кому-чему)
вся́кий — вся́ческий. Каждый (*всякая минута*) — самый
разнообразный (*всяческие поиски*)
втридорога
вы́бор, *мн.* вы́боры
вы́борный — вы́борочный. Относящийся к выборам, избираемый голосованием (*выборная должность*) — частичный (*выборочная проверка*)
газирова́нный (прил.), газиро́ванный (прич.)
газопровод
гала-конце́рт
гармони́ческий — гармони́чный. Относящийся к музыкальной гармонии (*гармонический ряд*) — стройный, согласованный (*гармоничная личность*)
гарниту́р — гарниту́ра. Полный комплект мебели, белья и т. д. — подбор однородных по рисунку шрифтов разных размеров и начертаний
гене́зис
гладильный
говори́ть о чем (разг. про что)
год, *мн.* годы (разг. го́да)
гололе́дица
го́рестный [сн]
грамм, *род. мн. книжн.* гра́ммов и *разг.* грамм
гренаде́р
группиро́вать
гру́стный [сн]
гусеница
давни́шний
дека́да [е]
дека́н [е]
демократи́ческий — демократи́чный. Относящийся к демократии, демократу (*демократический лагерь*) — характерный для демократии, демократа (*демократичное решение*)
де́спот [д'э]

детектив [дэтэ]

дефис

джинсы, *род. мн.* джинсов

диалог

дивиться кому-чему (*неправ.* кем-чем)

дилер — лицо или фирма, занимающаяся перепродажей
динамический — динамичный. Относящийся к динамике, движению (*динамическая теория*) — обладающий большой внутренней энергией (*динамичный темп*)

дипломатия

дипломатический — дипломатичный. Относящийся к дипломатии, дипломату (*дипломатический пост*) — тонко рассчитанный, уклончивый; как у дипломата (*дипломатичное поведение*)

директор, *мн.* директора (*неправ.* директоры)

диспансер

длинный — длительный. Имеющий большую длину (*длинный доклад*) — долговременный (*длительный отпуск*)

дно, *род. мн.* доньев

добровольный — добровольческий. Совершаемый без принуждения (*добровольный труд*) — относящийся к добровольцу (*добровольческая инициатива, добровольческая армия*)

добросовестный [сн]

добыча

догмат

договор, *мн.* договоры

договорённость

доктор, *мн.* доктора

документ

донельзя

достигать чего (о количестве: тридцати сантиметров в высоту), *неправ.* достигать тридцать сантиметров в высоту

досуг

доцент

драма́тичный — драма́тический. Выражающий сильные чувства, полный драматизма (*драматичная ситуация*) — относящийся к драме (*драматический кружок*)

дре́мота

дру́жеский — дру́жественный. Относящийся к другу, друзьям (*дружеская встреча*) — основанный на дружбе, взаимопонимании, связанный с дружбой, взаимопониманием (*дружественная страна*)

духовник

егерь, *мн.* егеря́ (*не* егери)

еретик

е́стественный для кого-чего (*неправ.* кому-чему)

жа́лостный [сн]

жалюзи

жа́р (в теле, в печке) — жа́ра (зной)

ждать чего

же́лоб, *мн.* желоба́ (*неправ.* желобы)

же́рнов, *мн.* жернова́ (*нелепая.* жерновы)

же́ртвовать что/чем

жесто́ко

жира́ф и жира́фа

заго́вор

заброни́ровать (закрепить) — заброниро́вать (покрыть броней)

заве́дующий чем

зави́дно

завсе́гда́тай

задо́лго

заём, за́йма, *мн.* займы

заку́порить

зал (*только м. р.*)

за́лог чего (*неправ.* чему)

за́морозки, *род. мн.* за́морозков

запа́сный — запа́сливый. Имеющийся в качестве запаса (*запасный выход*) — умеющий запасаться (*запасливый человек*)

- заржа́вeть
 звони́ть, звони́т
 здра́вствуйте [ств]
 zeró (нулевое очко)
 злой — зло́стный [сн]. Исполненный чувства вражды
 (злой человек) — имеющий дурную цель, преднамеренный
 (злостный нарушитель)
 зна́мение
 знако́мый кому́ (*неправ.* для кого)
 зна́харь, *мн.* зна́хари
 и́грек
 иденти́чный кому́/чему́ (*неправ.* с кем/чем)
 избалова́ть
 избало́ванный
 избега́ть чего́ (*неправ.* что)
 изве́стный [сн]
 извлека́ть доход из чего́ (*неправ.* с чего́)
 иконопи́сь
 инстру́ктор, *мн.* инстру́кторы
 инструме́нт
 инсуль́т
 инциде́нт (*неправ.* инцидент) — происшествие, недо-
 разумение, столкновение
 и́скра
 исподво́ль
 исте́блишмент [э] — правящие и привилегированные
 группы общества, а также вся система власти и управления,
 с помощью которой они осуществляют свое господство
 истерия́
 истори́чный — истори́ческий. Проникнутый историзмом
 (историчный материал) — относящийся к истории (истири-
 ческий факультет).
 исче́рпать
 ка́мбала́
 ка́мень, *род. мн.* ка́мне́й
 ка́пать, *н. вр.* ка́плет

карбюра́тор, *мн.* карбюра́торы

карт-блáнш — неограниченные полномочия (для совершения конкретных действий поверенным от имени доверителя)

карьер — карье́ра. Место открытой разработки полезных ископаемых; аллюр, ускоренный галоп (*с места в карьер*) — движение вверх в профессиональной среде (*сделать карьеру*)

каса́ться вопро́са, *уст.* до вопро́са

катаклиз́м

катало́г

каучу́к

кафе́ [э]

кварта́л

ки́вер, *мн.* киве́ра (*неправ.* киверы)

килогра́мм, *род. мн. книжн.* килогра́ммов и *разг.* килограмм

киломе́тр

кино́варь

ки́тель, *мн.* ките́ля (*неправ.* кители)

кичи́ться

кишки́, *род. мн.* кишо́к

кладовая

кла́пан, *мн.* кла́паны

кла́сть, *прош. вр. ж. р.* кла́ла

клешня́, *род. мн.* клешне́й

клу́бень, *род. мн.* клу́бней

коклю́ш, коклю́ша, коклю́шем

коле́но, *род. мн.* колён

колла́пс

ко́локол, *мн.* колокола́ (*неправ.* колоколы)

колос́с

колыха́ть, *н. вр.* колы́шет

командиро́ванный — командиро́вочный. Лицо, находящееся в командировке, направленное куда-либо (*командированный специалист*) — относящийся к командированному, командировке (*командировочные расходы*)

комический — коми́чный. Относящийся к комедии (*комический рассказ*) — забавный, нелепый, смешной (*комичный вид*)

коммюнике́ — официальное сообщение (в СМИ) о важных событиях

компетен́ция [п'эт'э] — круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом; сфера полномочий органа или должностного лица

компромети́ровать

компью́тер [э]

конденса́тор, *мн.* конденса́торы

конса́лтинг — консультирование товаропроизводителей, продавцов и покупателей по широкому кругу вопросов экономической деятельности

консе́нсус — общее согласие по спорным вопросам

контра́стный [сн]

контроль над чем

конформи́зм — приспособленчество

конфронта́ция — противоборство

конъюнкту́ра — обстановка, сложившаяся в определенный момент в области деловых отношений

копира́йт — авторские права, защищенные законом

ко́роб, *мн.* ко́робы (*разг.* короба́)

кору́сть

коти́роваться — иметь ту или иную цену или оценку

ко́фе [е] (*м. и ср. род*)

крапи́ва

краси́вее

крем [е]

креме́нь

крёстный отец

крёстный ход

критика чего/по поводу чего

крити́ческий — крити́чный. Относящийся к критике (*критический разбор*) — исполненный критики (*критичный*)

кру́жево, *род. мн.* кру́жев

ксёндз

куда́хтать, *н. вр.* кудахчет

кулина́рия

купе́йный [е]

ку́пол, *мн.* купола́ (*неправ.* кúполы)

ку́хонный

ку́чер, *мн.* кучера́ (*неправ.* кúчеры)

ладья́, *род. мн.* ладей

лампа́сы, *род. мн.* лампы́сов

лангу́ст и лангу́ста (*м. и ж. р.*)

лассо

легитимный — законный, общепринятый

ле́карь, *мн.* ле́кари

ле́ктор, *мн.* ле́кторы

ле́стный [сн]

лоббизм — практика оказания давления на законодателей, государственных чиновников, правительственные решения со стороны каких-либо организаций

логи́ческий — логи́чный. Относящийся к логике (*логическое мышление*) — правильный, разумный, последовательный (*логичное рассуждение*)

ломо́ть

магазин

макаро́ны, *род. мн.* макаро́н

манда́рин, *род. мн.* манда́ринов

мане́р — мане́ра. В некоторых выражениях: *таким манером, на новый манер, узелок на манер банта* — способ что-нибудь делать, особенность поведения (*манера говорить*)

манёвр

ма́ркетинг

маркиро́вать

ма́стер, *мн.* мастера́ (*неправ.* мастера́)

ма́стерски

маха́ть, *н. вр.* машу́

медикаме́нт

мелько́м

меновая́ (стоимость)

менталитет — умонастроения, определенный уровень общественного и индивидуального сознания и связанный с ним спектр жизненных позиций, культуры и моделей поведения

ме́стный [сн]

ме́сяц, *мн.* ме́сяцы

металлургия́

метаморфо́за (*только ж. р.*)

ме́тод — ме́тода. Способ познания, исследования (*диалектический метод*) — система практических приемов выполнения работы

методи́ческий — методи́чный. Относящийся к методике (*методическая конференция*) — точно следующий плану (*методичная работа*)

мизе́рный

мозо́ль (*только ж. р.*)

мониторинг — специально организованное систематическое наблюдение за состоянием каких-либо объектов

монтаже́р, *мн.* монтаже́ры

моратори́й — отсрочка исполнения обязательств

мурлы́кать, *н. вр.* мурлы́чет

мышле́ние

наго́ло — наголо́. До корней волос (*остричь наголо*) — вынув из ножен (*шашки наголо*)

наиско́сь

наме́рение

наотмашь

нево́д, *мн.* невода́ (*неправ.* неводы)

недвижимость

некроло́г

ненави́стнический — ненави́стный. Проникнутый ненавистью (*ненавистнические планы*) — вызывающий ненависть (*ненавистный враг*)

не́нависть

нена́стный [сн]

неосведомлённость в чем (*не* о чем)

нестерпíмый — нетерпíмый. Такой, который невозможно стерпеть (*нестерпимый холод*) — недопустимый; не способный терпимо относиться к кому-, чему-либо (*нетерпимое отношение*)

несча́стный [сн]

новорождённый

но́мер, *мн.* номера́ (*неправ.* номераы)

но́нсенс — бессмыслица

норми́ровать, норми́рование, норми́рованный

носо́к, *род. мн.* носков

ностальги́я — тоска по утраченному

ноу-ха́у — не защищенные охранными документами знания или опыт научно-технического, производственного, коммерческого и другого характера

нувори́ш — человек, разбогатевший на спекуляциях и пробившийся в высшие слои общества; богач-выскочка

обедне́ть — обедни́ть. Стать бедным (*обеднеть вследствие инфляции*) — сделать бедным (*обеднить жизнь*)

обеспе́чение

обетова́нный

обиде́ться на кого-что

облегчи́ть

ободрíть

обо́и, *род. мн.* обо́ев

о́браз, *мн.* о́бразы

обра́щать внима́ние на что

обшла́г, *мн.* обшлага́ (*неправ.* обшлагы)

оде́ржимый чем (*неправ.* в чем)

оде́ть кого-либо во что-либо — наде́ть что-либо на кого-либо

одновре́менный

озабо́ченность, озабоченный чем (*неправ.* о чем)

околёсица и окоlesiца

о́корок, *мн.* о́корока́ (*неправ.* о́короки)

о́крестность [сн]

о́круг, *мн.* о́круга́ (*неправ.* о́круги) — о́круга. Подразделение государственной территории (*административный, военный, избирательный округ*) — окружающая местность, окрестность

опа́сный — опа́сливый. Связанный с опасностью (*опасный мост*) — действующий осторожно (*опасливый человек*)

о́пека

о́писка — о́тписка. Случайная ошибка при письме (*досадная описка*) — ответ, не затрагивающий существа дела (*дерзкая отписка*)

оплати́ть что

опломби́рованный

опто́вый

о́рдер, *мн.* о́рдера́ (*неправ.* о́рдеры)

ориенти́рованный на что

осве́домить

осво́ить — усво́ить. Научиться пользоваться — сделать привычным, понять, запомнить

о́стракизм — изгнание, гонение

осуди́ть на что

о́тветный — о́тветственный. Являющийся ответом (*ответная реакция*) — несущий ответственность, важный (*ответственный работник*)

о́тзыв — о́тзыв (о чем, *неправ.* на что). Действие по глаголам «отозвать, вызвать обратно, вернуть» (*отзыв специалиста из командировки*) — мнение о ком-, чем-нибудь, оценка кого-, чего-нибудь (*отзыв о книге*)

откупо́рить

о́тпуск, *мн.* о́тпуска́

отрази́ться на чем (*неправ.* на что)

отче́т о чем/в чем

- офице́р, *мн.* офице́ры
охлокра́тия — крайняя, извращенная форма демократии
(проявляется как экстремизм), «власть толпы»
о́хра
очевидный для кого (*неправ.* кому)
па́сквиль
паблѝсити — реклама; известность, популярность
паллиати́в — полумера; мера, которая принимается для
создания видимости действий
парали́ч
парте́р
па́рус, *мн.* паруса́ (*неправ.* парусы)
па́сквиль
па́трон, *род. мн.* па́тронов
пе́карь, *мн.* пе́кари
пиала́
пи́цце́рия
плеска́ть, *н. вр.* плеще́т
плесневе́ть
пломбирова́ть
по́вар, *мн.* пова́ра (*неправ.* повары)
повре́нный и повре́нной
по́греб, *мн.* погребá (*неправ.* погребы)
подбо́дрить
полити́ческий — полити́чный. Относящийся к полити-
ке (*политический деятель*) — действующий дипломатично,
осторожно (*политичный намек*)
полоска́ть, *н. вр.* полощу́
полоте́нце, *род. мн.* полотене́ц
получа́ть дохо́д с чего (*неправ.* из чего)
помидо́р, *род. мн.* помидоро́в
понятли́вый — понятный. Быстро понимающий — ясный
(*понятная причина*)
поутру́
по́хороны, *род. мн.* похоро́н

- превосхо́дство над кем-чем
 предвосхи́тить
 предостере́чь от чего (*не о чем*)
 предста́вительный — предста́вительский. Производящий
 выгодное впечатление (*предста́вительная нару́жность*) —
 выбо́рный (*предста́вительский орга́н*)
 предста́вление — предоста́вление. Вручение для озна-
 комления, выдвижение для поощрения (*предста́вление ха-
 рактеристики*) — выделе́ние чего-то в чье-то распоря́жение
 (*предоста́вление креди́та*)
 преимúщество перед кем/чем
 преми́ровать, преми́рование, преми́рованный
 прэ́сса [е]
 при́быль, *мн.* при́были
 привы́чный для кого (*неправ.* кому)
 приговóр
 пригово́рить к чему (*неправ.* на что)
 приёмле́мый для кого-чего (*неправ.* кому)
 приме́тливый — приме́тный. Способный примечать (*при-
 метливы́й крити́к*) — заме́тный (*приме́тное неудовольствие*)
 принúдить
 прирост
 прису́ще кому-чему
 проже́ктор, *мн.* проже́кторы (*разг.* прожектора)
 прокля́тый — про́клятый. Надоевший, вызывающий до-
 саду, злобу (*прокля́тые холо́да*) — прокли́наемый, тот, кого
 прокля́ли (*про́клятый вра́г*)
 пропу́ск, *мн.* пропу́ска
 просты́ня
 протекцио́низм — 1) поддержка, оказываемая влиятель-
 ным лицом кому-либо в устройстве дел; 2) экономическая
 политика государства, направленная на ограждение нацио-
 нальной экономики от иностранной конкуренции
 профе́ссор, *мн.* профе́ссора (*неправ.* профессо́ры)
 процент

псевдоним

путепровод

ракушка

рапорт

рассредоточение

реалистический — реалистичный. Следующий реализму (*реалистическая живопись*) — соответствующий действительности, вполне практический (*реалистичная задача*)

регент

редактор, *мн.* редакторы

резюме [p'e] [мэ]

рейтинг [p'э] и [рэ] — уровень популярности

ректор, *мн.* ректоры

рельс (*только м. р.*) [p'э]

реноме — репутация [p'э] [мэ]

ретироваться

ретушь

рефери

рефлексия — размышления о своих чувствах, переживаниях

рецензия на что

рыскать, *н. вр.* рыщет

санаторий (*только м. р.*)

сантиметр

свёкла

свитер [тэ]

сводиться к чему

свойственный кому (*неправ.* для кого)

сектор, *мн.* секторы (*разг.* сектора)

сертификат — письменное свидетельство; документ, удостоверяющий какой-либо факт

сессия [с'э]

силос

симметрия

- сирóты (мн. ч.)
 скры́тый — скры́тный. Тайный, невидимый (*скрытая угроза*) — неоткровенный (*скрытый человек*)
 скульптор, мн. скульпторы
 ску́тер, мн. ску́теры (разг. скутера́) [тэ]
 слесарь, мн. слесари (*прост. слесаря́*)
 случа́й
 современ́ный
 согну́тый
 созы́в
 сосредото́чение
 спиртово́й
 средство, мн. средства
 статуя
 стагна́ция — застой в экономике, производстве, торговле
 стажёр, мн. стажёры
 ста́тус — стату́т. Правовое положение, состояние (*статус беженца*) — устав, положение о правах и обязанностях каких-либо лиц или органов
 сто́имость чего
 столя́р
 сто́рож, мн. сторожа́ (*неправ. сторожи*)
 счет, мн. счета́ (не путать со счётами — приспособлением для счета)
 сы́пать, н. вр. сы́плю
 такти́чный — такти́ческий. Обладающий тактом (*тактичный проступок*) — относящийся к тактике (*тактическая задача*)
 тамо́жня
 танцо́вщица
 темп [тэ]
 тенде́нция [тэ] [дэ]
 те́нор (неправ. [тэ]) мн. тенора́ (*неправ. те́норы*)
 те́рем, мн. терема́ (*неправ. те́ремы*)
 те́рмин [т'э]

те́терев, *мн.* тетерева́ (*неправ.* те́теревы)

те́фтели

техни́ческий — техни́чный. Относящийся к технике (*технический прогресс*) — обладающий высоким мастерством (*технический актер*)

типичный для кого (*неправ.* кому)

тира́ния

то́поль, *мн.* то́поли (*разг.* тополя)

торт, *мн.* то́рты, *род. мн.* то́ртов и то́ртов

трево́житься за кого/что

тре́нер, *мн.* тре́неры

третировать — обращаться с кем-либо пренебрежительно, свысока, не считаться с кем-либо

тро́йня, *род. мн.* тро́ен

трубопрово́д

ту́фля, *только ж. р., род. мн.* ту́фель

тягостный [сн]

уве́домить, уве́домленный

уве́ренность в чем

углуби́ть

уда́чливый — уда́чный. Счастли́вый; тот, кому везет (*удачливый исследователь*) — успешный (*удачный день*)

уделя́ть внима́ние чему

украинец

украи́нский

уме́рший

уплати́ть за что

управля́ющий чем

упро́чение

усугу́бить

участво́вать в чем

факсими́ле

факти́ческий — факти́чный. Соответствующий фактам (*фактическое положение дел*) — содержащий много фактов (*фактичный доклад*)

фа́ктор, *мн.* фа́кторы

фарфо́р

фе́льдшер, *мн.* фе́льдшера́ (*неправ.* фе́льдшеры)

фено́мен

фети́ш

фиа́ско — неуспех, провал

фильм (*только м. р.*)

фли́гель, *мн.* фли́гели (*разг.* флигеля)

флю́гер, *мн.* флю́гера́ (*неправ.* флю́геры)

фо́рс-мажо́р — чрезвычайные, непредотвратимые обстоятельства (например, стихийные бедствия), освобождающие от исполнения обязательств по договору

френч [е]

хао́с (беспорядок), Хао́с (мифол., первичное состояние Вселенной)

характе́рный (для кого-чего, *неправ.* кому-чему) — ха́раκτηрный. Свойственный кому-либо или чему-либо (*характе́рный признак*) — упрямый, любящий делать по своему (*харáктерный мужчина*)

ходата́йство

ходата́йствовать

хозя́ева

хозя́йский — хозя́йственный. Относящийся к хозяину; такой, как у хорошего хозяина (*хозя́йская заинтересованность*) — занятый хозяйством, связанный с хозяйством (*хозя́йственные вопросы*)

хо́лень и хо́лёный

христиа́нин

хуто́р, *мн.* хутора́ (*неправ.* хуторы)

цемент

це́на кому-чему или на что

це́нтнер

цепо́чка

це́х, *мн.* це́хи

ча́ртер — договор на аренду судна (самолета) в рамках конкретного срока

ча́стный [сн]

че́рпать

че́стный [сн]

чуло́к, *род. мн. чуло́к (неправ. чулков)*

шасси́

шине́ль [н'э]

шофёр

штаб, *мн. штабы́*

штабе́ль, *мн. штабе́ли (разг. штабеля́)*

ште́мпель, *мн. ште́мпели*

ште́псель, *мн. штепсе́ля [тэ]*

шу́лер, *мн. шуле́ра*

щаве́ль, *род. щавеля́, дат. щавелю́*

щипа́ть, *н. вр. щиплю́*

экскурс

экспа́нсия — расширение сферы влияния

экспе́рт

экстраполя́ция — распространение выводов, полученных из наблюдения над одной частью явления, на другую его часть

э́ллин

эмбарго — запрет на ввоз или вывоз из страны товаров или валюты как средство экономического воздействия на другое государство

эргоно́мика — наука о взаимоотношениях человека и машины в условиях производственной деятельности

юрисди́кция — сфера полномочий данного государственного органа

юриспруден́ция [е]

я́вный — я́вственный. Очевидный, нескрываемый (*явное превосходство*) — отчетливый, хорошо различимый (*явственный шепот*)

языко́вая (колбаса) — языко́вая (система)

яко́рь, *мн. якоря́*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беззубов А. Н.* Введение в литературное редактирование. — СПб., 1997.
2. *Введенская Л.А., Колесников Н.П.* Этимология. — СПб., 2004.
3. *Вербицкая Л.А.* Давайте говорить правильно. — М., 2003.
4. *Дьяков А.И.* Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке. URL: http://epicleza.narod.ru/rus_slovo/russgramotal/diak_prich.htm.
5. *Зуева Т.Г.* Речевые ошибки в работах ЕГЭ и средствах массовой информации: Общие болевые точки // Вестник Новгородского государственного университета. — 2003. — № 25. — С. 111–114.
6. *Иванова Т.А.* О бедах современного русского языка // Санкт-Петербургский университет. 10 июня 2008 года.
7. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. — М., 2008.
8. *Крысин Л.П.* Русское слово: свое и чужое. — М., 2004.
9. *Лобанов И.Б.* Русский язык и культура речи. — М., 2007.
10. *Мамонтова Т.Н.* Что несет нам глобализация: «Свое» и «чужое» в языке // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2007. — № 1. — С. 35–40.
11. *Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. — СПб., 2005.
12. *Нарочная Е.Б., Шевцова Г.В.* Иноязычные слова в современной российской публицистике // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 4 (8). — С. 84–97.

13. Розенталь Д.Э. Говорите и пишете правильно. — М., 2007.
14. Сметанина С.И. Литературная правка и редактирование для журналистов и специалистов по связям с общественностью. — СПб., 2003.
15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М., 2006.

При определении нормы в постановке ударения автор руководствовался наиболее авторитетным на сегодняшний день «Русским орфографическим словарем» В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой (М., 2010). Сложные моменты произношения выверялись по «Большому толковому словарю русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (СПб., 2008), а также по словарю «Русское словесное ударение» М.В. Зарвы (М., 2001). Если словари расходились в своих рекомендациях, то автором учитывались все возможные варианты.

0+

Научно-популярное издание

Лобанов Игорь Борисович

ГОВОРИМ ПРАВИЛЬНО ПО-РУССКИ. Речевой этикет

Ответственный редактор	<i>А.В. Волгова</i>
Корректор	<i>Л.С. Акентьева</i>
Компьютерная верстка	<i>С.Л. Сергеев</i>

Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Тираж 3 000. Заказ № 308.

ООО «Феникс»

344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80
тел. \ факс: (863)261-89-50, 261-89-59
Сайт издательства: www.phoenixrostov.ru
Интернет-магазин: www.phoenixbooks.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга».
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам